

✓
А. Вольскій

УМСТВЕННЫЙ
рабочій

Часть III.

ЖЕНЕВА

1904.

Настоящая брошюра составлена, (со значительными дополнениями,) из двух рефератов, прочитанных недавно в Женеве под общим заглавием: «Рабочая революция и социалистическая интеллигенция». Вместе с тем она представляет прямое продолжение и развитие положений, установленных в книжках: «Умственный рабочий» (2 части: I. Эволюция социалдемократии, II. Научный социализм), изданной в 1901 году в России, в очень ограниченном, впрочем, количестве экземпляров. Поэтому брошюра выпускается из печати, как

Умственный рабочий

Часть III

Брошюра будет издана в виде двух выпусков. Предлагаем читателю

Выпуск I

представляет собою первый из двух упомянутых рефератов, а именно

Социализм и рабочее движение в России.

III часть «Умственного рабочего» составляет тем не менее отдельное целое, понятное для всякого, даже совершенно незнакомаго с первыми двумя частями сочинения.

Общая в предисловии к первым двум частям критика основных историко-философских взглядов марксизма будет помещена в нескольких главах II выпуска.

Женева, август 1904 г.

Продолжительная агония самодержавия.

Больше полувька русский радикаль съ тоскою и нетерпением ждет крушения деспотического правительства, которое своим существованием „позорит“, по его патриотическому выражению, его „родину“. Все это время онъ тщательно слѣдитъ за всѣми затрудненіями, на которыя наталкивается царское правительство въ управленіи развивающимся обширѣйшимъ государствомъ. При каждомъ изъ такихъ конфликтовъ радикаль громко заявляетъ о безпомощности азіятскаго правительства, о невозможности для полицейскаго режима справиться съ растущими потребностями европеизующейся страны; всякій разъ онъ предвѣщаетъ самодержавію немедленную гибель, пророчитъ полное государственное банкротство. Но, увы!.. въ силу какого-то страннаго и, для бѣднаго русскаго радикала, фатальнаго рока самодержавіе живеть понинѣ съ этими безчисленными зародышами разложения и гибели; каждый разъ оно, грубо, по азіятски рѣшаетъ встрѣчаемый на пути конфликтъ и изъ какихъ-то непонятныхъ для радикала источниковъ черпаетъ силу для дальнѣйшаго своего существованія и темъ самымъ, къ ужасу и горю своего противника, становится все крѣпче.

Съ момента объявленія происходящей нынѣ войны предвѣщанія самодержавію немедленной гибели въ особенности усилились и стали высказываться русскимъ радикаломъ несравненно настойчивѣе, нежели когда-либо. Всѣ нелегальныя русскія газеты переполнились статьями, заключающими подробнѣйшія вычисления и всестороннія доказательства того, что царское правительство само почувствовало себя на краю гибели, Только безвыходнымъ, прямо отчаяннымъ положеніемъ можно объяснить, что оно затѣяло этотъ безумно рискованный и авантюристскій шагъ, столь недѣло азартную игру. Народныя массы взбудоражены и заражены крамолой до глубины; общество даже въ самыхъ легальныхъ слояхъ озлоблено противъ правительства: при такихъ условіяхъ царь не найдетъ нигдѣ поддержки, не найдетъ кредита ни на одной изъ европейскихъ биржъ и онъ идетъ прямо на встрѣчу своему Седану, по крайней мѣрѣ второму Севастополю.

Однако русское правительство очень скоро принудило революціонера понизить тонъ. Не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія войны оно успѣло показать революціонеру, что на своей сторонѣ оно имѣетъ, — вопреки всему, что пишется въ революціонныхъ газетахъ, — не только полицію, жандармовъ и поповъ, не только тѣ консервативныя слои общества, которые всегда служили опорой престола и отечества. На его сторонѣ элементы совсѣмъ свѣжіе, прогрессивныя ли-

11 July 1932

бералы, т. е. значительная часть того самого передового общества, которое революционер считал своим и которое он издавна пытается натравить на царя. „На самомъ краю гибели и банкротства“, „въ самомъ безвыходномъ положеніи“ силы самодержавія не только освѣжаются, вдохновляются, но и прямо множатся. Царизмъ укрѣпляется, поднимаетъ, не смотря на всю ничтожность и смѣхотворность своихъ народныхъ демонстрацій, столь сильную волну всероссийскаго патриотизма, что послѣдняя заставила даже русскаго революціонера серьезно считаться съ нею. Въ № 64 „Искры“ онъ считаетъ необходимымъ объясниться передъ царскими писателями въ томъ, что онъ не измѣнникъ, способный войти въ союзъ съ японскимъ правительствомъ, а въ слѣдующемъ, 62-омъ же изданіи онъ прямо говоритъ, что онъ патриотъ, получше всѣхъ бывшихъ русскихъ патриотовъ, способный не менѣе другихъ, а напротивъ больше ихъ и разумнѣе заботиться и любить „цѣло“.

Неужели несчастный рокъ все еще попрежнему готовится преслѣдовать русскаго радикала-революціонера? Неужели его разочарованиямъ не суждено окончиться?

Вѣдь современный русскій революционеръ, какъ социалдемократъ, въ послѣднія десять лѣтъ готовилъ нужную ему революцію такъ усиленно и по самымъ послѣднимъ, новѣйшимъ европейскимъ методамъ, отбросивъ старыя доморощенныя средства самобытнаго социализма. Онъ изучилъ, повидимому, въ совершенствѣ и примѣнилъ въ полномъ видѣ все искусство привлеченія рабочихъ для излеченія общества отъ всякихъ его недостатковъ и противорѣчій, искусство, испытанное, какъ говорятъ, повсюду въ Западной Европѣ и оказавшееся безошибочнымъ. Ему удалось составить и кое-какіе рабочіе баталліоны, и онъ уже не разъ, указывая съ гордостью на эти плоды своей дѣятельности, съ твердою увѣренностью объяснял либеральному обществу, что оно въ лицѣ этихъ баталліоновъ приобрѣло, наконецъ, дѣйствительную реальную силу для борьбы съ царемъ — народныя массы, впервые въ исторіи Россіи выступающія на борьбу за прогрессъ. Неужели вся эта работа, исполнявшаяся съ такою увѣренностью, по столь испытаннымъ методамъ, не должна достигнуть своей цѣли?

Русское рабочее движеніе, руководителемъ, даже чуть ли не творцомъ котораго считаетъ себя социалдемократія, приняло уже обширные размѣры и имѣетъ за собою очень интересную исторію. Но достаточно вспомнить послѣдній его эпизодъ, чтобы убѣдиться, на сколько это движеніе не желаетъ считаться съ социалдемократическими формулами и законами, на сколько испытанный методъ многого не предвидѣлъ; а если указанное событіе рассмотреть поближе, то мало-по-малу станетъ обнаруживаться и причина злослуженій русскаго радикала.

Прошлагодня всѣобщая стачка на югѣ Россіи не только не подготовлялась; она даже никѣмъ не предполагалась и не ожидалась. Революционеръ предвидѣлъ ее столь же мало, какъ и общество и правительство. Социалдемократы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ русскіе революціонеры пытаются изобразить это движеніе, какъ не вполне сознанный массами протестъ противъ самодержавнаго строя. Но для всякаго очевидно, что русскій революционеръ собственныя пожеланія выставляетъ за совершившіеся факты. Не будемъ ужъ говорить о томъ, что былъ

моментъ въ этомъ движеніи, именно въ Одессѣ, когда массы совершенно недвусмысленно выступили прямо противъ стремленій русскаго революціонера — это былъ очень непродолжительный моментъ, когда стремленія массъ ярко еще не выразились. Точно также достаточно лишь упомянуть, какъ объ общезвѣстномъ фактѣ, о томъ, что начало прошлагодняго движенія, движеніе бакинскихъ рабочихъ представляло собою экономическую стачку, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но мы утверждаемъ, что и при разсмотрѣніи всего движенія, въ его цѣломъ, вполне развившемся видѣ, не трудно замѣтить, что основное стремленіе массъ направляется совсѣмъ не въ ту сторону, куда пытаются отклонить эти массы усилія революціонеровъ.

Пока, въ подтвержденіе только-что сказаннаго, мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующія особенности прошлагодняго движенія.

Во первыхъ. Несомнѣннымъ стремленіемъ рабочихъ массъ было распространить движеніе *повсюду*. Въ Киевѣ, Екатеринославѣ и др. достаточно было перваго слуха о всеобщей стачкѣ, происходящей на Кавказѣ и въ Одессѣ, для того чтобы вызвать въ массахъ неуправляемое стремленіе устроить всеобщую приостановку производства и всякаго движенія и въ своемъ городѣ. Напротивъ, революціонерамъ въ это время понадобилось всесторонне обсуждать дѣло, стоитъ ли вообще присоединяться къ движенію.

Вотъ въ какое настроеніе привело кievскій социалдемократическій комитетъ извѣстіе о рабочемъ возстаніи:

«Вѣсти съ кга были не особенно *утѣшительны* для партіи: стачечное движеніе, охватившее Кавказъ и перебросившееся въ Одессу не имѣло вполне организованнаго характера, началось, повидимому, стихійно и не приобрѣло въ достаточной степени сознательно-политической окраски.»

Рабочее возстаніе, какъ бы оно широко ни разлилось, для русскаго революціонера «не утѣшительно» и нежелательно, разъ оно «стихійно» и безъ «политической окраски»!

«Почва для устройства стачки въ Киевѣ имѣется, но важно обсудить принципиальный вопросъ, *слѣдуетъ ли ее организовать*, если Комитетъ не сможетъ придать ей ярко-политической окраски и все время руководитъ ею, сохраняя свою *власть надъ стачечниками* (!). („Правдинъ. Революціонные дни въ Киевѣ“, стр. 4. Курсивъ здѣсь и ниже нашъ.)

И только тогда, и только тамъ, гдѣ становилось вѣроятнымъ, что массы поднимутся и безъ призыва революціонныхъ организаций, послѣднимъ не оставалось ничего другого, какъ издать прокламаціи, призывающія къ забастовкѣ. Иначе онѣ рисковали, что движеніе пойдетъ совершенно помимо нихъ. Въ отчетѣ Екатеринославскаго комитета Р. С. Д. Р. П., помѣщенномъ въ № 42 „Искры“ говорится:

«Въ концѣ іюля Комитетомъ для выясненія положенія было устроено нѣсколько специальныхъ собраній... Указывалось, что моментъ для стачки неблагоприятен... (Но) вполнѣ въслѣдствіи... по собраннымъ свѣдѣніямъ было видно, что настроеніе у всѣхъ очень напряженное: *всѣ ждутъ не дождутся стачки; что будемъ ли мы призывать или нѣтъ, она начнется*; что войска не помѣшаютъ ей начаться, такъ какъ къ плохому экономическому положенію прибавилось чувство солидарности, очень быстро растущее подъ влияніемъ

извѣстій о стачкахъ въ другихъ городахъ.» Потомъ, когда по разнымъ поводамъ социалдемократическая стачечная коммиссія отложила стачку на два дня, «привести это рѣшеніе въ исполненіе было трудно: послѣдняя недѣля передъ стачкой проходила для всѣхъ очень томительно; всѣ ждали ея и всѣ спрашивали, когда же начнется стачка? Когда болѣе близкимъ рабочимъ говорили, что она отложена на четвергъ, седьмого, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ боялись, что масса не станетъ дожидаться призыва организаци и начнетъ стачку сама.»

Итакъ, въ то время, когда рабочія массы стремятся вполне недвусмысленнымъ образомъ распространить забастовку повсюду, революціонеръ не считаетъ нужнымъ даже подражать имъ, и тамъ, гдѣ массы сами не производятъ достаточнаго на него давленія, онъ молчитъ, хоть и имѣетъ организаци по всей Россіи.

Во вторыхъ. Представляя себѣ свое движеніе всеобщимъ, массы сообразно съ этимъ и стремились придать движенію повсюду соответственный характеръ, характеръ повсемѣстнаго рабочаго возстанія. Съ этою цѣлью путемъ забастовки, а гдѣ она не удавалась, путемъ прямого насилія массы стремились лишитъ города не только всѣхъ средствъ передвиженія, но даже освѣщенія, пищи и воды. Революціонеры эти шаги массъ считали недопустимыми, и противъ этихъ «незаконныхъ» приемовъ выступали, какъ соц.-дем.-іе комитеты, такъ и отдѣльные пропагандированные ими «сознательные» рабочіе.

«Въ первый день стачки, говорится въ цитированномъ выше опісаніи Правдина, были попытки со стороны нѣкоторыхъ экспансивныхъ рабочихъ удержатъ потѣздъ, идущій на Курскъ, но организованные рабочіе убѣдили ихъ оставить свое намѣреніе.» (стр. 38)

Въ особенности Бакинскій комитетъ отличался, прямо противодействуя возстанію и подавляя всякое стремленіе массъ къ болѣе энергичному давленію на буржуазное общество. «Даже останавливая работы, говорить одна изъ его прокламацій, мы должны избѣгать насилія и не заставляя присоединяться къ стачкѣ рабочихъ, которые этого не желаютъ: пусть ихъ...» («Революц. Рос.» № 32.) Бакинскій комитетъ, напуганный поджогами, къ которымъ прибѣгли рабочіе, возмущенные отказомъ капиталистовъ, не постыдился даже провозгласитъ въ такихъ словахъ окончаніе стачки: Пора «поскорѣе окончить эту затянувшуюся для обѣихъ сторонъ тяжелую борьбу». (тамъ же) Не постыдился апеллировать прямо къ малодушью: Казаки, полиція, солдаты «станутъ прибѣгать къ особымъ мѣрамъ, начнутъ бить, стрѣлять, арестовывать всѣхъ и каждого, чтобы запугать васъ». (тамъ же) Здѣсь, какъ говорятъ, была образована даже изъ соц.-дем.-ихъ рабочихъ стража для охраны имущества буржуазіи.

Такое поведеніе отдѣльныхъ комитетовъ вся соц.-дем.-ая партія признаетъ вполне рациональнымъ, а центральный партійный органъ въ статьѣ Засуличъ (Прилож. къ брош. Правдина) объяснилъ, что для русской соц.-дем.-ин невозможна другая тактика до тѣхъ поръ, пока возстающія массы не потребуютъ единодушно и ясно конституціи; тогда лишь допустимо возстаніе, не отступающее ни передъ какими крайностями.

Что касается соц. рев.-овъ, то послѣдніе, хотя и декламируютъ

о вооруженныхъ демонстраціяхъ, но лишь только массы пытаются проявить насиліе по отношенію къ обществу, они, конечно, еще тверже, нежели соц.-дем.-ы, стоятъ за мирный, благородный способъ дѣйствій. Цитируемый нами выше рецензентъ «Рев. Рос.», осуждающій Бакинскій соц.-д.-ій комитетъ за его миролюбіе и антиреволюціонность, все же любитъся вдоволь мирнымъ характеромъ Бакинскій стачки:

«..Точно также не бастовали или почти не бастовали пекаря, булочники, мясники, извозчики: торговля также не прекращалась. Такимъ образомъ буржуазная публика не чувствовала особенныхъ неудобствъ отъ стачки. Народъ, этотъ новый самодержецъ, спокойнo, милостиво и умѣренно пользовался своей неограниченной властью, радуясь, какъ ребенокъ своему неожиданному могуществу.»

Въ концѣ концовъ оказывается, что въ обуздывающихъ насилія дѣйствіяхъ соц.-дем.-аго комитета было не мало величественной красоты.

Сдѣлаемъ выводъ. За полгода до возникновенія японской войны на югѣ Россіи поднялись на борьбу сотни тысячъ рабочихъ, стремясь вызвать въ Россіи всеобщее рабочее возстаніе. Радикальное общество, ожидающее конституціи и его представитель русскій революціонеръ заявилъ: пока не надо, рискованно, опасно. Событія, требуя немедленнаго отвѣта, поставили рѣзко вопросъ: какъ относится революціонеръ къ рабочему возстанію въ современной Россіи? Они отняли возможность у революціонера расплатиться съ рабочими и на этотъ разъ лишь векселемъ на будущее; они призвели учетъ его высокимъ, «социалистическимъ», «социалдемократическимъ», «чистопролетарскимъ» идеаламъ, и результатъ получился въ высшей степени интересный. Революціонеръ передъ лицомъ правительства, которому онъ полвѣка грозитъ революціей, долженъ былъ раскрыть свою душу и признаться, что въ составъ его «революціонныхъ» плановъ входитъ твердое противодѣйствіе рабочему возстанію, рабочей революціи.

Нельзя сказать, чтобы это для правительства было совершенно неожиданной новостью. Крайностямъ и насиліямъ, къ которымъ нерѣдко прибѣгали русскіе рабочіе въ своихъ бурныхъ стачкахъ, революціонеръ имѣлъ случай не разъ высказать свое неодобреніе, а по отношенію къ западноевропейскому «правовому» государству онъ часто считалъ своимъ долгомъ заявлять свою лояльность и не забывалъ высказывать безусловное порицаніе рабочимъ бунтамъ въ такихъ «свободныхъ» государствахъ.

Но все таки для правительства оставалось еще не вполне выясненнымъ: не хочетъ русскій революціонеръ рабочей революціи, или же онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ, какъ онъ самъ объясняетъ, стремиться къ ней: по трудности и невыполнимости дѣла? Прошлогднія июльскія событія дали прямой отвѣтъ: русскому революціонеру не нужно поднятаго рабочими массами, происходящаго на его глазахъ, рабочаго возстанія — онъ его не желаетъ.

Итакъ, между стремленіямъ русскаго революціонера и стремленіямъ рабочихъ массъ существуетъ глубокой антагонизмъ. Этотъ социальный антагонизмъ революціонеръ всѣми силами старается скрыть. Но, не смотря на всѣ его усилія, антагонизмъ этотъ давно обнаружывается, а въ прошлогднихъ лѣтнихъ событіяхъ обнаружился чрезвычайно

ярко. Вотъ этотъ-то социальный антагонизмъ и вытекающее изъ него противодѣйствіе революціонера рабочему возстанію даетъ самодержавію жизнь на глазахъ русскаго революціоннаго движенія послѣдняго подувѣка точно также, какъ іюньское избіеніе парижскихъ рабочихъ французскими демократами въ 48 г. дало жизнь третьей имперіи.

Вотъ гдѣ злой рокъ русскаго революціонера, столь неумолимо преслѣдующій его. Онъ заключается въ немъ самомъ, въ природѣ его стремленій, желаній, плановъ.

Если пролетарской революціи, рабочаго возстанія боится даже самъ революціонеръ, то какъ же не трепетать передъ нимъ русскому либеральному обществу, какъ ему не удерживать при жизни твердой самодержавной власти, не смотря на все ея бѣснованія?

Но мало того. Этотъ антагонизмъ между русскимъ революціонеромъ и рабочимъ движеніемъ даетъ самодержавію не только жизнь; онъ даетъ ему возможность расти и крѣпнуть, ибо радикальные элементы каждаго поколѣнія, напуганные краснымъ призракомъ, оно на слѣдующій день привлекаетъ къ себѣ на службу.

Этотъ антагонизмъ даетъ возможность самодержавію въ борьбѣ съ противникомъ удерживать свои старыя, азіатскія средства гнета и истребленія крамолы: по отношенію къ революціонному движенію, которое само боится бунта рабовъ всего міра, можно безопасно примѣнять самые звѣрскіе приемы, разъ это движеніе, по мнѣнію правительства, не въ мѣру разошлось.

Этотъ социальный антагонизмъ позволяетъ русскому правительству затѣвать самые наглые планы, самыя авантюристскія предпріятія, вызывать къ жизни и организовать самыя звѣрскіе инстинкты своихъ вѣрноподанныхъ. Оно могло бы затѣвать въ десять разъ болѣе широкіе еврейскіе погромы, не боясь собственноручно нарушать общественный «порядокъ и спокойствіе»: какъ бы ни былъ расшатанъ этотъ порядокъ, народныхъ массъ некому повести къ ихъ собственному возстанію, къ рабочему возстанію.*)

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что при еврейскихъ погромахъ событія будто нарочно складывались такъ, чтобы дать очень внушительный урокъ русскому революціонеру. Онъ этого урока даже не замѣтилъ. Нигдѣ въ районѣ польскаго возстанія полиція не удалось устроить еврейскихъ погромовъ. И это вполне естественно: во всеобщей стачкѣ, въ рабочемъ возстаніи происходитъ столь глубокой актъ солидарности людей всехъ расъ, что онъ заставляетъ надолго молчать всякіе національные предрасудки; и стачечники, какъ это и случилось въ прошломъ году, бьютъ царскихъ провокаторовъ при первой ихъ попыткѣ заикнуться о «жидкахъ». Вслѣдствіе этого еврейскіе погромы возникли лишь тамъ, гдѣ всеобщей стачки не было.

Но еще ярче выводъ нашъ иллюстрируется слѣдующимъ сопоставленіемъ. Гомельскія желѣзнодорожныя мастерскія, которыхъ революціонеръ ни за что не хотѣлъ присоединить къ всеобщему возстанію и которыя, приставъ къ нему, столь же смѣло, какъ въ Одессѣ и Кіевѣ, задерживали бы поѣзда желѣзной дороги, спустя мѣсяць пошли за царскими агитаторами громить евреевъ.

Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Бундъ воображаетъ, что онъ своей національной политикой наиболее успѣшнымъ образомъ защищаетъ евреевъ. Казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, что хоть эту-то свою

Наконецъ, социальный антагонизмъ между революціонеромъ и рабочими далъ возможность правительству предпринять грандіознѣйшій проектъ, укрѣпленія «престола и отечества» и, затѣвая войну на крайнемъ Востоку, создать для всехъ мракобѣсовъ ихъ великую эпоху, ихъ красные дни, по поводу которыхъ они и ликуютъ такъ побѣдноно въ настоящее время.

Послѣ іюльскихъ событій правительство могло бы безобозннно предпринять еще болѣе рискованную войну, чѣмъ японская: въ самыхъ неблагополучныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ обнаружившееся противодѣйствіе русскаго революціонера рабочей революціи предохраняетъ государство отъ революціи вообще.

Правительство можетъ устраивать самыя безпощадныя боины, можетъ губить въ своихъ военныхъ авантюрахъ несмѣтное число чело-вѣческихъ существъ: русскій революціонеръ, — все равно ученикъ ли онъ Лаврова, Маркса или Кропоткина, — не въ состояніи поднять къ возстанію противъ государства и народныя массы въ Россіи. Вѣдь онъ противникъ тѣхъ исключительно рабочихъ стремленій, которыя одни могутъ увлечь массы, которыя въ прошломъ году, не смотря на парализирующее дѣйствіе революціонера, подняли весь югъ Россіи. Вѣдь онъ, въ лучшемъ случаѣ, защищаетъ противъ капиталистовъ и государства лишь такія минимальныя претензіи рабочихъ и такіе безпасные, трѣдъ-юніонистскіе способы рабочихъ завоеваній, съ которыми давно освоились государственные мужи и которые умиротворяютъ и удовлетворяютъ грошами они давно научились безъ малѣйшаго потрясенія буржуазныхъ законовъ.

Противъ наглости самодержавія русскій революціонеръ, конечно, будетъ протестовать, угрожать революціей. Но, вслѣдствіе его антагонизма съ рабочими массами, его социалистическая дѣятельность, оторванная отъ реальной борьбы рабочихъ, противостоящая ей и превращающаяся такимъ образомъ въ религіозную проповѣдь, вызываетъ лишь такія «демонстраціи», для подавленія которыхъ достаточно силы одного полицейскаго участка; вызываетъ лишь протесты отдѣльных личностей, которые, какъ бы они ни были геройски, не находятъ отклика въ массахъ, ибо гордо отъ нихъ обособляются.

Однимъ словомъ, современный русскій революціонеръ, какъ его ни раздражай, какъ надъ нимъ ни издѣвайся, не рѣшится ни за что на шагъ, противорѣчающій его природѣ, на рабочее возстаніе, на тотъ пожаръ, который лѣтомъ прошлаго года, какъ неудержимая стихія, пронесся по странѣ, который, какъ зараза, захватилъ самыя забытыя, казалась, массы, противъ котораго не избрѣтены рецепты ни въ какихъ арсеналахъ европейской государственной мудрости. Правительство убѣдилось окончательно, что для т а к о г о пожара современный русскій революціонеръ искры не броситъ, какъ бы онъ ни былъ воз-

задачу Бундъ исполняетъ. Между тѣмъ, какъ Бундъ, такъ и польскіе социалисты-патріоты всевозможныхъ оттѣнковъ своею обособленностью достигаютъ лишь того, что оба эти «авангарда революціонной арміи въ Россіи» упорно молчатъ во время южнорусскаго возстанія, создавая этимъ первое условіе для всякаго рода макіавелліевской политики правительства.

мушенъ его наглостью и въ какомъ бы затруднительномъ положеніи оно не очутилось при своей рискованной политикѣ.

А еслибы даже, во время предпринятой на крайнемъ Востокѣ азартной игры, случайно и независимо отъ революціонера, опять вспыхнуло всеобщее стачечное возстаніе, царское правительство увѣрено, что революціонеръ не менѣе прошлагодняго проявлять бы благоразуміе и тактъ, не распространялъ бы пожара на всю Россію, а напротивъ такъ же, какъ въ прошломъ году, призывалъ бы къ мирному, благородному способу дѣйствій, удерживалъ бы рабочаго отъ насильственныхъ шаговъ, защищалъ бы отъ поджигателей фабрики и прочее имущество буржуазіи.

Первая забота современнаго революціонера.

Боязнь рабочей революціи, возстанія рабовъ современнаго общества, — это первородный грѣхъ русскаго революціонера, сдѣлавшій тщетными его полуѣвковскія усилія разрушить всероссійскую тюрьму.

Конечно не такъ ужъ просто разглядѣть опасеніе какихъ бы то ни было возстаній въ революціонномъ движеніи, которое ознаменовалось столькими геройскими подвигами самоотверженія, которое провозглашало борьбу со всей современной эксплуатаціей. Съ перваго взгляда покажется прямо невѣроятнымъ открывать малдушіе въ движеніи Желябовыхъ, въ движеніи, проявившемъ столько мужества.

А все-таки передъ нами неоспоримый, требующій объясненія фактъ: тотъ же самый революціонеръ, который на зарѣ своей юности предпринималъ грандіозный замыселъ пробудить Россію отъ ея глубокаго, вѣковаго, повсемѣстнаго сна, который для этого пробужденія совершалъ столь геройскіе подвиги..., нынѣ, когда, говоря его словами, Россія давно проснулась, когда сотни тысячъ рабочаго народа поднимаются смѣло на борьбу, когда ежеминутно готово вспыхнуть всероссійское рабочее возстаніе, — тотъ же революціонеръ, «соціалистъ» по-просту пятится передъ пожаромъ назадъ.

Соціалистическая кличка, которую присвоило себѣ русское революціонное движеніе, приводитъ наблюдателя а priori въ нѣкотораго рода религіозное по отношенію къ нему настроеніе, заставляетъ смотрѣть на него особыми глазами, какъ на небывалое до сихъ поръ историческое теченіе. Но, повторяю, неумолимо всплывающій фактъ принуждаетъ насъ приподнять закрывающій сущность движенія соціалистическій щитъ и посмотреть на него реальными глазами, какъ на обыкновенные историческіе будни.

Вульгарная исторія говоритъ намъ, что подвиги самоотверженія и мужества совершали люди съ первыхъ же дней ихъ общественной жизни. И съ того же отдаленнаго момента эта самоотверженность, пока она не достигла побѣды, всегда рекомендуетъ себя и свои дѣла, какъ жертву въ пользу всѣхъ ближнихъ, въ пользу всѣхъ человѣческихъ существъ. Но, достаточно ей одержать побѣду, низвергнуть гнетъ

который несла она сама, и оказывается, что жертвы приносились исключительно въ пользу очень незначительной среды, группы, класса; въ пользу среды строго ограниченной. Оставшіеся порабощенными испытываютъ отъ недавнихъ «самоотверженныхъ» борцовъ тотъ же самый звѣрскій гнетъ, что и отъ предыдущихъ властителей.

Безчисленные примѣры мужественнѣйшаго самоотверженія представляютъ намъ исторія патриотической борьбы за національную независимость въ Италіи, Польшѣ, у славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова и др. Общеизвѣстно, что самоотверженные патриоты, какъ личности, такъ и цѣлые слои общества, немедленно вслѣдъ за полученіемъ независимости, устраиваютъ настоящія оргіи грабежа и эксплуатаціи, какъ будто издѣваясь надъ наивностью народныхъ массъ, повѣрившихъ, что борьба велась за свободу всѣхъ.

Вотъ эту-то мѣрку, обычную для историческихъ будней, факты заставляютъ примѣнить и къ анализу души русскаго революціонера. Тогда соціалистическія, пролетарскія и т. п. фразы перестанутъ насъ обманывать и затухевывать прямой смыслъ этого «соціалистическаго» движенія.

То народное возстаніе, о которомъ на протяженіи полуѣвка мечтаетъ русскій революціонеръ, которое онъ пытается вызвать путемъ своихъ величайшихъ усилій, совершенно не похоже на то возстаніе, которое рабочія массы прошлымъ лѣтомъ пытались распространить повсюду. Его возстаніе есть нѣчто отличное отъ рабочей революціи, отъ революціи рабовъ современнаго общества.

Возстаніе, которое пытался вызвать въ годы своей юности русскій соціалистъ, должно было быть обязательно крестьянское возстаніе. Оно должно было отнять у помѣщиковъ землю передать крестьянамъ. Это возстаніе и въ отношеніи элементовъ, приводимыхъ въ движеніе, и въ отношеніи цѣлей, поставленныхъ движеніемъ вышло бы по необходимости вполне тождественнымъ съ тѣмъ возстаніемъ французскихъ крестьянъ, которое во время великой революціи сумѣло лишь упразднить средневѣковое господство феодаловъ, не ставя никакой помѣхи новому господству, буржуазіи.

Западно-европейское соціалистическое ученіе, признавъ русскій народническій социализмъ своимъ развитіемъ, способствовало полному затемнѣнію этой перспективы русскаго крестьянскаго возстанія и закрѣпленію за нимъ представленія, какъ о движеніи соціалистическомъ, направленномъ къ полному уничтоженію эксплуатаціи.

Русскій революціонеръ изъ этого обстоятельства хочетъ приобрести большой плюсъ въ свою пользу: онъ де тотъ же самый социалистъ, который на Западѣ стремится упразднить классовое господство. Но съ нашей точки зрѣнія это обстоятельство, т. е. такъ называемая соціалистичность русскаго движенія ставитъ лишь большой минусъ всему соціалистическому ученію истекшаго столѣтія. Послѣднее, даже въ лицѣ своего наиболѣе критическаго теченія — научнаго социализма, признало утопическое предпріятіе русскаго революціонера вполне реальной и умѣстной соціалистической попыткой.

Интелигенція Франціи, Германіи, Австріи первой половины XIX столѣтія проявила въ борьбѣ съ феодалами и плутократами не мало самоотверженія и мужества и такъ же, какъ русскій революціонеръ

70-х годовъ, клялась въ томъ, что съ помощью своихъ социалистическихъ плановъ немедленно прекратитъ капиталистическую тиранию. Но, увы! — неожиданно, поистинѣ какъ громъ съ яснаго неба, среди радужныхъ мечтаній, окрылявшихъ революціонныя движенія 48-го года случился фактъ, передъ которымъ вся эта революціонная интеллигенція, даже въ своихъ наиболѣе крайнихъ социалистическихъ теченіяхъ поблѣднѣла и опустила руки.

На священную «соціальную республику», священную даже въ глазахъ тогдашнихъ революціонеровъ и социалистовъ, дѣлаютъ нападеніе рабочіе Парижа и показываютъ, что въ этой священной демократіи, въ которой, по увѣреніямъ социалистическихъ учителей, должны найтись раньше или позже средства прекращенія всякихъ общественныхъ бѣдствій, что въ этой священной демократіи власть, вытекающая по всемъ видимостямъ изъ воли всѣхъ, изъ воли свободного народа, есть та же старая власть звѣрскихъ эксплуататоровъ и грабителей.

Рабочіе «національныхъ мастерскихъ» — іюньское возстаніе есть ихъ именно дѣло — не были знакомы, какъ извѣстно, ни съ одной изъ многочисленныхъ тогдашнихъ социалистическихъ системъ; въ ихъ средѣ не было ни одного представителя тогдашнихъ радикальныхъ и революціонныхъ теченій французскаго общества. Ихъ чуждали всѣ радикалы, какъ своего рода зубатовцевъ, которыхъ хотѣли купить консерваторы учрежденіемъ общественныхъ работъ. Тѣмъ, не менѣе за свои требованія они, какъ львы, дрались противъ безчисленной арміи, противъ національной гвардіи, противъ всего общества. Требовательность инсургентовъ какъ будто превосходила даже ожиданія социалистическихъ системъ, хотъ и требовали они очень простой вещи — дальнѣйшаго обезпеченія отъ голода, отъ безработицы.

Социалисты съ началомъ революціи провозгласили было «право на трудъ». Но требованіе іюньскихъ инсургентовъ — обезпеченіе отъ голода, отъ безработицы, могло быть по социалистическимъ планамъ достигнуто только послѣ длиннаго ряда социалистическихъ реформъ, послѣ многихъ лѣтъ «социалистическаго строительства», самое скорое, въ первый день будущаго социалистическаго рая. Такой же неуклонной претензіи массъ — немедленнаго обезпеченія отъ голода, не ожидала ни одна социалистическая партія. Для удовлетворенія іюньскихъ инсургентовъ не нашлось, такимъ образомъ, никакого рецепта, никакого средства даже въ социалистическихъ арсеналахъ. А, между тѣмъ, требованіе это было такъ просто — обезпеченіе отъ безработицы, отъ голодной смерти! Инсургенты отказъ въ этомъ требованіи считали столь возмутительнымъ, что въ борьбѣ своей проявили неслыханное, не обнаружившееся ни въ одномъ изъ другихъ возстаній упорство, ожесточеніе, рѣшимость драться буквально до послѣдняго издыханія.

Непреклонная требовательность іюньскихъ инсургентовъ, не считающаяся даже съ социалистическими путями, расчетами и планами, ихъ полная оторванность отъ какихъ-либо опредѣленныхъ общественныхъ теченій и системъ, поражающая всѣ эти системы простой формулировкой самыхъ элементарныхъ потребностей и обнаруживающая беспомощность и утоничность самыхъ смѣлыхъ, казалось, социалистическихъ плановъ, наконецъ удивительное, непонятное, ге-

ройское упорство въ защитѣ своихъ претензій, — всѣ эти черты возстанія, не только чуждыя, но прямо гниственныя для радикальнаго общества и его реформаторовъ, — весь этотъ четырехдневный отчаянный мятежъ рабовъ общества навелъ ужасъ не только на правительствѣ, не только на прогрессивныхъ либеральныхъ партій, но даже на революціонные до того времени слои общества, на социалистическія теченія.

Съ той поры перестали рождаться въ средѣ образованныхъ обществъ цивилизованнаго міра Мараты, нападавшіе и направлявшіе на власть все отчаяннѣе голодныхъ массъ. Съ этого момента революціонеръ занятъ уже не столько агитаціей возмущенія массъ, сколько выработкой надежныхъ предохранительныхъ клапановъ, оберегающихъ цивилизованный міръ отъ повторенія грознаго возстанія рабовъ. Это и дѣлаютъ на протяженіи всей дальнѣйшей исторіи агитаторы — социалдемократы, научные социалисты, первая забота которыхъ убѣдить массы въ «неподготовленности», внушить имъ необходимость «терпѣливаго ожиданія».

Іюньское возстаніе — это знаменательнѣйшее событіе цѣлаго вѣка; всякій политикъ, всякій «мыслитель-революціонеръ» пытается замолчать его, но оно неумолимо всплываетъ въ ихъ памяти при каждомъ т. н. стихійномъ взрывѣ рабочихъ массъ, при каждомъ массовомъ возмущеніи пролетаріата.

Извѣстно, какъ глубоко были поражены іюньскимъ возстаніемъ оба родоначальника русскаго народническаго социализма, Герценъ и Чернышевскій, какъ пристально всматривались они въ это событіе, желая разгадать полный его смыслъ. И на ряду съ глубокой потребностью всего передоваго общества въ обузданіи всероссійской азіатской власти и коренномъ преобразованіи всего государственнаго строя, на ряду съ этой потребностью, которую они такъ сильно отражали своею дѣятельностью, у нихъ возникла столь же сильная потребность предохранить свою родину отъ «язвы пролетаріатства», какъ выразился еще Чернышевскій. И чѣмъ глубже, грандіознѣе представлялся имъ предстоящій Россіи общественный переворотъ, тѣмъ прочнѣе, надежнѣе долженъ быть и тотъ предохранительный клапанъ безопасности, куда можно было бы удалить всѣ разгорѣвшіяся во время соціальной революціи страсти миллионновъ русскихъ рабовъ.

Вдохновленные теоріями западно-европейскаго социализма, — это обстоятельство мнѣ въ особенности хотѣлось бы здѣсь подчеркнуть — родоначальники русскаго социализма, какъ извѣстно, нашли этотъ клапанъ въ видѣ сельской общины. Первобытныи русскій коммунизмъ былъ сдѣланъ основой, его развитіе — цѣлью революціоннаго движенія въ Россіи. Благодаря этому, развитіе соціальной революціи въ Россіи становится уже не прямымъ движеніемъ впередъ, въ невѣдомыя, опасныя глубины соціального переворота, революціи рабовъ современнаго общества. Это несомнѣнно и движеніе назадъ къ тихой пристани родного коммунизма, къ безопаснымъ, вѣковымъ отечественнымъ устоямъ. Соціальный вопросъ, говоритъ одинъ изъ представителей русскаго социализма — Михайловскій, есть вопросъ революціонный на Западѣ; у насъ, гдѣ производитель еще не отдѣленъ отъ своихъ средствъ производства, — земли, это вопросъ консервативный.

Съ безопаснымъ клапаномъ въ рукахъ русскій революціонеръ могъ распинаться, какъ самый красный въ Европѣ социалистъ, могъ провозглашать «полное уничтоженіе частной собственности», «полное уничтоженіе государства», могъ объявлять себя крайнимъ анархистомъ, который (по Бакунину) разрушаетъ все буржуазное отъ министерскихъ канцелярій до университетовъ. Онъ дѣлалъ все это безбоязненно, ибо первое слово его программы было для него превосходнымъ щитомъ. Говоря: въ Россіи нѣтъ, не будетъ и не надо пролетарія,— первый пунктъ программы тѣмъ самымъ говорилъ:—въ Россіи нѣтъ, не будетъ и не надо пролетарскихъ бунтовъ, пролетарской революціи.

Такой выводъ не только дозволительно сдѣлать; такой выводъ дѣйствительно сдѣлали въ послѣдующую эпоху тѣ изъ русскихъ социалистовъ, которые старались остаться вѣрными старымъ традиціямъ. Когда рабочіе бунты, волненія, совершенно пренебрегая народническими формулами, стали учащаться и разрастаться, когда болѣе умные революціонеры призадумывались надъ тѣмъ, какъ приспособить эти волненія къ «революционнымъ потребностямъ родины», старый русскій социализмъ прежде всего глубоко обезпокоился, что слишкомъ много удѣляется вниманія пролетарію, причемъ, пожалуй, не останется со-всѣмъ мѣста ни для какой революціи, кромѣ пролетарской. Первой заботой его было тогда (да еще и теперь она не исчезла) убѣдить всѣхъ и cadaго въ маловажности рабочихъ волнений, въ ихъ ничтожномъ значеніи для такой малопромышленной страны, какъ Россія.

Въ настоящее время старый русскій социализмъ со всѣми своими заботами предохраненія отечества отъ пролетарскихъ опасностей, въ значительной мѣрѣ успокоенъ и удовлетворенъ своимъ наследникомъ, соц.-д.-іей. Эта послѣдняя, какъ выяснилось и установилось окончательно, никогда не думала готовить своимъ соотечественникамъ такой неприятной для нихъ неожиданности, какъ пролетарская революція въ современной Россіи. Она не измѣняетъ общенациональнымъ интересамъ отечества и идеаламъ стараго социализма. Напротивъ, со своими рабочими батальонами, она, по ея собственному назначенію,— лучший реализаторъ завѣтовъ славнаго наследства. Важнѣйшій пунктъ этого завѣщанія, какъ мы видѣли, есть предохраненіе отечества отъ возстанія современныхъ рабовъ. И этотъ пунктъ соц.-д.-ія выполняетъ безупречно.

Всѣ доводы народниковъ въ пользу *невозможности* въ Россіи капитализма и пролетарскаго движенія русская соц.-д.-ія примѣнила къ доказательству *недоразвитія* капитализма, невозможности пролетарскаго возстанія безъ предварительнаго осуществленія рабочими «общенациональныхъ задачъ и идеаловъ». Невозможность пролетарской революціи въ современной Россіи доказывается соц.-д.-іей вовсе не хуже, чѣмъ старымъ русскимъ социализмомъ. Клапанъ безопасности, предохраняющій современную Россію отъ такой бѣды, лишь европеизованъ соц.-д.-ами, но онъ не менѣе надеженъ, и даже, какъ стараются разъяснить сами его строители, далеко лучше стараго.

Первое слово стараго русскаго социализма гласило: Возставшій русскій народъ найдетъ свое спасеніе въ развитіи вѣковыхъ коммунистическихъ устоевъ своей жизни.

Первое слово европеизованнаго русскаго социализма говоритъ:

Возставшій пролетаріатъ найдетъ путь къ своему спасенію въ конституціонномъ государствѣ. Раньше, чѣмъ приступить къ собственной революціи, пролетаріатъ долженъ совершить революцію буржуазную; раньше, чѣмъ освободить себя, онъ долженъ освободить другіе непролетарскіе классы, вмѣстѣ съ нимъ страдающіе отъ гнета самодержавной власти. Это первый пунктъ того «чисто-пролетарскаго» («классоваго сознанія»), привить которое некультурнымъ русскимъ рабочимъ беретъ русскій социалистъ нашего времени. Въ видѣ рабочихъ батальоновъ, глубоко и непоколебимо проникнутыхъ такого рода сознаніемъ, соц.-дем-тія даетъ передовому обществу надежную гарантію того, что предстоящій государственный переворотъ и обновленіе русскаго государства благодаря конституционнымъ благамъ произойдетъ безъ тѣхъ неурядныхъ конфликтовъ, которые сопровождали освобожденіе западно-европейской буржуазіи.

Удивительный плодъ социализма.

Цѣль русскаго революціоннаго движенія, не смотря на всевозможныя фазы въ его развитіи, не смотря на различныя фракціи, обособившіяся въ немъ, участникамъ этого движенія казалась всегда ясной, общепонятной. Споры между революционными фракціями почти не касались этой общепонятной цѣли движенія, существа дѣла, очевиднаго, какъ подразумевалось, для всякаго. Споры происходили скорее относительно путей и средствъ къ достиженію одной, общей всѣмъ русскимъ революціонерамъ, цѣли.

Какая же это цѣль? Какое же это дѣло; — Конечно социалистическое дѣло! Въ Россіи слово «революціонеръ»—почти синонимъ слова «социалистъ». Русскій революціонеръ, такимъ образомъ какъ бы рожденъ социалистомъ.

Русская социалдемократія, не смотря на свою «критическую» точку зрѣнія въ отношеніи къ различнымъ фазамъ «первоначальнаго социализма», не смотря на провозглашенную ею классовую борьбу въ Россіи, нисколько въ данномъ отношеніи дѣла не перемѣнила.

Въ противоположность всѣмъ предшествовавшимъ революционнымъ теченіямъ, соц.-д.-ія выставила свое основное положеніе о томъ, что русская буржуазія стремится стать господствующимъ классомъ и полнымъ хозяиномъ въ своей странѣ точно такъ же, какъ во всѣхъ прочихъ государствахъ, что она будетъ стараться, раньше или позже, въ большей или меньшей мѣрѣ, выполнить эту свою историческую роль—уничтоженія или ограниченія абсолютизма.

Однако все это и вытекающее отсюда заключеніе, что въ Россіи, если еще не появились, то появятся неизбежно революціонеры-буржуа, что послѣднимъ придется вести свою подпольную работу бокомъ-обокъ съ «пролетарскими» идеологами—соц.-д.-ами... все это, повторю, ни въ малѣйшей степени не должно было по мнѣнію русской соц.-д.-ии вызвать какое либо болѣе значительное, нежели до тѣхъ поръ, раз-

единение среди русских революционеров. В ожидании классовой борьбы между русской революционной буржуазией и пролетариатом, лагерь русских революционеров долженъ тѣмъ не менѣе стремиться къ объединенію въ одно цѣлое, съ одною цѣлью движенія. Въ этой цѣли появившаяся новая «антибуржуазная», «пролетарская» партія соц.-д.-и не бралась ничего видоизмѣнять: со всѣмъ своимъ научнымъ сознаниемъ «пролетарія» она ставила себѣ лишь задачу найти наилучшій путь осуществленія идеаловъ русскаго революціонера.

Въ самомъ дѣлѣ, русская соц.-д.-ия съ самаго начала предложила свое новое мировоззрѣніе, какъ новый путь борьбы для всѣхъ русскихъ революционеров. Въ 93 г. Плехановъ объявляетъ, что русский революціонеръ уже на три четверти стоитъ на сторонѣ новой «пролетарской» программы, которой суждено, по видимому, объединить всѣхъ русскихъ революционеров, на что и надѣется основатель соц.-д.-ой партіи въ Россіи.*)

Обособить, въ виду революціоннаго движенія русской буржуазіи революціонныя силы рабочаго класса, обособить ихъ такъ, чтобы онѣ направлялись исключительно къ освобожденію рабочихъ, чтобы этимъ движеніемъ онѣ лишали ореола и величія самыя прогрессивныя и революціонныя планы буржуазіи, открывая въ нихъ грабительскіе расчеты, создать такую рабочую партію, — это предпріятіе было бы прямо противоположнымъ политикѣ мировой соц.-д.-тии, ученію научнаго социализма.

Но столь же мало могла родиться подобная мысль и въ головѣ русскаго анархиста, хоть его будто бы не удовлетворяетъ марксистскій социализмъ и хоть онъ стремится къ самому идеальному изъ всѣхъ идеальныхъ социалистическихъ строевъ. Стремленіе пролетарія къ безусловной революціонной самостоятельности и отбрасыванію общенациональныхъ обязанностей, признаваемыхъ до сихъ поръ всякимъ революціонеромъ, это стремленіе еще болѣе чуждо анархистамъ, чѣмъ соц.-д.-амъ. Поэтому русскіе анархисты возмущаются такъ же, какъ и соц.-рев.-ры, когда эти общенациональныя обязанности называются кѣмъ либо буржуазными; поэтому всякій разборъ вопроса о томъ, какіе изъ плановъ современнаго русскаго революціонера дадутъ буржуазные плоды, они, какъ и соц.-рев.-ры, съ досадой называютъ пустыми гаданіями и доктринерскими затѣями метафизической діалектики. («Хлѣбъ и Воля», N 3, стр. 2)

Общенациональныя задачи русской анархистъ берется выполнить не менѣе успѣшно, чѣмъ соц.-дем.-ать или соц.-рев.-ерь. Объявляя въ 93 г. объ изданіи «Анархической Библиотеки», Кропоткинъ говоритъ: „Мы убѣждены, что образованіе въ Россіи анархической партіи не только не повредитъ общему революціонному дѣлу, но въ высшей степени желательно и полезно.“ (Предисловіе къ «Парижской Коммуны» Бакунина).

Это «общереволюціонное дѣло», которому Кропоткинъ берется помогать всѣми своими силами, есть — какъ извѣстно — между прочимъ

*) «.. Каждая, даже самая враждебная намъ группа русскихъ революционеров, на три четверти усвоила себѣ наши идеи.» (Тунъ, Исторія рев., соц.-д.-ое изд., стр. 276)

и дѣло Струве, Дебагоріевъ-Мокривичей, князей Волконскихъ и т. п. «революціонныхъ либераловъ».

Первая обязанность русскаго революціонера — собирать народныя силы, и рабочіе баталіоны для великихъ либеральныхъ плановъ. Этой обязанностью, этой ролью анархистъ гордится такъ же, какъ и «Пескра» и «Рабочее Дѣло», съ одной стороны, и «Революціонная Россія» и «Наканунъ», съ другой. И совершенно такъ же, какъ и тѣ, первыми плодомъ собственной революціонной дѣятельности, мѣриломъ своихъ революціонныхъ успѣховъ анархистъ считаетъ возбужденіе въ лагерѣ либераловъ, подъемъ ихъ духа, оживленіе ихъ политическихъ аппетитовъ... «Русское правительство, говоритъ Кропоткинъ, начнетъ дрожать за свою судьбу и либеральные господа наберутся смѣлости заговорить человѣческимъ языкомъ вмѣстѣ теперешняго холопскаго.» («Распаденіе современнаго строя», стр. 30.)

Итакъ фракціонная рознь между русскими революціонными партіями считается, несомнѣнно, ненормальнымъ, преходящимъ состояніемъ, и всякій революціонеръ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, ожидаетъ примиренія и объединенія всѣхъ революціонеровъ, какъ чего то нормальнаго, желательнаго, обязательнаго.

Какое же это такое общепонятное, всѣми одинаково ощущаемое дѣло единой русской революціи?

Проявляющееся на протяженіи всего русскаго движенія стремленіе къ обезпеченію «родины» отъ пролетарской революціи является свидѣтельствомъ, что это движеніе есть не освободительная борьба рабовъ современнаго общества, какъ говоритъ ей заголовочекъ, а борьба какого то имущаго, привилегированнаго класса. И если милліоны рабовъ Россіи не откликнулись на геройскіе призывы народниковъ-социалистовъ, то не потому, что они — по своей заботности — не могли понять своего собственнаго дѣла, а просто потому, что это не было ихъ дѣло.

Но русский революціонеръ, вмѣсто того, чтобы анализировать безпрестанно свою собственную душу и душу близкихъ своихъ, почувствовалъ претензію къ русскому рабочему люду за его мнимую черную неблагодарность, невѣжество и черствость и, возгордившись непомѣрно своимъ собственнымъ величіемъ и великодушіемъ, воспитавшись въ такого рода чувствахъ, скоро привыкъ совершенно безцеремонно обращаться съ рабочими массами, какъ съ п. острымъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Этимъ, конечно, онъ съ каждымъ днемъ лишь яснѣе свидѣтельствовалъ, что онъ не выразитель чувствъ возмущенія русскихъ рабовъ, а представитель противоположной этимъ рабамъ-общественной силы, какого то класса, стоящаго надъ ними и стремящагося вызвать народное движеніе лишь для достиженія полнаго развитія собственной привилегіи.

Революціонеръ семидесятникъ, какъ извѣстно, очень скоро, (уже въ половинѣ 70-хъ гг.) самъ сталъ смотрѣть на свои первоначальныя попытки полнаго отщепенства отъ общества, какъ на сантиментальную лишь затѣю, какъ на предрасудокъ, какъ на гипертрофію собственной «совѣсти» (какъ находить, полнымъ негодованіемъ за это, либе-

беральный мессия †), как на гипертрофию собственного великодушія, великодушія «розовой мечтательной юности» (Желябовъ). Между тѣмъ еще нѣкоторая доля того стремленія къ отщепенству отъ общества, которая была у первоначальнаго народника-соціалиста, еще немного больше смѣлости его революціонной мысли, и онъ сейчасъ же послѣ своего перваго разочарованія, т. е. въ половинѣ 70-хъ годовъ предпринялъ бы ту критику народническаго социализма, которую произвела «Группа Освоб. Труда» только спустя десять лѣтъ и по спеціальнымъ уже мотивамъ. Критика, произведенная въ указанный моментъ и при указанномъ условіи не ставила бы себѣ еще той узкой цѣли, къ которой стремится Плехановъ-соціалдемократъ въ своихъ первыхъ критическихъ брошюрахъ, преслѣдующій главнымъ образомъ задачу найти вмѣсто прежней утопической реальную народную силу для общества въ его враждѣ съ абсолютизмомъ. Это была бы болѣе смѣлая и послѣдовательная революціонная критика самого социализма, не только русскаго народническаго, но и западноевропейскаго, «научнаго» социализма, какъ его источника. Эта самокритика, которая оказалась не по силамъ семидесятнику, не смотря на его революціонизмъ, не смотря на его анархическое отщепенство, не смотря на его геройство, самокритика, тѣмъ менѣе доступная его потомкамъ, всѣмъ хранителямъ «революціоннаго наслѣдства», хранителямъ всевозможныхъ оттѣнковъ, включая сюда и соц.-д.-ію, эта самокритика принуждена была сдѣлать слѣдующія откровенныя признанія, прямопротивоположныя тѣмъ выводамъ, которые революціонеръ дѣйствительно сдѣлалъ изъ оцѣнки 70-хъ годовъ.

«Прекрасная социалистическая проповѣдь» народника, сопоставленная съ дѣйствительнымъ положеніемъ русскаго рабочаго народа, оказывается басней. «Чистая юная мечтательность» «отщепенца» заключаетъ все еще громадную долю фальши, продиктованной непосредственно собственными заботами этого привилегированнаго общества. «Великодушіе» социалиста-народника съ его «развитой до гипертрофіи совѣстью» готовится, — лишь только ему удастся увлечь за собою русскій рабочій народъ, — ввести его въ заблужденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько фальши заключалось въ словахъ: у насъ нѣтъ пролетарія! Революціонеръ-народникъ упорно повторялъ это свое основное положеніе въ то время, когда вокругъ него, кромѣ занятыхъ рабочихъ, бродили толпы босяковъ, ищущихъ работы по всей Россіи, когда русская деревня рождала и выбрасывала вонъ все новые миллионы ихъ. Эти босяки-пролетаріи могли, конечно, лишь горько смѣяться надъ программой, основанной на «трудѣ, неотдѣлившемся еще на нашей святой Руси отъ орудій труда». Но русскій революціонеръ даже тогда, въ свой наиболѣе революціонный періодъ, думалъ и рассчитывалъ, какъ социалдемократъ-оппортунистъ. Уже тогда онъ былъ бунтаремъ только въ «крестьянствѣ»; по отношенію къ пролетарію уже тогда онъ настоящій социалдемократъ, который учитъ что для социализма имѣютъ значеніе лишь рабочіе предваритель-

†) Струве въ Предисловіи къ книгѣ Бердяева: «Субъективизмъ и индивидуализмъ» стр. LXXXIV

но организованные въ регулярныя арміи, «обобществленные» самими капиталистами, а масса босяковъ-пролетаріевъ, безработныхъ голодающихъ не достойна и не доросла до социалистической категоріи «пролетаріата». Уже тогда русскій революціонеръ чувствовалъ, что, ставъ когда-нибудь по необходимости «на точку зрѣнія пролетарія», онъ признаетъ таковыми лишь порядочныхъ, уважающихъ культуру рабочихъ, лишь тѣ рабочія массы, передъ которыми раскрывается богатая и продолжительная перспектива традиціонистскихъ организацій и легальныхъ завоеваній, а не тѣ, которыя склонны къ бунтамъ и возстаніямъ. Для босяка революціонеръ уже тогда, въ періодъ своего анархизма, готовилъ кличку: люмпень, паразитъ. *)

*) Всплываетъ, такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, глубоко заложенная общность между прямопротивоположными съ виду стремленіями: народническимъ исцѣленіемъ родины отъ капитализма и соц.-д-скимъ примѣненіемъ къ каждой изъ его стадій. Въ видѣ Марксаго письма въ «Отеч. Зап.», которое обѣ перспективы считаетъ совершенно равноправными выводами изъ научнаго социализма, это единство иллюстрируется лучше всего. Общность, единство обоихъ теченій — это объект и визмъ, одинаково признаваемый ими, это доктринерское и суевѣрное преклоненіе передъ объективными условіями, передъ общественными, экономическими условіями, преклоненіе, не догадавшееся или уже забывшее, что цивилизованное общество есть классовое господство, что «объективныя» условія продиктованы этимъ господствомъ и, что преклоненіе передъ ними революціонера не особенно его рекомендуетъ и не многого позволяетъ ожидать отъ него тѣмъ, кому въковыя «объективныя условія» несутъ одно подавленіе человѣческихъ потребностей, т. е. всѣмъ поработаннымъ массамъ.

Аграрный социализмъ семидесятниковъ есть съ перваго своего слова такое суевѣрное и живое преклоненіе, какъ передъ верховной инстанціей, передъ условіями «земледѣльческой родины». Напрасно Плехановъ, желающій столь непомѣрно преувеличить глубину собственнаго поворота, поворота отъ народничества къ социалдемократизму, затемняетъ въ данномъ случаѣ дѣло. Довольно взглянуть на его статьи въ «Земль и Воля», чтобы убѣдиться, что анархистъ-народникъ такъ же беззавѣтно старается подчиниться объективнымъ условіямъ, какъ и соц.-д-ты посябились, и въ обоихъ случаяхъ отъ этого якобы безошибочнаго примѣненія къ безапелляціонной якобы инстанціи получается лишь введеніе въ заблужденіе рабочихъ массъ и обязательная отсрочка и хъ революціи.

Подробнѣе этотъ вопросъ будетъ рассмотрѣнъ въ упомянутыхъ въ предисловіи главахъ 2-го выпуска; однако здѣсь необходимо еще коснуться и другихъ сторонъ дѣла.

Марксистскій объективизмъ представляетъ собою одинъ изъ видовъ того социалистическаго утопизма, который дѣло освобожденія рабочаго класса т. е. захватъ имъ имущества господствующихъ классовъ подмѣняетъ голой перспективой ассоціаціоннаго способа производства и заставляетъ рабочихъ ожидать спасенія отъ присутствія и развитія въ «общественной жизни» явленій ассоціаціи, «элементовъ общенности», отъ развитія «коллективнаго принципа на мѣсто индивидуалистическаго.»

Марксъ учитъ рабочихъ ожидать спасенія отъ развитія крупнаго капиталистическаго производства, какъ объективнаго «обобществле-

Къ своимъ разочарованіямъ семидесятникъ отнесся уже, какъ истинное чадо общества, не забывающее своего родства съ нимъ и умѣющее изъ привилегій своей среды извлекать для нея всю возможную пользу. Поэтому то такъ скоро, уже въ слѣдующей своей формации, какъ народоходецъ, онъ—открытый союзникъ и орудіе русскаго либерализма.

нія) и необходимой «предпосылки» освобожденія рабочихъ на томъ же самомъ основаніи, по которому Кропоткинъ видитъ несомнѣнное приближеніе анархическаго коммунизма въ развитіи всякихъ «вольныхъ», «негосударственныхъ» союзовъ взаимопомощи, даже тѣхъ, которые ограничиваются исключительно средой буржуазіи.

На томъ же самомъ основаніи русское народничество изъ того факта, что рабовладѣльцу удобно было въ Россіи въ теченіи вѣковъ предоставлять своимъ крѣпостнымъ ихъ рабскій паекъ на общинныхъ началахъ и удерживать такимъ образомъ «первобытные коммунистическіе устои», создаетъ свою вѣчную сказку о русскомъ «социалистическомъ крестьянствѣ». За время своего существованія утопія эта пытается, какъ мы видѣли, вначалѣ совершенно не допустить, въ послѣдствіи безпрестанно парализовать и обуздывать планы рабочаго движенія въ Россіи, доказывая ихъ ничтожность въ сравненіи съ величіемъ и несказанною цѣнностью самобытнаго сокровища, коммунистическаго принципа народнаго хозяйства, счастливо уцѣлѣвшаго съ давнихъ временъ первобытной райской жизни. Народническая утопія готовится оказать родинѣ въ трудную минуту еще одну услугу. Она мечтаетъ (см. Рев. Россія № 42.) о томъ, какъ сдѣлать безопаснымъ для буржуазнаго отечества взрывъ голодающихъ въ Россіи миллионѣвъ. Она не только деревенскихъ босяковъ не позволяетъ оторвать отъ социалистическаго сокровища—общины; она пошлетъ еще въ деревню и го одскихъ безработныхъ, для того чтобы буржуазная собственность въ городахъ не подверглась нападенію со стороны наиболее опаснаго для современнаго строя пролетарскаго элемента. Въ то время, когда голодающие должны въ святой деревнѣ кормиться сказками «Аграрной Лиги» о чудномъ мужицкомъ царствѣ, въ которомъ социалистическое крестьянство прекратитъ всякую нужду и всякому безпріютному предоставитъ пользоваться землею и ея плодами, Рев. Россія для гражданъ, заинтересованныхъ въ прямопротивоположномъ, разъясняетъ, что полная «социализация земли» «можетъ» быть проведена безъ малѣйшаго потрясенія буржуазнаго строя. Объ этомъ объявлено въ № 42 Рев. Рос. (стр. 4) но революціонеры-народники знаютъ и убѣждены въ этомъ столь же давно и не менѣе глубоко, какъ Толстой, Генри Джорджъ и пр., чѣмъ и объясняется ихъ столь упорная «вѣра» въ общину. Въ своемъ неусыпномъ стремленіи принизить съ помощью коммунистическаго крестьянства размѣры и планы рабочихъ возстаній и выразить возможное всенародное возстаніе, какъ возстаніе крестьянское.—современные революціонеры-народники вообще, с.-р.-ы въ частности, хотятъ, лишь въ замаскированномъ видѣ, того же, что и «Пскра»—буржуазной революціи. Лозунгъ «социалистическаго захвата земли» въ душѣ «крестьянина-коммуниста» звучитъ очень просто—«но больше бы намъ земли!». Этотъ социалистическій лозунгъ организовать буржуазное стремленіе добиться, индивидуально или общинами, большей доли, кому и на сколько посчастливится, во владѣніи стоимостью земли, стало быть въ буржуазномъ владѣніи даровымъ доходомъ.

Съ народнической утопіей марксистъ не можетъ и не хочетъ по-

Раньше чѣмъ, вслѣдствіе его неудачъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ заподозрить самобытный социализмъ, раньше чѣмъ усомниться, не говорю уже въ его правдивости, — такимъ святотатствомъ русскій революціонеръ никогда не опозорилъ себя, — но хоть бы въ его вѣрности и цѣлесообразности съ собственной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія революціонера, раньше чѣмъ приступить хоть бы къ самой почтительной критикѣ народничества, — русскій революціонеръ сталъ, по поводу красоты твореній народническаго социализма, нѣтъ дивирамбы безграничности собственнаго прекраснодушія. Прежде чѣмъ первые социалдемократы осмѣлились указать на утопичность и нелѣпости народничества, — въ сочиненіяхъ Лаврова на основаніи возвышенности социалистическихъ плановъ того же народничества, созданъ настоящій апофеозъ ихъ творца, революціонной интеллигенціи, какъ прирожденнаго, великодушнаго социалистическаго проповѣдника и строителя. Дѣло какъ будто само сложилось такъ, что въ неудачахъ своихъ семидесятникъ ни въ малѣйшей мѣрѣ не оказался виноватымъ, хоть затѣмъ социалдемократами была указана и скоро признана почти всеми порочная нелѣпость его затѣй. Виноватыми должны были оказаться... народные массы. Виноваты въ своемъ непониманіи великодушнаго проповѣдника, въ невѣжествѣ и неразвитости, какъ умственной, такъ и нравственной. И чѣмъ выше

кончить не только по вышеприведенной, но еще и по слѣдующей причинѣ: Социализацию земли онъ не можетъ лишить характера пролетарскаго мѣропріятія. Какъ и всякую другую социализацию, онъ можетъ ее лишь отсрочивать. Всякая социализация можетъ быть, по его ученію, какъ извѣстно, даже реакционнымъ шагомъ, но лишь тамъ, гдѣ соц.-д.-ія враждуетъ съ властью. Въ «настоящей же демократіи» всякая социализация, между прочимъ, и социализация земли есть ступень къ осуществленію социализма, а-когда соц.-д.-ія достигнетъ власти, она будетъ несомнѣнно мѣрой пролетарскаго освобожденія. Другими словами: если соц.-д.-ія возстаётъ противъ сказомъ народничества, то тѣмъ не мѣнѣе она сама, въ свое время, къ нимъ прибѣгнетъ, чтобы кормить ими напдающихъ на буржуазный строй рабочихъ... Вотъ почему народничество никогда не можетъ быть побѣждено марксизмомъ. Вотъ почему въ послѣдніе годы соц.-р.-ры, а въ самое послѣднее время анархисты въ своемъ органѣ «Хлѣбъ и Воля» съ такимъ усѣхомъ, воскрешаютъ среди «революціонной» интеллигенціи всѣ сказки о «социалистическомъ» крестьянствѣ. Притомъ пропаганда ведется уже не на основаніи какого либо «фактическаго матерьяла», какъ у легальныхъ народниковъ, а на основаніи одного очень простаго, но очень убѣдительнаго соображенія: русскому интеллигенту рабочую революцію надо замѣнить крестьянской, почему необходимо воскресить вѣру въ общину, хоть бы при отсутствіи всякихъ данныхъ.

Безпомощность ортодоксальной соц.-д.-ии въ данной области выражается лучше всего въ томъ непрерывномъ ростѣ, какой получаетъ во всѣхъ соц.-д.-ихъ партіяхъ организація по принципамъ Фольмара и Давида («кооперативныхъ чувствъ») европейскаго крестьянства. Развитіе современнаго социализма, не смотря на всю «бдительность» ортодоксіи, плетъ въ атомъ направленіи такимъ быстрымъ темпомъ, что есть основаніе ожидать и слѣдующихъ шаговъ:—распространенія социалистической проповѣди и на городскую мелкую буржуазію, чтобы и ее съ ея лавочками присоединить къ пролетарскому движенію.

рость герой-революционеръ, тѣмъ глубже выходило непониманіе толпы, тѣмъ больше росли права интеллигенціи на социалистическое воспитаніе народа, тѣмъ необходимѣе казался предварительный до достиженія социализма періодъ обученія рабочихъ массъ, тѣмъ необходимѣе требованіе политической свободы, какъ свободы этого обученія какъ неизбежнаго пути къ социализму.

Только послѣ непоколебимаго и безповоротнаго установленія этихъ трехъ «данныхъ опыта» — непониманія рабочими массами дѣла ихъ собственнаго освобожденія, прирочденной социалистичности русскаго революціонера и невозможности освобожденія массъ безъ предварительнаго обученія ихъ въ школѣ социалистической интеллигенціи, — только послѣ этого появляется русскій социалдемократъ со своей критикой народничества. Эта критика, какъ сказано выше, была произведена уже не первоначальнымъ отщепенцемъ общества; напротивъ, предпринятая лишь съ цѣлью европеизаціи «здравой политики» и народовольчества, она была критикой представителя русскаго общества, выразителя его нуждъ и потребностей. Поэтому, не смотря на то что русскій социалдемократъ въ самобытномъ социализмѣ и раскрываетъ систему утопій и нелѣпостей, тѣмъ не менѣе три вышеуказанные пункта его критикой не только не колеблются, а напротивъ утверждаются и обновляются.

Социалистическая интеллигенція остается прирочденнымъ, неоспоримымъ учителемъ рабочихъ массъ, хотя первые шаги такой ея педагогической дѣятельности уже оказались нелѣпостью. Народныя массы остаются виновными въ неудачахъ революціонера, хотя вина ихъ теперь очень своеобразна, ибо заключается въ томъ, что онѣ въ народническихъ нелѣпостяхъ не признали реальнаго дѣла своего освобожденія. Права свободнаго, открытаго обученія у социалистической интеллигенціи рабочія массы должны по прежнему требовать въ борьбѣ на жизнь и смерть съ русскимъ самодержавіемъ, хотя онѣ ничѣмъ не обезпечены, что все это обученіе, какъ и преподанный имъ уже первый урокъ, не будетъ лишь рядомъ «утопій и нелѣпостей». Великодушный социалистическій проповѣдникъ подъ именемъ правды разсказывалъ, оказывается, басни. Но это ничуть не должно измѣнить отношенія къ нему рабочихъ массъ: онѣ не должны его ни въ чемъ заподозривать, затѣвать противъ него какой либо контроль или стремиться къ освобожденію отъ его опеки. Творецъ басенъ можетъ спокойно продолжать свое дѣло и вводить эти массы въ заблужденіе: рабочій классъ обязанъ считать его все тѣмъ же великодушнымъ своимъ учителемъ. Итакъ, соц.-д.-ое ученіе, раскрывающее иллюзіи и утопіи предшествовавшаго ему движенія, явилось вовсе не для того, чтобы предохранить рабочій классъ отъ заблужденій въ его революціонной борьбѣ съ классовымъ строемъ. Задачей его критической работы было лишь заботиться о томъ, чтобы не ошибаясь, не заблуждался самъ революціонеръ въ преслѣдованіи собственныхъ цѣлей, какъ представитель и защитникъ русскаго общества.

Услужливость и заботливость соц.-д.-ии о русскомъ обществѣ не сразу однако была понята и по достоинству оценена радикальной

интеллигенціей. Потребовались цѣлые долгіе годы все усиливающегося правительственнаго гнета и всеобщей реакціи для того, чтобы заставить наконецъ хоть часть русскихъ революціонеровъ «стать на точку зрѣнія пролетарія». Какъ старательно при этомъ была предвзято изслѣдована безопасность новаго шага! На помощь была призвана вся буржуазная зоркость и стойкость либераловъ Струве, Туг. Барановскихъ, Булгаковыхъ и пр. Все общество было приглашено къ установленію нужной ему «пролетарской точки зрѣнія».

Основнымъ моментомъ, вызвавшимъ поворотъ въ направленіи русскаго радикализма 90-хъ гг., была эволюція европейской соц.-д.-ии. «Передовые мыслители», какъ Струве, съ помощью настоящихъ представителей пролетарскаго ученія — Бельтовыхъ, разъяснили русскому обществу, что не существуетъ больше ни малѣйшаго основанія для того, чтобы «пролетарій» все еще по прежнему оставался для него лишь пугаломъ. Напротивъ, развитіе соц.-д.-ии, признанной со стороны милліоновъ наиболѣе развитыхъ европейскихъ рабочихъ пролетарской представительницей, должно внушить русскому обществу самыя радужныя надежды. Эта многомилліонная рабочая партія, способная своимъ авторитетомъ предостеречь всякіе взрывы несознательныхъ массъ или авантюристскія анархистскія затѣи, во всѣхъ странахъ учитъ пролетаріатъ тому, что стремленіе къ немедленному насильственному перевороту безразсудно, что «пролетаріатъ долженъ по возможности отклонять окончательное столкновеніе» (Каутскій въ 93 г.), что соц.-д.-ия должна «единственной партіей порядка» (Либкнехтъ въ 95 г.), что рабочія массы прежде всего должны стремиться завоевать и развить демократическія учрежденія своего отечества.

При такомъ положеніи пролетаріатъ въ Россіи окажется лучшимъ рычагомъ прогресса, надежнѣйшимъ реализаторомъ всѣхъ мечтаній радикальнаго общества.

«Съ его (пролетаріата) появленіемъ, говоритъ Плехановъ въ своей ороншюрѣ противъ Тихомирова, измѣняется самый характеръ русской культуры, исчезаетъ нашъ старый, азіатскій экономическій бытъ, уступая мѣсто новому, европейскому. Рабочему классу суждено завершить у насъ великое дѣло Петра: довести до конца процессъ европеизаціи Россіи. (стр. 43., курсивъ нашъ.)»

Подъ давленіемъ столь убѣдительныхъ для общества доводовъ, ряды радикаловъ-марксистовъ около половины 90-хъ гг. стали быстро расти. Наступилъ періодъ старательной разработки марксистскаго ученія и примѣненія его къ русской «дѣйствительности». Разработка эта производилась такъ популярно и общедоступно, даже для самыхъ мирныхъ обывателей, что ею съ успѣхомъ могъ воспользоваться для увлеченія рабочихъ своей политикой даже и Зубатовъ.

Только при свѣтѣ такихъ всестороннихъ тщательныхъ изслѣдованій революціонеръ сталъ дѣлать первые шаги въ опасной области пролетарскихъ волненій. Практикъ поступалъ не менѣе осторожно, чѣмъ теоретикъ, либераль-марксистъ. Русскій революціонеръ, умѣющій въ другомъ мѣстѣ, при другомъ дѣлѣ примѣнять терроръ и всякое насилие, здѣсь, на поѣ въ дѣла, за которое онъ лишь по необходимости берется, сталъ проявлять самую крайнюю осторожность и постепенность. Онъ сталъ выставлять и защищать по возможности

мелкія претензіи рабочихъ, которыя признаеть, какъ говорилось по-всуду, всякій честный обыватель.

Петербургская стачка 96 г., во время которой рабочіе въ своихъ собственныхъ требованіяхъ оказались такъ скромны и съ такимъ сочувствіемъ приняли соц.-д-скія прокламаціи, заключавшія требованія политическихъ реформъ, обезпечила окончательно за марксистами побѣду въ средѣ русскаго радикализма. Общество получило самый наглядный, уже не теоретическій, а фактический доводъ, что пролетаріатъ наилучшій борецъ за прогрессъ, за освобожденіе передового общества отъ полицейскаго гнета. Послѣ этого факта наступилъ уже прямо повальный переходъ русскихъ радикаловъ въ ряды марксистовъ.

Но заслуги, теперь уже всѣми прославляемаго, пролетарія перелъ отечествомъ не могли, конечно, ограничиться только этимъ. Гораздо большую радость долженъ былъ доставить обществу «сознательный» пролетарій въ 1901 г. Хотя въ концѣ 90-хъ гг. и манифестъ соц.-д-ин, и каждая ея газета, каждая прокламація и были проникнуты политикой, однако столь частыя въ то время рабочія волненія велись главнымъ образомъ изъ за чисто рабочихъ требованій. Непосредственно наблюдающіе за этими волненіями тогдашніе «практики»-соц-дем-аты, «экономисты» не считали возможнымъ усиливать политическихъ требованій и отказывались отъ агитаціи немедленнаго низверженія самодержавія. Възд на революціонной аренѣ, кромѣ пролетаріата не было никакого другого слоя общества. Развѣ не опасно низвергнуть существующую государственную власть при томъ положеніи, когда вмѣстѣ съ пролетаріатомъ не выступаетъ болѣе никто, способный замѣнить падающую власть? Развѣ намъ въ такомъ случаѣ не грозитъ «цѣлое море крови»? (См. Vademecum стр. XII).

Но вотъ усиливается студенческое движеніе, увлекающее за собой крайніе слои буржуазнаго общества и выражающееся въ 1901 г. по всей Россіи въ рядѣ крупныхъ манифестацій. И когда на помощь этому самостоятельно выступающему студенчеству и обществу являются въ въ нѣкоторыхъ пунктахъ вышколенные соц.-д-ами рабочіе, то этотъ фактъ приводитъ въ невѣроятную, просто ошьяняющую радость все общество и всѣхъ русскихъ революціонеровъ. И не даромъ: подавая помощь тѣмъ, кто спокойно смотрѣлъ и слушалъ, какъ двумя годами раньше разстрѣливали десятки стачечниковъ на улицахъ Риги, рабочіе своимъ выступленіемъ говорили:—не смѣй бить студентовъ, будущихъ дѣятелей, не смѣй обращаться съ блдурочками, какъ съ простыми чернорабочими!..

Всѣ русскіе революціонеры стали смѣло съ этихъ поръ думать о революціи въ Россіи. И опасавшіеся только что кроваваго моря были первыми изъ тѣхъ, кто закричалъ: долой самодержавіе, да здравствуетъ и терроръ и возстаніе!.. (Рабочее Дѣло) Исчезаютъ моментально всякіе постепеновцы, оппортунисты, эиономисты. Совмѣстная борьба общества и идущихъ за нимъ рабочихъ вызвала къ жизни даже анархическія группы (прокламація парижскихъ студентовъ-анархистовъ по поводу февральскихъ событій 1901 г.), въ то время какъ самыя бурныя стачки, въ родѣ маріупольской, и цѣлыя возстанія, какъ Рижское, откликомъ своимъ въ душѣ революціонера имѣли только оппортунизмъ.

Ученики Михайловскаго до 1901 г. еще больше, чѣмъ соц.-д-ты, говорятъ объ отдаленности социалистической революціи, о сидѣніи по домамъ во время стачекъ (Программа Соц-р-овъ 1900 г., Наши Задачи 98 г.). *Послѣ* же 1901 г. они уже охотно, въ случаѣ нужды, говорятъ о немедленной социалистической революціи, а многіе изъ нихъ, не переставая быть учениками своего учителя, объявляютъ себя анархистами, стремящимися къ «полному уничтоженію частной собственности», къ «полному уничтоженію государства».

Но въ первое время весь «революціонный подъемъ» обращается почти исключительно на пользу «Искры», столь краснорѣчиво доказывавшей, что классовое сознаніе пролетаріата властно приказываетъ ему защищать студентовъ (своихъ будущихъ управляющихъ, директоровъ, инженеровъ, судей, прокуроровъ). На эту «пролетарскую», «ортодоксальную» точку зрѣнія становились тогда чуть ли не цѣлые университеты en masse.

Когда такимъ образомъ всѣ рабочемыслители и рабочедѣльцы вымерли, а съ ними и всѣ оппортунисты, когда соц.-д-ія сплошь состоитъ изъ ортодоксовъ, затѣвается объединеніе и строгая организація всѣхъ рабочихъ баталіоновъ. Ощущается потребность приготовиться къ «рѣшительной схваткѣ», къ «генеральному сраженію» пожать плоды всего революціоннаго движенія. Какова же должна быть цѣль этого генеральнаго сраженія? Каковъ плодъ всего русскаго революціоннаго движенія?

—Буржуазная революція!

И въ этой буржуазной революціи, въ этомъ генеральномъ сраженіи, впереди всѣхъ, въ первыхъ рядахъ, въ «авангардѣ» выступаетъ... русскій социалистъ, русскій социалистическій пролетаріатъ, достигшій своего надлежащаго классоваго сознания!..

Итакъ: Буржуазная революція—непосредственный плодъ полувѣкового социалистическаго движенія!

Счастливая гармонія признанныхъ противоположностей.

Русское соц.-д-ское движеніе, не смотря на различныя фазы своего развитія, поддавалось, въ концѣ концовъ, лишь слабымъ отклоненіямъ въ стороны отъ первоначальнаго плана. Не смотря на встрѣчавшееся по пути жизненное треніе, первоначальные взгляды основателей русскаго соц.-д-изма, взгляды «Группы Освобожденія Труда» признаны въ послѣднее время взглядами русской соц.-д-ской партіи. Такимъ образомъ главная задача русскаго соц.-д-инъ формулирована съ самаго начала ясно и опредѣленно.

Въ 1892 г., когда движеніе проявлялось лишь въ Западномъ краѣ, Плехановъ, въ брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ обращаясь ко всѣмъ русскимъ социалистамъ, писалъ:

«Намъ, русскимъ социалистамъ надо найти такой способъ дѣйствія, держась котораго мы, впервые, ни на минуту не пере-

реставали бы способствовать росту классового сознания пролетариата, т. е. быть социалистами, а во вторых, скорее победили бы царизма.» (+), (Борьба съ голод., стр. 62.)

«В области политической борьбы, как и в области экономического развития, передовия страны указывают путь отсталым. Что же мы видим в политическо истории болѣ развитыхъ, чѣмъ Россія, западно-европейскихъ странъ? Можно ли найти в ней хоть одинъ примѣръ завоеванія политической свободы силами одной буржуазии, безъ участія въ этомъ завоеваніи силъ рабочаго класса? Въ ней нѣтъ ни тѣни подобнаго примѣра. Всегда и вездѣ... только благодаря поддержкѣ народа буржуазія успѣвала въ борьбѣ и разрушила невыгодный для нея «старый порядокъ». При этомъ дѣло происходило обыкновенно такъ, что въ то время, какъ народъ боролся съ оружиемъ въ рукахъ и кровью своею платилъ за торжество свободы, (+) буржуазія боролась посредствомъ всякаго рода «холодательства» и «представленій». Ея роль была чисто пассивной»... (тамъ же, стр. 64-65.)

Въ «Нашихъ Разногласіяхъ» о буржуазныхъ революціонныхъ движеніяхъ находимъ то же самое въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Что значитъ... буржуазія или... общество боролось въ такой то странѣ противъ абсолютизма? Ни болѣе ни менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочий классъ на борьбу, (+) или, по крайней мѣрѣ, рассчитывала на его поддержку...» (стр. 307.)

«. Вь Іюль 1830 и вьФевралѣ 1848 г., читаемъ дальше въ брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ буржуазія (+) представлена была на бранномъ полѣ лишь тѣми своими слоями, которые или занимаютъ самое жалкое мѣсто въ ея средѣ, — напр. мелкие торговцы и небогатые ремесленники, — или вообще очень мало влияют на общественную жизнь своего класса, — учащаяся молодежь и мелко-буржуазная революціонная «богема», тогдашняя революціонная «интеллигенція». (+)

«Еслибы французской или нѣмецкой «интеллигенціи» сороковыхъ годовъ кто-нибудь посовѣтовалъ оставить всякую мысль о вовлеченіи народа въ борьбу съ правительствомъ (+) и ограничить свою революціонную роль воздѣйствіемъ на различные слои буржуазнаго общества», интеллигенція встрѣтила бы подобный совѣтъ по меньшей мѣрѣ съ негодующимъ удивленіемъ. Она знала, что на «общество» плоха надежда. Вьдь потому то революціонная интеллигенція и стремилась къ сближенію съ народомъ, что не встрѣтила въ «обществѣ» достаточной поддержки своимъ революціоннымъ стремленіямъ.» (+), (стр. 65-96)

Такъ какъ «передовия страны указываютъ путь отсталымъ», то надо всѣ усилія приложить къ тому, чтобы такая же борьба за торжество свободы», такая же буржуазная революція поскорѣ наступила и въ Россіи.

«. Наше общество не можетъ еще рассчитывать на такую поддержку рабочихъ: оно не знаетъ даже — на кого направить свое ружье рабочий инсургентъ: на защитниковъ абсолютной монархіи, или на сторонниковъ политической свободы. Отсюда — его робость, нерѣшительность... Но измѣните положеніе дѣла обезпечьте нашу „обществу“ поддержку однихъ только городскихъ предмѣ-

(+) Курсивъ нашъ.

стій (+) — и вы увидите, что оно знаетъ, чего хочетъ и умѣетъ говорить съ властью языкомъ достойнымъ гражданина...» (Наши Разногл., стр. 307.)

Задачей революціонной, социалистической интеллигенціи западно-европейскихъ странъ было «обезпечить буржуазіи поддержку» народныхъ массъ. Эту же задачу должна поставить себѣ и русская социалистическая интеллигенція. Плехановъ старается показать въ «Наш. Разногл.», что русскіе социалисты отчасти исполняютъ уже эту задачу, хотя не отдаютъ себѣ яснаго въ этомъ отчета и хотя ихъ народническія утопіи мѣшаютъ успѣшному развитію этого дѣла. Онъ цитируетъ 6-ой № «Нар. Воли» и въ особенности напираетъ на собственное признаніе народовольцевъ въ томъ, что они дѣйствуютъ въ интересахъ общества.

«Мы, дѣйствующіе въ интересахъ общества (+ +), убѣждаемъ это общество выйти, наконецъ, изъ малодушной апатіи; мы заключаемъ его возвысить голосъ за свои интересы, за интересы народа, за жизнь своихъ дѣтей и братьевъ, систематически преслѣдуемыхъ и убиваемыхъ». (Н. В. № 6.)

«Въ календарѣ „Народной Воли“ я прочелъ, говоритъ тамъ же Плехановъ, что „въ отношеніи къ либераламъ слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши (+ +) и ихъ заставляютъ совместно дѣйствовать противъ правительства“». (Наши Разногл., стр. 80.)

Наконецъ, о партіи Народной Воли авторъ «Нашихъ Разногласій» прямо заявляетъ:

«. Партія Народной Воли есть партія конституціонная прежде всего и главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, такъ какъ въ сторону разрушенія абсолютизма она „направляетъ теперь, (по выраженію Лаврова) всѣ свои силы“». (тамъ же, стр. 217.)

По мнѣнію Плеханова, совмѣстная борьба «общества» и социалстовъ противъ ихъ общаго врага пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе русскіе социалисты станутъ сознавать утопичность народническаго социализма и слѣдующую отсюда полную невозможность социалистическаго переустройства современной Россіи. Тогда они перестанутъ пугать болѣе робкіе и недалезоркіе элементы общества своими пустыми фразами о немедленномъ социалистическомъ переворотѣ. Болѣе образованная часть буржуазіи, конечно, уже въ настоящее время понимаетъ, что тайныя организациі русскихъ революціонеровъ не въ состояніи вызвать того социальнаго переворота, который могъ бы низвергнуть господство буржуазіи. Напротивъ, отъ подпольной работы революціонеровъ она съ увѣренностью ждетъ пользы для себя.

«Что же касается тайной политической пропаганды, то кака я она была бы буржуазія, если бы она не понимала значенія раздѣленія труда? Она предоставляетъ вести дѣло такъ называемой интеллигенціи (+), не отвлекаясь сама отъ задачъ своего матеріальнаго обогащенія. Она знаетъ, что ея дѣло «вѣрное» и что начальная нашей интеллигенціей политическая борьба рано или поздно очу-

(+) Курсивъ нашъ.

(+ +) Подчеркнуто у Плеханова.

счита поле для ея господства. (+) Развѣ итальянская буржуазія не предоставляла революціонерамъ таскать изъ печи каштаны политическаго освобожденія (+) и объединенія и развѣ не она теперь читается этими каштанами?»

«А если революціонеры „захватятъ власть“ и слѣлаютъ социальную революцію? Въ это она не вѣрять, да скоро перестанутъ вѣрять и сами революціонеры. Скоро они всѣ поймутъ, что если люди развертываютъ зонтики, когда идетъ дождь, то изъ этого, еще не слѣдуетъ, что дождь можетъ быть вызванъ развернутыми зонтиками.» (Наши Разногл., стр. 128.)

Приведенная цитата указываетъ вскользь на антагонизмъ между принужденной спускаться въ подполье интеллигенціей и свободно и легально обогащающейся буржуазіей. Но этотъ антагонизмъ въ данномъ случаѣ, на общій выводъ о первой потребности русскаго чело- вѣка, о скорѣйшемъ низверженіи царизма, повліять конечно не можетъ, и тѣ примѣры, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Италіи, вытѣщенными интеллигенціей каштанами политическаго освобожденія является одна будто бы буржуазія, одни капиталисты, дѣла ничуть не мѣняютъ. «Каштаны» столь цѣнны и вкусны для самой интеллигенціи даже въ Италіи, что эти примѣры, — въ этомъ Плехановъ не сомнѣвается, — не разубѣдятъ русской интеллигенціи въ ея уже прочно и безспорно сложившемся сознаниіи своей «первой потребности».

Но русскій революціонеръ рожденъ социалистомъ. Всякая программа должна удовлетворять не только «политическія», но и «соціалистическія потребности» его души. Поэтому Плехановъ поставилъ себѣ задачу «найти такой способъ дѣйствія, держась котораго, мы»... не только «скорѣе побѣдили бы царизмъ», но и «ни на минуту не переставали бы быть социалистами».

Со своими разсужденіями и выводами Плехановъ обращался ко всѣмъ русскимъ социалистамъ и всѣхъ ихъ, даже тѣхъ, что около того времени издавали «Свободную Россію», старался убѣдить въ томъ, что они должны «оставаться социалистами», «быть ими на дѣлѣ, а не только на словахъ», брался доказать — и вполне резонно —, что всѣ они съ собственной точки зрѣнія должны стать соц.-д.-ами.

Въ чемъ же заключается это социалистическое дѣло по соц.-д.-скому ученію?

«...Социалистами на дѣлѣ, а не на словахъ (+ +) насъ можно признать только въ томъ случаѣ, если мы дѣлаемъ социалистическое дѣло, т. е. способствуемъ росту классового сознания пролетаріата.» (Бор. съ гол., стр. 68.)

Черезъ чуръ наивные люди, съ одной стороны, черезъ чуръ пугливые, съ другой, готовы были иногда утверждать, что это «способствование росту классового сознания пролетаріата» значитъ содѣйствіе классовой борьбѣ послѣдняго со всѣмъ буржуазнымъ строемъ. Они забывали, что имъ только что говорилось о... «поддержкѣ буржуазіи со стороны рабочихъ предѣстій».

«Способствование росту классового сознания пролетаріата» значитъ

(+) Курсивъ нашъ.
(++) Подчеркнуто у Плеханова.

не больше, какъ сближеніе русскаго социалиста съ рабочими, простое его «хожденіе къ рабочимъ» — эта новая «работа въ народѣ», слѣдовательно одно присутствіе въ рабочей средѣ драгоцѣнной особы русскаго социалиста, каковъ онъ есть, съ тѣми убѣжденіями и стремленіями, какия ему заблагоразсудится имѣть. Вопли естественны послѣ этого, что Плехановъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что указываемое имъ дѣло должны дѣлать всѣ русскіе социалисты, — вполне естественно, что онъ не теряетъ надежды сдѣлать настоящими соц.-д.-ами даже и сторонниковъ «Свободной Россіи».

Прошлое революціонное движеніе закончило цикл своего развитія, выработавъ непоколебимо слѣдующее основное положеніе, соблюденія котораго требовали «хранители традиціи», современные автору «Нашихъ разногласій» и «Борьбы съ голодомъ»: — при русскомъ самодержавномъ режимѣ невозможно никакое общественное развитіе, невозможна даже постановка какихъ-либо общественныхъ вопросовъ. Обязанность революціонера всякое возникающее возмущеніе направлять на борьбу съ царскимъ правительствомъ, какъ первопричину всѣхъ бѣдствій. Это и есть, говоритъ Плехановъ въ «Борьбѣ съ голодомъ», социалистическое сознание. Будьте социалистами на дѣлѣ, т. е. несите это сознание въ среду русскихъ рабочихъ. Это и будетъ «классовое сознание пролетаріата».

Если бы мы, разсуждаетъ онъ, перестали быть социалистами «на дѣлѣ», если бы мы оставили «работу въ народѣ»,

«если бы мы удовлетворялись сближеніемъ съ однимъ „обществомъ“... то тѣмъ самымъ отсрочили бы торжество политической свободы.» (+) (Борьба съ голодомъ, стр. 66)

Но социалисты затерялись бы среди общества и руководителемъ народныхъ массъ была бы сама буржуазія. Но въ такомъ случаѣ,

«Если въ періодъ борьбы съ самодержавіемъ буржуазія будетъ единственной политической воспитательницей пролетаріата, то она не достигнетъ той степени сознательности и того революціоннаго настроенія, (+) какия свойственны были бы ему въ томъ случаѣ, если бы за его политическое воспитаніе взялись социалисты.» (Бор. съ Гол. стр. 67.)

Наивные люди, воображавшіе, что соц.-дем.-измъ есть классовая борьба рабочихъ съ буржуазнымъ строемъ, теперь имѣютъ полную возможность убѣдиться, что надо «ни на минуту не переставать быть социалистами», надо «способствовать росту классового сознания пролетаріата» для того, чтобы «поскорѣе былъ побѣжденъ царизмъ».

Социализмъ, въ самомъ совершенномъ своемъ видѣ, въ видѣ социализма, есть лишь лучшее средство, скорѣйшій путь для достиженія общенациональныхъ интересовъ всѣхъ честныхъ людей.

Всѣ русскіе либералы, искренно желающіе низверженія самодержавія, должны позаботиться о воздвиженіи въ Россіи соц.-дем.-ской партіи. Призывъ этотъ скоро былъ услышанъ. Наибольше умные русскіе либералы, при столь искреннемъ и столь усердномъ соучастіи самихъ Плехановыхъ, разработали, примѣнительно къ русской жизни,

(+) Курсивъ нашъ.

теоретическія основы будущей соц.-дем.-ской программы въ видѣ легальнаго марксизма.

Послѣдняя изъ вышеприведенныхъ фразъ показываетъ еще, что для сверженія самодержавія нужна не только соц.-дем.-ія, но и «ортодоксальная» соц.-д.-ія, «самостоятельная рабочая партія», самостоятельно воспитывающая пролетарскія массы. Только въ этомъ случаѣ можно надѣяться на болѣе глубокой политической переворотъ, при которомъ значительное количество каштановъ попадетъ въ ротъ самой социалистической интеллигенціи. Въ противномъ случаѣ, при ничтожной уступкѣ самодержавія, каштаны остаются, почти какъ и теперь, исключительно въ рукахъ плутократовъ.

Окончательный выводъ, составляющій сущность русскаго соц.-д.-изма, можно формулировать въ словахъ самого Плеханова слѣдующимъ образомъ: Такъ какъ, во первыхъ

«рабочій классъ важенъ для революціи» (+) (Наши Разногласія, стр. 310.),

и такъ какъ, во вторыхъ,

«кто же, если не революціонная интеллигенція могъ бы способствовать политическому развитію рабочаго класса?» (тамъ же, стр. 307.),

то —

«любишь кататься, люби и саночки возить, .. т. е., .. всякій, желающій поскорѣй добиться свободы, долженъ стараться заинтересовать рабочій классъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ». (++) (тамъ же)

Или, тотъ же самый выводъ Плехановъ формулируетъ самъ въ брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ:

«Другими словами: содѣйствовать росту классового сознанія пролетаріата значитъ ковать оружіе, наиболѣе опасное для существующаго строя. (++) Очень плохой совѣтъ даютъ намъ люди, убѣждающіе насъ „на время оставить социализмъ“. Не доктринерство, а самый зрѣлый расчетъ(+) и самый вѣрный революціонный инстинктъ заставляютъ насъ твердо и неизмѣнно держаться социализма.» (+) (стр., 67).

Да, несомнѣнно «Самый зрѣлый расчетъ» заставляетъ русскихъ либераловъ «твердо и неизмѣнно поддерживать» современный русскій социализмъ, какъ вѣрнѣйшаго слугу при осуществленіи его стремленія сдѣлаться самостоятельнымъ, безъ царской опеки, правителемъ русскаго государства, полновластнымъ хозяиномъ національной прибибли, расхищаемой нынѣ деспотическимъ правительствомъ.

*
*
*

Въ каждой марксистской книжкѣ и чуть ли не на каждой страницѣ можно встрѣтить, какъ всякому извѣстно, хвастливыя заявленія, что марксизмъ впервые понялъ классовое строеніе цивилизованнаго

(+) Курсивъ нашъ.

(++) Подчеркнуто у Плеханова.

общества, что онъ одинъ, въ противоположность всѣмъ утопистамъ, умѣетъ смотрѣть на современное общество, какъ на противорѣчивое, обреченное на скорую гибель, соединеніе двухъ непримиримыхъ антиподовъ—буржуазіи и пролетаріата, между которыми, до окончательнаго момента ихъ полного исчезновенія, можетъ существовать лишь борьба на жизнь и смерть. Какъ же, въ виду этихъ горделивыхъ заявленій, объяснить то обстоятельство, что основатель русскаго соц.-д.-зма, провозгласившаго борьбу между русской буржуазіей и пролетаріатомъ, что пионеръ теоріи классовой борьбы въ Россіи, во всѣхъ вышеприведенныхъ его выводахъ, столь благополучно, ничуть не хуже любого общепризнаннаго утописта, объединяетъ всѣ классы общества для одного общенациональнаго акта?

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ приведенныхъ разсужденій Плеханова нѣтъ никакой возможности извлечь хоть бы малѣйшее представленіе о существованіи какихъ-либо общественныхъ антиподовъ. Мы слышимъ лишь простые слова: буржуазія—пролетаріатъ. Оба антипода вполнѣ единодушно и солидарно участвуютъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, а дѣло это ни больше, ни меньше, какъ... борьба «за торжество свободы». «Буржуазія... толкаетъ и ведетъ рабочій классъ на борьбу». Рабочій народъ «кровью своею платитъ за торжество свободы». Господствующій классъ, эксплуататоръ, грабитель, является настоящимъ апостоломъ настоящей свободы... Какой утопистъ когда либо пытался доказывать большее?

Марксизмъ такъ часто заявляетъ себя проповѣдникомъ классовой борьбы въ современномъ обществѣ лишь для того, чтобъ скрыть отъ глазъ всѣхъ ту свою работу, посредствомъ которой онъ классовую борьбу рабочихъ обуздываетъ, стремясь не выпустить ее изъ напередъ намѣченныхъ, строго опредѣленныхъ узкихъ рамокъ. Не менѣе часто онъ повторяетъ, что онъ творецъ теоріи классовой борьбы для того, чтобы этими увѣреніями усыпить своихъ слушателей и за ихъ спиною все болѣе укрѣплять прямопротивоположное этой теоріи ученіе объ объективныхъ условіяхъ историческаго развитія, предназначенное сдерживать мысль о классовой борьбѣ, не позволять доводить ее до ея логическаго конца. Такимъ образомъ марксизмъ своею классовой борьбой лишь щеголяетъ, она служитъ ему лишь агитационной фразой, посредствомъ которой онъ ловко кокетничаетъ съ рабочимъ движеніемъ.

Попробуйте довести «теорію классовой борьбы» хоть бы на шагъ дальше того, что разрѣшается научнымъ социализмомъ, наставляйте хоть бы на послѣдовательномъ удержаніи положенія о томъ, что цивилизованное общество есть организація господства, и марксизмъ немедленно отперется отъ своей теоріи и станетъ напѣвать мотивы совсѣмъ другой пѣсни, увѣряя васъ, однако, что онъ преподноситъ вамъ развитіе той же теоріи классовой борьбы. Расчлененное на классы, цивилизованное общество объединяется обратно въ марксистскомъ ученіи при помощи столь прочнаго фундамента, какъ «экономическія потребности страны», единого хозяйственнаго дѣлага. (Развѣ это не все одна и та же ультрапролетарская, ультрамарксистическая экономика, спрашиваетъ васъ при этомъ марксизмъ?)

Такимъ образомъ чисто идеалистическая концепція объ обществѣ,

как о единомъ цѣломъ, съ самаго начала ограничивается, а съ теченіемъ времени все больше и больше затушевываетъ ученіе объ обществѣ, какъ классовомъ господствѣ.

Идеализмъ не рождается въ марксизмѣ лишь съ появленіемъ ревизионизма. Онъ заложенъ въ немъ, какъ кардинальная основа Марксова ученія. Въ Бернштейнахъ и Жоресахъ онъ доходитъ лишь до своего «самосознанія».*)

Экономическія потребности общества укрѣпляются еще больше въ видѣ столь безпрекословной инстанціи, какъ «экономическая», «историческая необходимость», какъ законы историческаго развитія, «законы социальнаго прогресса», передъ которыми должны преклоняться даже интересы пролетаріата. Въ результатѣ такого развитія «классовой точки зрѣнія» мы благополучно доходимъ до слѣдующаго открытія:—«Пролетарскіе интересы совпадаютъ въ настоящее время съ интересами націи», (Каутскій, «Классовые интересы» Изд. Кук. стр. 11) или:—Пролетаріатъ является носителемъ общенациональныхъ интересовъ... Польскіе марксисты этотъ выводъ «классовой точки зрѣнія» переводятъ такъ: Одинъ пролетаріатъ, при свѣтѣ научнаго социализма, въ состояніи осушествить ту задачу, которая не удалась ни шляхтѣ, ни буржуазіи—возстановить польское государство... Въ русскомъ же переводѣ это звучитъ, какъ мы только что слышали отъ Плеханова, слѣдующимъ образомъ: Самостоятельная соц.-д.-ская рабочая партія есть лучшее средство для достиженія солидной конституціи.

Еще чаще марксисты увѣряютъ всѣхъ въ своемъ абсолютномъ реализмѣ. Утописты де исходятъ и апеллируютъ къ отвлеченнымъ идеямъ и принципамъ, научные же социалисты разсматриваютъ всегда фактическія отношенія, ни на минуту не покидая реальной экономической почвы.

Но, если у нихъ это и бываетъ, то ужъ никакъ не въ томъ случаѣ, когда они (какъ Плехановъ въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ) касаются вопроса о необходимости низверженія абсолютизма. При одномъ воспоминаніи объ этомъ его кровномъ дѣлѣ, у русскаго марксиста, какъ у всякаго русскаго революціонера, наступаетъ моментально такой могучій «подъемъ духа», что ему уже, послѣ этого, не подобаетъ оставаться на грѣшной землѣ, и мы видимъ его уже лишь на приличной высотѣ самой чистой и возвышенной идеи. Съ этой высоты ограниченіе абсолютизма, какъ было на Западѣ, такъ будетъ и въ Россіи настоящимъ «торжествомъ свободы».

Если на этой высотѣ пролетарскій идеологъ вспомнить еще случайно, что судьба іонскихъ инсургентовъ не только не похожа на торжество ихъ свободы, такъ же, какъ и положеніе стачечниковъ, разгоняемыхъ и избиваемыхъ демократическими милиціями, то онъ тогда рѣшаетъ, что русскимъ рабочимъ не время теперь объ этомъ задумываться. Все должно быть въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. До буржуазной революціи русскіе рабочіе должны для успѣшнаго ея хода глубоко проникнуться убѣжденіемъ, что эта революція будетъ торжествомъ свободы. Когда собственнымъ опытомъ убѣдятся въ противоположномъ, когда въ собственномъ тѣлѣ почувствуютъ пули раз-

*) Развитие этихъ положеній составляетъ задачу 2-го выпуска.

своихъ Кавеньяковъ, тогда будетъ время рабочимъ самимъ внести соответственную поправку. Именно только такимъ способомъ будутъ удовлетворены и самостоятельность пролетаріата и открытія еще Гегелемъ философскія основы пролетарскаго ученія.

Но, даже послѣ внесенія въ надлежащее время соответственныхъ поправокъ въ «классовое сознаніе» русскаго рабочаго, буржуазная революція должна оставаться для него торжествомъ настоящей общечеловѣческой свободы, несомнѣннымъ освобожденіемъ людей вообще отъ гнета старыхъ порядковъ. Хотя плодъ этой революціи—политическая свобода—для пролетаріата не означаетъ еще полной его свободы и послужить ему лишь средствомъ окончательнаго освобожденія, тѣмъ не менѣе политическая свобода есть безусловная свобода людей вообще, а для пролетаріата—доля несомнѣнной свободы, именно полная «свобода борьбы» (sic!)

Для того, чтобы по данному вопросу выразить мысль Плеханова во всей ея полнотѣ, необходимо заимствовать понятія и слова у тѣхъ мнимыхъ его противниковъ, которыхъ онъ называетъ «социалистами-реакціонерами». «Политическая свобода не только средство», но и «самостоятельная цѣль», «она—благо сама въ себѣ», «составная часть нашего общественнаго идеала»...

Дело собой понятно, что объединить господствующихъ и поработанныхъ въ одномъ «освободительномъ» движеніи можно лишь съ помощью «возвышенныхъ идеаловъ», и «возвышенныхъ принциповъ», лишь въ области «чистыхъ понятій» и «абстрактныхъ отвлеченій» т. е. въ области достаточной плотности тумановъ. Въ эту область удаляется непримиримѣйшій анти-утопистъ и ультраматериалистъ Плехановъ ничуть не меньше, чѣмъ любой изъ тѣхъ утопистовъ, утопій котораго онъ только что якобы разбилъ,—удалается въ тихомолку всякій разъ, когда ему приходится доказывать необходимость для русскихъ рабочихъ борьбы за конституцію. При этомъ «материализмъ», «классовая борьба»... становятся лишь, такъ сказать, формами приличія, этикета, необходимаго въ нашъ «пролетарскій вѣкъ». Имущественные расчеты, матеріальные интересы опредѣленныхъ классовъ общества безъ малѣйшихъ затрудненій превращаются въ рукахъ этого «материалиста» въ потребности всѣхъ членовъ общества, въ общественныя, а потомъ уже и общечеловѣческія потребности, стремленія; и на этомъ пути мнимый анти-утопистъ получаетъ изрядное и для его цѣлей достаточное количество самыхъ чистыхъ понятій и идей и не менѣе чистыхъ принциповъ и идеаловъ. Стремленіе либеральнаго общества къ болѣе прогрессивной и болѣе производительной эксплуатаціи рабовъ всей Россіи, стремленіе всего буржуазнаго общества къ безпрепятственной реализаціи своихъ господскихъ имущественныхъ правъ устанавливается нашимъ «материалистомъ», какъ потребность всей русской націи въ свободѣ, какъ потребность всѣхъ русскихъ одинаково «безправныхъ обывателей», дѣло приобрѣтенія ими всѣми одинаковыхъ правъ «свободныхъ гражданъ свободной страны».†) Однимъ словомъ

†) Въ № 2 «Рабочаго» въ 1885 г. Плехановъ писалъ: «Передъ русскимъ рабочимъ классомъ стоятъ двѣ задачи: одна—экономическая, другая—политическая. Только разрѣшивши объ эти задачи, онъ... соз-

стремление къ конституціи есть, въ конечномъ счетѣ, присущая каждому честному обывателю... чистая любовь къ свободѣ.

Для «ученика», не воплотив еще дисциплинированного, при такомъ «материалистическомъ» разсужденіи, можетъ показаться сомнительнымъ слѣдующее: какимъ образомъ пролетарій — рабъ, не переставая быть рабомъ, можетъ сдѣлаться свободнымъ гражданиномъ? Можетъ быть, такой ученикъ вспомнить еще фразу автора «18 брюмера» о томъ, что идеальная политическая свобода, «соціальная» и демократическая республика есть господство буржуазнаго общества, господство всѣхъ его слоевъ и въ такой мѣрѣ, въ какой оно не было возможно при предшествовавшихъ политическихъ формахъ. Не слѣдуетъ ли отсюда, заключаетъ невзысканный ученикъ, что такое торжество свободы, какъ буржуазная революція, есть лишь болѣе сильное закрѣпощеніе пролетариата? Какой вздоръ, строго останавливаетъ его Плехановъ: Марксъ до конца своей жизни училъ рабочихъ тому, что ихъ первая обязанность — завоеваніе демократіи. Соц.-д.-ія должна остаться вѣрной каждой буквѣ Марксова ученія, не дѣлать никогда такихъ выводовъ, какихъ не дѣлалъ самъ учитель, не подвигаться никогда ни на шагъ дальше, не пытаться досказать и распутать то, что спутано у самаго учителя, какъ напр. его взглядъ о значеніи демократіи для пролетариата. Въ этомъ и заключается чисто пролетарская позиція марксистовъ-ортодоксовъ. Что касается рабства пролетариата въ современномъ строѣ, то Марксъ понималъ его, очевидно, въ переносномъ смыслѣ: такимъ-же должно остаться и пониманіе его ортодоксальныхъ учениковъ. Вообще, каждый «ученикъ» долженъ убѣдиться, что въ ученіи Маркса очень многое является, какъ показалъ Бернштейнъ, лишь «агитаціонной фразой». Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что соц.-д.-ія должна отбросить эти «агитаціонныя фразы», эти простыя украшенія программы, которыя самимъ ученикамъ ничего не стоятъ, а привлекаютъ къ нимъ такъ успѣшно «рабочіе баталліоны». Напротивъ большая заслуга ортодоксовъ въ томъ, что они помѣшали Бернштейну убѣдить соц.-д.-ію отказаться отъ своего испытаннаго пролетарскаго этикета, отъ превосходнаго демагогическаго средства.

«Материализмъ», «классовая борьба», сведенныя къ роли агитаціонныхъ фразъ, нисколько не мѣшаютъ, такимъ образомъ «широтѣ» марксистскаго ученія. Напротивъ благодаря вышеуказаннымъ приемамъ, марксизмъ обезпеченъ отъ той «узости», въ которой пытались его уличить его противники. Хотя онъ и сводитъ «все», «въ конечномъ счетѣ», къ «экономикѣ», но это, какъ оказывается, нисколько не мѣшаетъ ему понимать, не хуже Карѣвыхъ, все «разнообразіе историческаго процесса» и существованіе въ общественной жизни вполне самостоятельныхъ, никогда не сливающихся областей, какъ напр. области «экономики» и «политики», (см. цитату Плеханова въ

дасть новый общественный строй, удовлетворяющій всѣ его потребности)... «Вы должны бороться: во 1) ради своего освобожденія отъ... экономической эксплуатаціи, а во вторыхъ ради пріобрѣтенія тѣхъ правъ, которыя... сдѣлаютъ изъ васъ — пока еще безправныхъ обывателей — свободныхъ гражданъ свободной страны.» («Итоги» Куклина, VI, стр. 187).

примѣч.). Марксисты не уступаютъ Карѣвымъ еще и въ томъ отношеніи, что умѣютъ воспринять и сохранить въ чистомъ видѣ послѣднія два понятія, и выводить ихъ прямо изъ разнообразія потребностей индивидуума. Люди имѣютъ и духовныя, и матеріальныя потребности, поэтому каждому человѣку присуще стремление и къ «политической», и къ «экономической свободѣ». Первую онъ завоевываетъ въ буржуазной революціи, вторую въ пролетарской... Да здравствуетъ Марксва материалистическая теорія классово́й борьбы! — восклицаютъ восхищенные «ученики».

Такимъ образомъ, съ полнымъ успѣхомъ «конституція» превращена въ чистое понятіе, въ чистую идею политической свободы. Но для желанной гармоніи прямыхъ противоположностей требуется превратить въ чистую идею и другую изъ нихъ — рабочее дѣло.

На протяжении XIX столѣтія, социализмъ, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ отѣнкахъ, стремится выразить дѣло рабовъ міра какъ дѣло всего *современнаго человѣчества*. Создается цѣлый рядъ ученій, изъ которыхъ каждое въ большей или меньшей степени, въ томъ или другомъ видѣ, проповѣдуетъ одну и ту же утопію достиженія равенства не прямымъ путемъ *нападенія поработченныхъ на владѣющіе классы* и пріобрѣтенія ими равныхъ имущественныхъ правъ на всю цивилизацію, на все наследіе вѣковъ, а окольнымъ, специальнымъ путемъ *преобразованія способа производства* по особымъ кооперативнымъ принципамъ. Только въ зависимости отъ возможности осуществленія послѣдняго рождается возможность равенства. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ рукъ имущихъ будутъ вырваны богатства земного шара, замѣняется ожиданиями и размышленіями о томъ, какъ возникнетъ социалистическая ассоціація. Социалисты XIX ст. то непосредственно стремятся къ созданію образцовъ социалистическаго общежитія — фаланстеровъ, или даже къ прямому введенію новаго строя, оставляя въ сторонѣ всѣхъ владѣльцевъ, всѣ существующія власти (Овень, Прудонъ), то готовятъ лишь «элементы» будущей социалистической организаціи въ видѣ всевозможныхъ кооперативовъ, крупныхъ союзовъ взаимопомощи, крупныхъ потребительныхъ обществъ, то наконецъ, въ лицѣ современныхъ научныхъ социалистовъ, ограничиваютъ свою «прямую» социалистическую дѣятельность распространеніемъ «научной вѣры» въ «неизбѣжный процессъ», по которому «капитализмъ самъ» «роетъ себѣ могилу» и «создаетъ необходимую для социализма предпосылку», объединяя, «обобществляя трудъ» во все большіе и большіе размѣрахъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ социалистическихъ ученіяхъ вниманіе вступающихъ рабочихъ массъ отвлекается отъ ихъ прямой цѣли — *нападенія на имущихъ и ихъ экспроприаціи* и сосредоточивается на *общечеловѣческой заботѣ* — «введенія планомѣрнаго хозяйства», «излеченія общества отъ его болѣзней», «рѣшенія его противорѣчій», преобразованія современнаго строя. Война современныхъ рабовъ съ рабавдѣльцами превращается въ стремленіе всего человѣчества къ болѣе разумной и счастливой жизни. Реальное дѣло людей превращается въ идеаль, въ новую религію.

Научный социализмъ, рекомендующій себя самъ, какъ ученіе, которому впервые удалось прочно объединить социализмъ съ рабочимъ

движеніемъ, съ классовою борьбою пролетаріата, не только не упраздняетъ, вопреки всѣмъ его увѣреніямъ, предшествовавшихъ ему утопій, а напротивъ, специфически преобразуя идеализмъ прежнихъ социалистовъ, укрѣпляетъ ихъ утопію, создаетъ «научную» религію. Въ своей брошюрѣ о борьбѣ съ голодомъ, Плехановъ такъ опредѣляетъ значеніе научнаго социализма:

«Современный социализмъ даетъ людямъ то средство, съ помощью котораго они прекратятъ свою зависимость отъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, подчинятъ эти силы власти разума» (†), (стр. 62.)

Современный социализмъ есть стремленіе человечества избавиться отъ той неволи, существующей на протяженіи всей исторіи, въ которой

... «люди были слѣпыми орудіями еще болѣе слѣпыхъ экономическихъ силъ, ... (и) благодаря этому обстоятельству они пережили безчисленное множество самыхъ ужасныхъ бѣдъ и пролили цѣлыя моря самой невинной крови». Все это случилось по «неумѣнью людей стать господами своихъ собственныхъ экономическихъ отношений». (стр. 60.)

Эта идея, дѣлающая научный социализмъ столь красивымъ, идеальнымъ, идея, проникающая дѣйствительно всю марксистскую философію, всѣ марксистскія сочиненія и, въ болѣе или менѣе высокопарныхъ словахъ, высказываемая обязательно во всякой соц.-демократической программѣ, подмѣняетъ, безъ малѣйшихъ затрудненій, ничуть не хуже Христова ученія и всякой другой религіи, — господство людей надъ людьми, рабовладѣльцевъ надъ рабами — въ господство ... природы надъ человекомъ; подмѣняетъ созданную вѣками неволю и закрѣпощеніе рабочихъ массъ владѣльцами земнаго шара — неволю всѣхъ людей и закрѣпощеніемъ ихъ жестокой не людской силой — экономическими слѣпыми законами. Это лишь на новый ладъ пропѣтая старая молитва: мы всѣ рабы господни!

Научный социализмъ явился для того, чтобы научить людей «умѣнью стать господами своихъ экономическихъ отношений». Онъ научить этому искусству пролетаріатъ, который будетъ спасителемъ всего страждущаго человечества. Но пролетаріатъ предварительно долженъ воспитаться, «развить» «въ борьбѣ» свой «умъ» и «возвысить свою нравственность» (1. с. стр. 61.). Такое воспитаніе онъ можетъ получить только въ стрѣхѣ политической свободы, въ стрѣхѣ полнаго господства буржуазіи. Такъ какъ въ Россіи послѣднее еще не существуетъ, то рабочіе прежде всего, для собственнаго освобожденія ... совершатъ буржуазную революцію. На этотъ путь наставитъ ихъ ... «наша интеллигенція», которая «должна стать руководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи». (Наши Разногл. стр. 78.)

Превративъ описаннымъ способомъ въ чистыя идеи и политическую свободу и социализмъ, превративъ потребность буржуазнаго общества въ конституцію — въ присущую человеку вообще любовь къ свободѣ, а предстоящую борьбу рабочихъ съ буржуазнымъ обществомъ

(†) Курсивъ нашъ.

— въ борьбу человечества съ лежащими внѣ его «экономическими силами», научный социализмъ, въ лицѣ русскаго соц.-д.-изма, восклицаетъ, какъ настоящій жонглеръ: Идите ко мнѣ всѣ! я нашелъ путь, на которомъ и буржуазія усилитъ свое господство надъ пролетаріатомъ и пролетаріатъ проложитъ путь къ своему освобожденію отъ того-же господства.

Призрачная непримиримость.

— Опозорить русское социалистическое движеніе буржуазной революціей хотятъ лишь соц.-д.-ы. Къ чести русскаго революціоннаго движенія существуютъ еще въ Россіи другія, кромѣ соц.-д.-ин, партіи, настоящие представители и защитники идей 70-хъ годовъ, которые такого позора, какъ буржуазная революція, не допустятъ, а поведутъ русскій народъ на борьбу за торжество социализма.

Такъ говорятъ соц.-р.-ы, такъ говорятъ русскіе анархисты, пытающіеся въ послѣднее время установить анархистское движеніе на эмиграціи, а отчасти въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ Россіи.

На сколько партія с.-р.-овъ хочетъ или можетъ направить русское революціонное движеніе не къ буржуазной революціи, а къ социализму, къ низверженію буржуазнаго строя, объ этомъ долго говорить не приходится. Партія, которая выступаетъ противъ соц.-д.-ой ортодоксіи только потому, что, какъ она сама говоритъ, въ Россіи еще не настало время для настоящаго соц.-д.-аго движенія; партія, основнымъ мотивомъ которой является недовольство той высокой, по ея мнѣнью, ролью, которую предназначаетъ рабочему движенію русская соц.-д.-ія; партія, которая, взявъ послѣднюю, организуетъ, въ качествѣ «настоящихъ социалистическихъ силъ» оппозиціонные слои общества, учащуюся молодежь, радикальную интеллигенцію и наконецъ все русское крестьянство, — такая партія есть настоящая исполнительница буржуазной революціи, настоящая, по меньшей мѣрѣ, наряду съ «Искрой». Партія соц.-р.-овъ не хочетъ провозглашаемой соц.-д.-ами буржуазной революціи лишь постольку, поскольку она искристамъ не удастся и вѣчно ими отсрачивается: у с.-р.-овъ есть, по ихъ мнѣнью, средства осуществленія буржуазной революціи болѣе скорыя и менѣе сомнительныя, нежели исключительно рабочее движеніе. Партія с.-р.-овъ не согласна, наконецъ, не на буржуазную революцію, а на само провозглашеніе буржуазной революціи, которое, по ихъ мнѣнью, сдѣлано соц.-д.-ами напрасно: такое провозглашеніе вредитъ успѣху и скорости этого дѣла. Своей программой — «не буржуазная, а социальная революція!», с.-р.-ы требуютъ у соц.-д.-овъ согласія на то, чтобы для вовлеченія рабочихъ массъ въ борьбу за конституцію пускать въ ходъ еще болѣе примитивное, чѣмъ научный социализмъ, надувательство и еще болѣе безцеремонное красноречіе.

Такова въ настоящее время въ дѣйствительности роль идей 70-хъ годовъ, возрождаемыхъ современными сторонниками «славной» про-

граммы «Народной Воли». Но можетъ быть идеи 70-хъ годовъ, въ ихъ другомъ видѣ, въ видѣ анархическаго бакунизма, болѣе, чѣмъ лавризмъ, враждебнаго марксизму, помогутъ дѣлу и направятъ русскаго революціонера не къ буржуазной, а настоящей социалистической революціи? Вопросъ этотъ стоитъ разсмотрѣть потому, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло, повидимому, съ особымъ, касающимся не только Россіи, социалистическимъ направленіемъ, которое противопоставляетъ себя соц.-д.-ому пошибу и легализму. Сторонникъ бакунизма Кропоткинъ, безпорочный учитель современныхъ русскихъ анархистовъ, Кропоткинъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже главнымъ образомъ, важнѣйшимъ на Западѣ представителемъ анархистской теоріи, которая преподносится возставшимъ противъ соц.-д.-ии рабочимъ организациямъ вмѣсто марксистскаго ученія.

Каковы должны быть задачи и стремленія анархистовъ въ Россіи? Въ главномъ сочиненіи Кропоткина: «Хлѣбъ и Воля» на стр. 84-85 читаемъ слѣдующее:

«Что-же касается того, приметъ-ли она (революція) съ самаго же начала во всѣхъ европейскихъ странахъ дѣйствительно социалистическій характеръ, то въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Вспомнимъ, что Германія находится въ самомъ разгарѣ періода единой имперіи, и что ея самыя передовыя партіи мечтаютъ еще объ якобинской республикѣ 1848 года и объ «организации труда» Луи Блана, тогда какъ во Франціи народъ требуетъ по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ Коммунъ».

... «Но если даже Германія пойдетъ нѣсколько дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, и осуществитъ больше, чѣмъ тогда удалось осуществить во Франціи, то въ началѣ революціи руководящая идея вестаетъ будутъ идеями 1848 года, точно также, какъ идеи, которыя будутъ руководить русской революціей, будутъ идеями 1789-го года (+), видоизмѣненными до известной степени умственными теченіями нашего вѣка».

Хотя авторъ тутъ-же добавляетъ, что вышесказанное лишь его «догадки», однако даже и анархистъ не станетъ, конечно, и не сможетъ стремиться къ большому, чѣмъ то, что по его «догадкамъ», «будетъ», что «можетъ быть» и что «осуществимо». Что-же осуществимо въ Россіи? — «Идеи 1789 года», отвѣчаетъ Кропоткинъ. Въ виду того, что идеи анархистовъ, идеи ураздненія «не только капитала, но и государства», повидимому, — на сколько объ этомъ могутъ судить посторонніе и, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, — отличны отъ идей 1789 года и не входятъ, кажется, въ составъ послѣднихъ, — можетъ быть, въ виду всего этого, анархистамъ пока совсѣмъ нечего дѣлать въ Россіи и придется ограничиться ожиданіемъ той будущей эпохи, когда Россія дойдетъ до положенія современной Франціи и русской народъ найдетъ возможнымъ стремиться прямо къ анархизму и «требовать по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ коммунъ»?

Это предположеніе, конечно, совершенно невѣрное. Мы уже знаемъ (см. стр. 14), что у анархистовъ имѣется, напротивъ, лучший путь осуществленія всѣхъ настоящихъ задачъ современнаго революціоннаго

(+) Курсивъ нашъ.

движенія въ Россіи. Не остается никакого другого вывода, какъ только тотъ, что современные русскіе анархисты, при помощи своихъ современныхъ идей объ уничтоженіи «не только капитала, но и государства», будутъ участвовать въ осуществленіи въ Россіи «идей 1789 года». Но въ такомъ случаѣ мы, не смотря на всѣ усилія, не въ состояніи усмотрѣть, чѣмъ, въ данномъ отношеніи, отличаются стремленія анархистовъ отъ стремленій «Искры». Марксизмъ взялся изобрѣсти вѣрнѣйшій путь освобожденія пролетариата и нашелъ, что русскіе рабочіе для своего освобожденія должны предварительно совершить буржуазную революцію и воздвигнуть строй полнаго государства буржуазіи. Анархизмъ, придя къ заключенію, что соц.-д.-измъ не желаетъ полнаго разрушенія неволи, попытался найти способъ освобожденія рабочаго класса еще болѣе безошибочный, и заявляетъ, что для достиженія анархистскаго рая, русскій «рабочій народъ» долженъ предварительно осуществить «идей 1789 года». Какъ соц.-д.-амъ ихъ «чисто и исключительно пролетарская точка зрѣнія», такъ и анархистамъ ихъ «непримиримость со всякимъ, даже соц.-д.-имъ гнетомъ», не мѣшаютъ участвовать въ исполненіи того дѣла, которое совершили во Франціи Мирабо, Сіэсъ, Бриссо, Робеспьеръ.

Анархисты въ своихъ «идеяхъ 1789 г.» окажутся столь же непоколебимы, какъ соц.-дем.-ы въ своей «буржуазной революціи». Если противъ «идей 1789 г.» ничего, конечно, не станутъ возражать либералы, со Струве во главѣ, въ виду того, что первою-изъ этихъ идей является, въ числѣ «правъ человѣка», неприкосновенность собственности, а затѣмъ ограниченіе монархической власти; если всѣ русскіе революціонеры требуютъ осуществленія именно идей 1789 г., потому что онѣ означаютъ «суверенитетъ исполняющаго свою власть демократическаго народа», если «Искра» не откажется, конечно, признать въ «идеяхъ 1789 г.» своей «буржуазной революціи», — то все это трогательное единодушіе нисколько не смущаетъ русскаго непримиримаго анархиста; напротивъ, оно радуетъ его, доказывая ему, что его анархистская программа удовлетворяетъ «нуждамъ всего русскаго революціоннаго движенія».

Согласіе, — по данному вопросу — сторонниковъ «буржуазной революціи» съ анархистами не смутитъ послѣднихъ, такъ какъ понятіе — «буржуазная революція» совсѣмъ не существуетъ въ анархистскомъ словарѣ и есть, по ихъ мнѣнію, праздно измышленіе досужихъ метафизиковъ, доктринеровъ марксистовъ, продуктъ ихъ вздорной діалектики и ихъ страсти къ безплоднымъ гаданіямъ. Не сама революція 1789 года была буржуазной: великая французская революція была борьбой за... «свободу равенство и братство», — буржуазія только «воспользовалась» революціей. Вотъ что, стало быть, анархисты будутъ проповѣдывать и осуществлять совмѣстно со всѣми русскими революціонерами, со всѣмъ русскимъ «народомъ» — «свободу, равенство и братство» 1789 года. Очень возможно, скажетъ анархистъ, что предстоящей русской революціей, точъ-въ-точъ также, какъ и во Франціи «используется буржуазія», и народъ окажется обманутымъ. Но развѣ въ такомъ исходѣ можно кого либо винить? Это, если случится, будетъ историческая необходимость, которая именно покажетъ, что

въ тотъ моментъ могло быть осуществимо и въ чемъ неизбежно народу пришлось обмануться въ своихъ надеждахъ.

Какъ ни просто и естественно представляется все это русскому революционеру, бѣда однако въ томъ, что массы въ нѣкоторые моменты, когда «историческая необходимость» обращается съ ними черезъ чуръ ужъ нахально, начинаютъ наконецъ это таинственное существо искать на землѣ, и тогда никакъ не убѣдишь ихъ, что «историческая необходимость» не есть произведение рукъ человѣческихъ. Невоспитанныя, невѣжественныя массы не въ состояннн поцѣть открытыя наукою, «независимыхъ отъ воли людей» историческихъ законовъ развитія цивилизаций, точно также, какъ не понимаема самой цивилизаций и ея «благъ», и упорно наговятъ въ разсматриваемые моменты найти виновниковъ среди живыхъ людей; онѣ грубо пристають къ проповѣдникамъ «чистыхъ идей» и очень убѣдительно доказываютъ, что обману непосредственно содѣйствовала «чистая идея», объединившая «для спасенія человѣчества» волковъ и овецъ, струвистскихъ либераловъ и стачечниковъ... Но русскіе анархисты, вслѣдъ за соц.-р.-ами, рѣшаютъ все это дѣло однимъ радикальнымъ приемомъ. Все это, говорятъ они, гаданія напрасныя и бесплодныя, а даже прямо вредныя, по скольку охлаждають пылъ революціонной атаки на царское правительство. Гони неприятныя мысли и воспоминанія отъ себя и другихъ! — вотъ простой способъ сохранить и усилить «революціонный подъемъ».

Плехановъ очень ошибается и очень не справедливъ къ Кропоткину, когда считаетъ его *неисправимымъ* утопистомъ. Въ разсматриваемомъ вопросѣ, въ вопросѣ о характерѣ будущей русской революціи представитель анархій, по меньшей мѣрѣ, вовсе не уступаетъ Плеханову въ «антиутопизмѣ». Утописты не соблюдаютъ условій времени и мѣста, не считаютъ нужнымъ сообразоваться съ реальными условіями собственной страны, ничего не хотятъ слышать объ исторической преемственности и готовы приговорить всѣ страны къ осуществленію одной, выдуманной ими формулы. Во всемъ этомъ, повторяемъ, отецъ русской анархій, какъ видно изъ вышеприведенныхъ его словъ, столь же безгрѣшенъ, какъ и отецъ русскаго соц.-д.-изма.

Кропоткинъ вѣрнѣе, правда, до сихъ поръ въ русское социалистическое крестьянство, вѣрнѣе не меньше, конечно, а гораздо глубже, нежели Н. — онъ и В. В., и даже довольно странно, зачѣмъ собственно, ему эта вѣра, разъ Россіи предстоитъ осуществить «идею 1789-го года»: вѣдь русское «коммунистическое» крестьянство существовало, какъ таковое, лишь для того, чтобы Россія могла воздвигнуть одновременно съ Западомъ социалистическій строй, а послѣднее, какъ мы видѣли, оказывается утопій даже по современному анархистскому ученію. Правда также и то, что анархистскій мыслитель, не сводя всего «къ экономикѣ», не обладаетъ той твердой основой для установленія объективныхъ условій отдѣльныхъ странъ и превращенія каждой изъ нихъ въ особый хозяйственный организмъ, — какую представляетъ собою марксистскій «экономическій базисъ» — «производственные нужды странъ».

Не смотря на все это, русское коммунистическое крестьянство не доводитъ вовсе анархиста до того утопизма, который готовъ смѣшать

Россію съ Франціей и приговорить ихъ къ фаталистическому переживанію какого-либо одного шаблона. Напротивъ, у анархиста есть, — въ области идей и психологій народовъ — особый, не менѣе богатый, чѣмъ у соц.-д.-а, матеріалъ для спеціального анархистскаго объективизма, который не хуже марксистскаго, устанавливаетъ тѣ же законы историческаго развитія и исторической преемственности, происходящія изъ независимыхъ отъ воли современниковъ историческихъ условій существованія каждой изъ «странъ». Его «антигосударственность» ничуть не мѣшаетъ ему, по примѣру его противниковъ, государственниковъ, превращать современные государства въ ненарушимые общественные организмы, ведущіе до того обособленную и самостоятельную жизнь, что во время предстоящей революціи въ каждомъ изъ этихъ общественныхъ организмовъ разыгрываются свои собственные эпохи, отдѣльныя одна отъ другой вѣковыми промежутками времени. И получается прямо удивительный результатъ отъ всего анархистскаго протеста противъ соц.-д.-ой постепенности и возможности: хотя анархистское ученіе требуетъ упраздненія и присужденія къ гибели, на ряду съ другими и демократическія формы власти, однако, въ силу какихъ-то законовъ объективнаго хода вещей, законовъ, не менѣе неумолимыхъ, чѣмъ марксистскіе, «болѣе отсталыя» страны осуждены прохлѣть всѣ тѣ стадіи политическаго и демократическаго развитія, какія пережили «болѣе передовыя» государства, такъ что Германія никоимъ образомъ не можетъ объединиться съ Франціей въ стремленіи къ настоящей анархической свободѣ, къ всепоспешительному федерализму «по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ коммунъ» и осуждена предварительно завоевать то, чѣмъ обладаетъ Франція — централистическую республику.

Въ моменты рабочихъ возстаній, въ моменты массовыхъ стачекъ рабочіе въ Ригѣ, оказываются въ томъ же самомъ положеніи, что и въ Барселонѣ, Триестѣ, Женевѣ. Причина ихъ возмущенія одна и та же, однѣ и тѣ же претензіи и требованія; однѣ и тѣ же планы, мысли, способы борьбы. Достаточно вообразить эти рабочія возстанія, происходящими въ одинъ моментъ, для того чтобы получить представленіе о единствѣ того дѣла, которое возникаетъ въ цивилизованномъ мірѣ съ наступленіемъ рабочей революціи. И когда стараешься представить это дѣло въ его дальнѣйшемъ развитіи, когда претензіи массъ выходятъ далеко за предѣлы требованій улучшенія условій труда, единство дѣла остается столь же несомнѣннымъ, все видишь одно и то же дѣло — низверженіе одной и той же неволи, какъ тамъ, гдѣ социалисты соц.-д.-аго и анархистскаго направленія готовятся осуществить «идею 1789 г.», такъ и тамъ, гдѣ онѣ уже осуществлены.

Но мало ли какія несбыточныя перспективы могутъ возникнуть на почвѣ претензій невѣжественныхъ рабочихъ массъ, не проникшихъ еще социалистическимъ идеаломъ и не понявшихъ еще законовъ научнаго социалистическаго строительства!

Полвѣка тому назадъ появилась настоящая, пролетарская наука, повторяя на каждой своей страницѣ свой возгласъ объ объединеніи немощныхъ всего міра. Послѣ самыхъ тщательныхъ социологическихъ изслѣдованій она наконецъ сдѣлала открытіе, которое доводитъ до свѣдѣнія рабочихъ подъ тѣмъ же лозунгомъ — «пролетаріи всѣхъ

странъ соединитесь!», — открытіе, по которому соединеніе пролетаріевъ для всемірнаго возстанія, для всемірной стачки — абсурдъ.

Лаврамъ учености научнаго социализма позавидовала анархистская наука. Не діалектическимъ, а настоящимъ научнымъ методомъ, методомъ естественныхъ наукъ, «индуктивно-дедуктивнымъ» методомъ будетъ открытъ путь освобожденія пролетаріата. Эта наука, въ противоположность діалектической, беретъ подъ свою опеку всеобщую стачку. И вотъ, передъ лицомъ единого во всемъ мірѣ рабочаго дѣла, индуктивно-дедуктивная наука прежде всего... указываетъ пальцемъ на линію, проходящую по Рейну, потомъ, очевидно, на другую линію, проведенную черезъ Вержболово-Александрово-Радзивилово, и учитъ, что это не только границы, установленныя государствами, защищаемыя современными властями, не только рамки, въ которыхъ господствующія классы дѣлятъ между собой земной шаръ и добычу отъ эксплуатаціи рабочихъ массъ, а естественные предѣлы отдѣльныхъ общественныхъ организмовъ. Отсюда слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, что новая, во второмъ уже изданіи безошибочная наука, не въ состояніи понять всемірнаго единства того рабочаго дѣла, которое она хочетъ взять подъ свою безапелляціонную опеку, и что то дѣло, къ которому она сама стремится, не есть еще рабочая революція. Анархистская программа говоритъ: всеобщая стачка есть лишь приступъ къ революціи. Если это прибавить къ предыдущему, то получимъ, что всеобщая стачка, если она случится въ нѣсколькихъ странахъ одновременно, будетъ лишь толчкомъ для переживанія каждою изъ нихъ особыхъ историческихъ эпохъ.

Марксистская наука, пообщавъ неизбежное, даже независимое отъ воли людей, освобожденіе пролетаріата, установила этимъ лишь непререкаемую научную инстанцію, которая, подъ видомъ объективной незрѣлости современнаго строя для социализма, обуздываетъ рабочую революцію. Анархистская наука, превращая точно также, какъ и марксизмъ, современныя «страны» въ организмы и предназначая для нихъ разныя историческія эпохи, парализуетъ тенденцію современнаго рабочаго движенія, къ всемірному заговору, къ повсемѣстному, поднятому съ единой цѣлью, возстанію рабочихъ. Наука, и въ ея марксистскомъ и въ анархистскомъ примѣненіи, оказывается силой не содѣйствующей, а обуздывающей возстаніе рабовъ цивилизованнаго міра.

Освобожденіе рабочихъ не есть «движеніе человѣчества къ идеалу»: для такого явленія не существуетъ еще на земномъ шарѣ соответственнаго субъекта — единаго человѣчества, съ единой волей и единымъ сознаниемъ. Освобожденіе рабочихъ есть стремленіе рабовъ современнаго общества отнять у своихъ хозяевъ владѣніе всѣми богатствами земнаго шара, всею цивилизаціею, стремленіе, которое господствующимъ меньшинствомъ убивается въ самомъ зародышѣ, не только съ помощью негуманитарныхъ средствъ, но и съ помощью «самаго гуманитарнаго обмана». Наука есть достойное привилегированныхъ людей, касты бѣлоручекъ, ученаго міра, существованіе котораго есть существованіе паразита, основанное на вѣковомъ грабѣжѣ обреченныхъ на пожизненную каторгу ручнаго труда рабочихъ массъ. «Об-

щественная наука» является поэтому системой господства надъ волей и мыслью массъ.

Обо всемъ этомъ анархизмъ имѣетъ еще меньшее представленіе, чѣмъ марксизмъ. Онъ даже большіе послѣдняго превращаетъ въ идола современную науку, а современныхъ социологовъ-болтуновъ возводитъ въ рангъ великодушныхъ искателей правды. *)

Но возвратимся къ вопросу о томъ, что дѣлать анархистамъ въ Россіи. Надо прибавить что «руководящими идеями» здѣсь будутъ не только просто «идеи 1789 г.», а идеи 1789 г., «видоизмѣненныя, до извѣстной степени, умственными теченіями нашего вѣка». Анархисты, повидимому, будутъ производить это видоизмѣненіе. Посмотримъ, должны ли анархисты, и «до какой именно степени», видоизмѣнять «идеи 1789 г.» «идеями рабочаго класса

*) Въ брошюрѣ Кропоткина: «Анархія, ея философія — ея идеаль» читаемъ на стр. 13:

Политическая экономія, бывшая въ началѣ своего существованія изученіемъ богатства народовъ, становится теперь изученіемъ богатства личностей. Она интересуется не столько тѣмъ, ведетъ ли данная нація крупную внѣшнюю торговлю, сколько тѣмъ, — есть ли достаточно хлѣба въ хижинѣ крестьянина или рабочаго? Она стучится во всѣ двери — въ дворцы и въ трущобы — спрашивая какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго: «въ какой степени удовлетворены ваши потребности въ необходимомъ и въ предметахъ роскоши?» И, убѣдившись, что у девяти десятыхъ человѣчества не удовлетворены даже самыя настоятельныя потребности, она ставитъ себѣ тотъ же вопросъ, который поставилъ бы себѣ физиологъ, изучающій какое нибудь животное или растение, а именно: «Какимъ путемъ возможно удовлетворить потребностямъ всѣхъ съ наименьшей тратой силъ? Какимъ образомъ можетъ общество обезпечить каждому, а слѣдовательно и всѣмъ, наибольшую сумму благосостоянія и счастья?»

Утопія Кропоткина о роли современной науки заставляетъ его высказать въ нѣсколькихъ строкахъ столько фальши, сколько можно услышать развѣ отъ самыхъ заурядныхъ жрецовъ официальной науки. Вышеприведенный диалогъ покажется, мы думаемъ, чрезвычайно ужъ тошнымъ даже специалистамъ этого дѣла — жоресистамъ и струвистамъ, поощимъ пѣсни безпорочнымъ «служителямъ науки».

Стремленіе къ научности, въ качествѣ самой первой заповѣди, представляетъ одну изъ дорожекъ, по которой анархистскія теории неудержимо направляются туда, куда ихъ зоветъ Толстой, — къ полной легализаціи по примѣру социализма. На этомъ пути онѣ моментально превращаются въ... садонный анархизмъ. Такая участь уже нѣсколько разъ въ продолженіе одного десятилѣтія постигла, между прочимъ, нѣмецкія анархистскія направленія, въ лицѣ ихъ берлинскихъ органовъ. Основанный недавно «Der Anarchist», съ твердымъ рѣшеніемъ держаться на почвѣ революціоннаго рабочаго движенія, кажется, тѣмъ не менше, врядъ ли избѣгнетъ участи своихъ предшественниковъ, какъ видно изъ слѣдующаго: «Впродолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ важнѣйшая его (анархизма) дѣятельность состоитъ не столько въ достиженіи позитивныхъ цѣлей, сколько въ идейномъ и философскомъ углубленіи собственнаго мірозозерпанія... Въ умственной жизни Франціи анархизмъ уже давно играетъ руководящую роль, грядущая литература не преминетъ навѣрно констатировать, наконецъ, что весь натурализмъ въ дѣйствительности не что другое, какъ выводъ изъ анархистской идеи». (N 4, 1904 г.).

Наже мы приводимъ высказанныя Кропоткинѣмъ въ 92 г. сужденія о необходимости анархистской программы для русскаго революціонера, причемъ оказывается, что въ то время представитель анархизма не считалъ даже нужнымъ намекнуть хоть бы однимъ словомъ о рабочемъ движеніи въ Россіи, хотя русскія стачки, въ особенности Морозовская успѣли уже принудить даже царское правительство подумать о фабричномъ законодательствѣ. Отецъ современнаго русскаго анархизма, какъ и другіе народники, думалъ, повидимому, для того времени не признавать рабочаго движенія въ Россіи, не признавать до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно; напротивъ, онъ предполагалъ, очевидно, по старому «спасать родину отъ пролетарія». Въ самомъ сочиненіи «Хлѣбъ и Воля», написанномъ гораздо раньше его русскаго изданія, также не отыщешь ни одного слова о русскомъ рабочемъ движеніи. Но за послѣдніе десять лѣтъ выросло такое стачечное движеніе, социал-дематы столько шуму надѣлали со своимъ «рабочимъ классомъ», все общество признало «пролетарія» столь полезнымъ для отечественнаго прогресса, что въ предисловіи къ русскому изданію названнаго сочиненія, въ 1902 года, не было больше возможности не давать по старому никакого на этотъ счетъ отвѣта. Русскіе рабочіе завоевали въ программѣ Кропоткина слѣдующее, отчасти ихъ касающееся, мѣсто:

... «При починѣ городовъ, ... начнутся попытки обобществленія земли, прежде всего, и отчасти (+) фабрикъ (+) — и организація земледѣлія, а также, можетъ быть (+) и фабричнаго производства на общественно-артельныхъ началахъ». («Хлѣбъ и Воля», IX).

Отъ «обобществленія земли» рабочему классу, конечно, ни тепло ни холодно, точно также, какъ отъ обобществленія желѣзныхъ дорогъ въ Швейцаріи. Обобществленія земли требуетъ и антисоціалістъ Толстой, тотъ самый, который бросаетъ проклятія на головы рабочихъ, осмѣливающихся своими стачками посягать на имущество фабрикантовъ. Но то Толстой, а Кропоткинъ совсѣмъ другое. Не только обобществленіе земли, но еще... «можетъ быть обобществленіе и организація отчасти и фабрикъ». Но если — «можетъ быть», то столь же правдоподобно — можетъ и совсѣмъ не быть. Правда, дѣло не особенно бы измѣнилось, еслибы Кропоткинъ вычеркнулъ эти интересныя словечки — «можетъ быть», «отчасти» — и смѣло провозгласилъ полное обобществленіе средствъ производства. Особенной смѣлости для этого не требуется, ибо переходъ средствъ производства въ руки общества самъ по себѣ не мѣняетъ судьбы рабочихъ и не разрушаетъ еще классового строя. Но если самъ по себѣ лозунгъ этотъ совсѣмъ не грозный (не даромъ Родбертусъ предлагалъ его прусскому королю), то ограниченіе его значить несомнѣнное оспариваніе правъ рабочихъ на немедленную экспроприацію буржуазіи: отецъ современнаго анархистскаго ученія не предполагаетъ пока возможнымъ неограниченныхъ притязаній рабочаго класса въ Россіи на богатства капиталистовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ анархистская теорія, — кто же объ этомъ

(+) Курсивъ нашъ.

(++) Подчеркнуто Кропоткинѣмъ.

не слышалъ, — присваиваетъ себѣ репутацію непримиримаго врага социал-демаго оппортунизма.

Почему же Россіи предстоитъ только «можетъ быть» частичное «обобществленіе» средствъ производства? Нѣтъ другихъ причинъ, какъ только та, что Россія «страна земледѣльческая», съ «мало развитой крупной промышленностью». Оказывается, что отецъ русской анархіи самый настоящій марксистскій объективистъ (см. также выше стр. 16-18). Онъ, конечно, не оптимистическій объективистъ, вѣрящій въ быстрое развитіе капитализма и самопроизвольное его превращеніе въ социализмъ. Но онъ несомнѣнно такой марксистскій объективистъ, который, признавъ, наконецъ, послѣ долгаго спора, что его «родина» «вступила на путь капитализма», считаетъ уже этотъ капитализмъ предпосылкой социализма, предпосылкой, правда еще не достаточной, но несомнѣнно необходимой, развитіемъ которой опредѣляется размѣръ возможнаго обобществленія. Собственно, весь легальный марксизмъ, принявъ во вниманіе возраженія народниковъ и субъективистовъ, сталъ именно на эту точку зрѣнія.

Пользуясь, въ видѣ примѣра, вышеприведенной цитатой изъ Кропоткина и въ дополненіе къ положеніямъ, высказаннымъ на стр. 16-17, мы здѣсь прибавимъ еще слѣдующее. На протяженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ русскій революціонеръ становится анархистомъ, не желая ставить будущей экспроприаціи никакихъ государственныхъ тормазовъ, никакихъ ограниченій и отсрочекъ — до тѣхъ поръ, пока онъ предполагаетъ исполнителемъ экспроприаціи крестьянство, объектомъ ея — землю. Въ связи съ этимъ, въ Россіи не было до сихъ поръ такого анархиста, который бы не вѣрилъ, въ большей или меньшей степени; въ самобытную социалистичность русскаго крестьянства. Но лишь только русскій революціонеръ перестаетъ вѣрить въ «общину», или предвидитъ, что исполнителемъ экспроприаціи могутъ сдѣлаться выступающія на революціонную сцену настоящіе пролетаріи, сами рабочія массы, а объектомъ — не только земля, но и вся другія богатства, — онъ моментально съживается, становится немедленно постепеновцемъ, настаиваетъ на отсрочкѣ, указываетъ на объективную невозможность, старательно ставитъ напередъ ограниченія. Такъ бакуинисты, будущіе члены «Гр. Осв. Труда», становясь постепенно «на точку зрѣнія пролетарія», отказываются, вмѣстѣ съ вѣрой въ общину, и отъ своего анархизма, отказываются отъ него въ народовольствѣ и становятся соц.-д.-ами — постепеновцами. Такъ Стефановичъ, только-что устраивавшій заговорщическое сообщество для непосредственнаго, неограниченнаго захвата земли, лишь только увидѣлъ въ 80-хъ годахъ необходимость для русскаго революціонера «пойти къ рабочимъ», сразу заговорилъ въ своей «Злѣбъ дня» о... кассахъ взаимопомощи:

«Соединеніе рабочихъ въ союзы, напримѣръ на кассахъ взаимопомощи — таковъ долженъ быть первый и необходимый приступъ къ созданію революціонной организаціи рабочихъ». (Цитата изъ брошюры Невзорова: «Отрекаемся ли» и т. д.)

Кропоткинъ, сохранившій своеобразнымъ способомъ, благодаря своему анархизму, народническую утопію 70-хъ г.г., не избѣгнулъ однако этой общей участи русскаго революціонера. Увидѣвъ нежелатель

ных пролетаріевъ въ Россіи, онъ апеллируетъ къ объективнымъ условіямъ, осторожно вставляя свои словечки: «отчасти»... «можетъ быть», становится постепенцемъ.

Послѣ глубокаго застоя въ концѣ 80-хъ годовъ, русское революціонное движеніе вновь усиливается въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. Толчкомъ, какъ извѣстно, послужилъ страшный голодъ 91 г. Въ этотъ именно моментъ, въ одномъ и томъ же году (92) представители двухъ противоположныхъ социалистическихъ направленій, Плехановъ и Кропоткинъ, предлагаютъ вновь русскимъ революціонерамъ свои программы. И тотъ и другой одинаково рекомендуютъ свое ученіе, какъ наиболее соответствующее нуждамъ русской революціи. Плехановъ издаетъ брошюру о борьбѣ съ голодомъ, которая должна убѣдить революціонера въ томъ, что основатель соц.-д.-изма высказалъ уже десять лѣтъ до того момента въ брошюрѣ: «Соціализмъ и полит. борьба»:

«Наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но, напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народольцы слѣдуютъ, наконецъ, марксистами и новая, высшая точка зрѣнія, примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи.»

Съ другой стороны, Кропоткинъ, въ предисловіи къ первой брошюрѣ «Анархической бібліотеки» («Парижская коммуна» Бакунина) объясняетъ преимущества своего ученія и предостерегаетъ, что

«ошибка въ выборѣ между обѣими программами социализма, государственнаго и безъ-государственнаго, можетъ задержать все движеніе... на цѣлые десятки лѣтъ.»

Главные мѣста этого предисловія мы хотимъ теперь же процитировать. Но предварительно рекомендуемъ читателю просмотрѣть еще разъ приведенныя нами выше, на стр. 23-28, выписки изъ Плехановскихъ сочиненій. При сравненіи двухъ «прямопротивоположныхъ» направленій оказывается, что основная ихъ задача, верховная цѣль которой подчиняется все прочее, — одна и та же, какъ въ «пролетарской» программѣ, такъ и въ «идеально-чистомъ анархизмѣ». Эта верховная цѣль — «скорѣйшее низверженіе царизма». На анархистскомъ, языкѣ дѣло это называется «ослабленіе централизованной государственной власти». Читатель убѣдится, что трудно рѣшить, для кого въ большей степени является кровнымъ дѣломъ забота русскаго либеральнаго общества — для основателя русскаго соц.-д.-изма, или же для отца современной русской анархіи; трудно рѣшить, кому изъ нихъ должна быть болѣе благодарна русская прогрессивная буржуазія, за ихъ искреннюю заботу о скорѣйшемъ появленіи въ Россіи конституціоннаго рая. Верховная цѣль двухъ «прямопротивоположныхъ» направленій до того тождественна, что, не смотря на различныя, во многомъ дѣйствительно противоположныя, взгляды, задача рѣшается у нихъ по вполне одинаковымъ приемамъ, мысли и доказательства идутъ по двумъ совершенно параллельнымъ линіямъ, одинаковъ даже и ихъ порядокъ.

Точно также, какъ и Плехановъ, Кропоткинъ исходитъ изъ того положенія, что «въ области политической борьбы, какъ и въ области экономического развитія, передовыя страны указываютъ путь отсталымъ». (Плех.) Такъ какъ верховная цѣль уже давно, напередъ рѣшена, что «отсталая» страна должна повторить путь развитія «передовыхъ» странъ, то уже само собою понятно, — какъ у одного, такъ и у другого, что русскій «рабочій народъ» никоимъ образомъ не можетъ, въ ближайшей своей революціи, рѣшать того же дѣла, которое предпримутъ западноевропейскіе рабочіе въ предстоящую имъ революцію. Если «пролетарскій идеологъ» учитъ, что русскіе рабочіе въ ближайшей революціи должны совершить дѣло, исполненное западноевропейскимъ «рабочимъ народомъ» полвѣка тому назадъ, то анархистскій мыслитель любитъ, какъ мы это отчасти уже знаемъ, времена болѣе ранніе и учитъ, что въ Россіи народъ долженъ повторить то, что происходило на Западѣ въ XVIII, а то и въ XVII столѣтіи.

«Англійскіе революціонеры 1648 года и французскіе 1789 — 1793 вполне понимали, что королевская, самодержавная власть держится не нѣсколькими людьми; что она имѣетъ свои корни въ исторіи и въ дѣлой жизни народа; что она плодъ крѣпостного или полу-крѣпостного строя... Поэтому, нападая на королевскую власть, они прежде всего (++) искали опоры въ крестьянскомъ (++) движеніи. Они не мечтали низвергнуть короля одною силою интеллигенціи.* Они были въ значительной степени социалистами, и ихъ писанія, проникнутыя социалистическими взглядами, будили народъ, звали его къ возстанію (++) Они стремились, во всякомъ случаѣ, освободить крестьянъ отъ экономического гнета помещиковъ, и понимали, (++) что низвергнуть и ограничить королевскую власть возможно будетъ только тогда, когда по странѣ разольется широкою волною крестьянское возстаніе». (стр. IV)

Только доктринеры связываютъ понятіе социализма съ рабочимъ движеніемъ XIX столѣтія. Кропоткинъ, конечно, далекъ отъ такой «узости» и требуетъ широкаго пониманія социализма. Даже если будете воображать подъ социализмомъ стремленіе вообще поработенныхъ отнять богатства у имущихъ съ цѣлью прямо провозглашеннаго ими имущественнаго равенства, то и въ этомъ случаѣ ваше пониманіе будетъ неудовлетворительное и все еще доктринерски узкое, ибо вы напрасно исключаете, изъ числа социалистовъ, людей, подготовлявшихъ англійскую и французскую революцію и, какъ извѣстно, обь имущественномъ равенствѣ совѣтъ не заботившихся. Кропоткинъ увѣряетъ, что въ писаніяхъ послѣднихъ онъ видитъ «социалистическіе взгляды». Это совершенно понятно, если вспомнить, что онъ умѣетъ усматривать коммунизмъ даже въ... «общедоступности» парковъ, садовъ и улицъ. На стр. 34 «Хлѣба и Воли» доказывается, что «со-

* «Еслибы французской или нѣмецкой «интеллигенціи» сороковыхъ годовъ кто-нибудь посоветовалъ оставить всякую мысль о волеженіи народа въ борьбу съ правительствомъ, ... интеллигенція встрѣтила бы подобный совѣтъ по меньшей мѣрѣ съ негодующимъ удивленіемъ.» (Плех., стр. 24.)

(+) Курсивъ нашъ.

(++) Подчеркнуто Кропоткинымъ

временныя общества неизбежно движутся по направлению къ коммунизму», благодаря, между прочимъ, тому, что «коммунистическое направление... проникаетъ въ наши отношенія во всевозможныхъ видахъ», напимѣръ, «въ видѣ музеевъ, общественныхъ библиотекъ, даровыхъ школъ, парковъ и садовъ, открытыхъ для всѣхъ, вымощенныхъ освѣщенныхъ улицъ и т. п.» При такихъ «социалистическихъ взглядахъ» совѣтъ не трудно признать социалистами... энциклопедистовъ и буржуазныхъ революціонеровъ 1789 г. Въ своей брошюрѣ: «Un siècle d'attente» Кропоткинъ говоритъ;

«Достаточно прочитать... писанія Дидро, Руссо и даже тѣхъ, которые, какъ Сіэсъ и Бриссо, сдѣлались впоследствии заклятыми защитниками буржуазіи, чтобы увидѣть, что они проникнуты социализмомъ, или точнѣе, коммунизмомъ. Сама формула — *свобода, равенство и братство*, которая въ ту эпоху не была пустымъ звукомъ, говоритъ въ достаточной мѣрѣ о томъ, что видѣлъ французскій народъ въ революціи... Дидро былъ въ глубинѣ души анархистъ. А Бриссо, развѣ не призывалъ къ грабежу?» (стр. 16.)

Отецъ анархизма, словно невинный ребенокъ, ничего не хочетъ знать о существеннѣйшей особенности всей исторіи вообще и революціонныхъ движеній, въ частности, именно о томъ, что всякій новый имущій классъ, не достигшій еще полнаго господства, а только стремящійся къ нему принужденъ для этого возмущать народныя массы противъ старыхъ господъ, бросая имъ ничтожный грошъ. Когда на этомъ основаніи новый господинъ начинаетъ увѣрять въ своей заботѣ о «благѣ всѣхъ гражданъ», въ своемъ стремленіи къ «свободѣ, равенству и братству», то массы, по ученію Кропоткина, должны принимать это за чистую монету, сколько бы разъ онѣ не убѣждались въ пустотѣ всѣхъ этихъ фразъ и въ надувательствѣ. Когда Бриссо и Сіэсы до низверженія феодаловъ призываютъ къ возстанію и грабежу, а по достиженіи собственнаго господства провозглашаютъ неприкосновенность собственности и издаютъ драконовскіе законы о сообществахъ рабочихъ, массы убѣждаются, что Бриссо и Сіэсы ихъ обманываютъ, обманываютъ посредствомъ тѣхъ фразъ, и того социализма, въ искренности котораго анархистъ Кропоткинъ не сомнѣвается. Кропоткинское ученіе совѣтуетъ массамъ забыть объ этой секретной сторонѣ революцій, забыть совершенно, такъ чтобы буржуазный революціонизмъ вновь изъ обмана массъ превратился въ настоящій социализмъ.

И какъ великолѣпно доказывается социалистичность «даже тѣхъ, которые впоследствии сдѣлались заклятыми защитниками буржуазіи». Въдѣ для самихъ массъ, рассуждаетъ анархистъ, формула — *свобода, равенство и братство* — не была пустымъ звукомъ и понималась вообще въ ту эпоху въ прямомъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, увѣренно заключаетъ онъ, что и для Бриссо и Сіэсовъ она не была пустымъ звукомъ. Такимъ образомъ, мало того, что массы были обмануты; надо еще, чтобы эти же массы, благодаря ихъ обманутымъ ожиданіямъ, восстановили социалистическую репутацію буржуазныхъ революціонеровъ. Но какъ Кропоткинъ ни старается, его заключеніе о социалистичности Сіэсовъ изъ его доводовъ вовсе не слѣдуетъ. Ибо, какъ бы мы ни опредѣлили то, что сами массы видѣли во французской рево-

люціи, Бриссо и Сіэсы несомнѣнно видѣли въ ней — это они доказали — только свою буржуазную «свободу, равенство и братство». Но что несомнѣнно слѣдуетъ изъ всего разсужденія, такъ лишь очень интересный вопросъ, почему чистѣйшему, анархистскому социализму нашего времени такъ сильно хочется найти настоящей социализмъ въ томъ, что служило лишь орудіемъ завлеченія массъ въ буржуазную революцію. Не потому ли, чтобы и для современныхъ Бриссо и Сіэсовъ отвоевать вновь право безконтрольнаго пользованія подобнаго рода фразами и продѣлыванія при ихъ помощи тѣхъ же самыхъ операций?

Согласно вышеочерченной точкѣ зрѣнія, у Кропоткина выходитъ, какъ видно изъ приведенной цитаты его «Предисловія», что социализмомъ, какъ у западноевропейскихъ революціонеровъ XVIII и XVII ст., такъ и вообще, надо считать *пониманіе* ими того обстоятельства, *что нельзя обуздать абсолютизмъ и феодализмъ безъ помощи народныхъ массъ*, пониманіе необходимости «будить народъ», «звать его къ возстанію». Это анархистское пониманіе социализма совершенно тождественно съ соц.-д.-нымъ его пониманіемъ у Плеханова. У послѣдняго точь-въ-точь также «держаться социализма» значитъ — «вовлекать народъ въ борьбу съ правительствомъ», «работать въ народѣ» «ходить къ рабочимъ»; «перестать быть социалистомъ» значитъ — «ограничиться пропагандой въ обществѣ». Разница лишь въ томъ, что Кропоткинъ предпочитаетъ не говорить вовсе о русскомъ пролетаріи и признаетъ народъ только въ видѣ крестьянства. Конечно, благодаря этому, его анархистскій социализмъ несомнѣнно шире соц.-д.-скаго, ибо социализмомъ окажется «во всякомъ случаѣ» и стремленіе къ «освобожденію крестьянъ отъ экономическаго гнета помѣщиковъ». По этой причинѣ декабристы, напимѣръ, были «во всякомъ случаѣ» социалистами и даже въ царскомъ манифестѣ 19 февраля «во всякомъ случаѣ» скрыта нѣкоторая доля социализма.

Но послушаемъ еще дальше, какъ анархистъ рекомендуетъ революціонеру социализмъ въ качествѣ лучшаго средства достиженія конституціи. Въ томъ же «Предисловіи» Кропоткина читаемъ:

«Любопытно, что даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи, вторая республика 1848 года и конституціонныя уступки, сдѣланныя въ Германіи въ томъ же году, были результатомъ не дворцовыхъ заговоровъ, — а обширнаго социалистическаго (+) движенія...»

Иди къ социализму, или даже къ земельному перевороту, черезъ политическій переворотъ (+) — чистѣйшая утопія, такъ какъ сквозь всю исторію мы видимъ, что политическія перемѣны вытекаютъ изъ совершающихся крупныхъ экономическихъ переворотовъ, а не наоборотъ. Вотъ почему освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ лежащаго на нихъ по сію пору гнета крепостнаго права становится первою (+) задачей русскаго революціонера. Работая на этомъ пути, онъ во первыхъ работаетъ прямо и непосредственно на пользу народа, и въ прямой пользѣ народа видитъ высшую цѣль своихъ усилій, а во вторыхъ, онъ подготавливаетъ *ослабленіе централизованной государственной власти и ея ограниченіе*. (+; +)

(+) Подчеркнуто у Кропоткина.

(+; +) Курсивъ нашъ.

Последний вывод анархиста представляет собою точное решение проблемы, поставленной перед русским революционером с социал-демократической точки зрения. Плехановъ (стр. 23-24), въ одинъ голосъ съ Кропоткинъ, говоритъ:

«Намъ, русскимъ социалистамъ надо найти такой способъ дѣйствія, держась котораго мы, во первыхъ ни на минуту не переставали бы... быть социалистами («работать прямо и непосредственно на пользу народа» — Кроп.), а во вторыхъ, скорѣе побѣдили бы царизмъ» («подготовили бы ослабленіе центральной государственной власти» — Кроп.).

Проблема поставлена и рѣшена до такой степени тождественно, что у двухъ «противоположныхъ» программъ обнаруживается совершенно равноцѣнная позиция по отношенію къ дѣлу рабочихъ массъ. Какъ «пролетарскій» идеологъ-социал-демократъ, такъ и «непримиримый» анархистъ, считаютъ возможнымъ конституцію поставить въ уровень съ социализмомъ. Ни у одного, ни у другого, «ограниченіе самодержавной власти» не можетъ ни въ коемъ случаѣ, ни на одну минуту играть роль второстепенную, подчиненную: одна и та же проблема русскаго соц.-д.-та и русскаго анархиста не была бы въ такомъ случаѣ рѣшена. И одинъ, и другой сочтутъ ее рѣшенною лишь въ такомъ видѣ, когда получается въ результатъ полное удовлетвореніе либерала, т. е. «скорѣйшее низверженіе царизма», и притомъ не какъ случайность, возможность, вѣроятность, а какъ безусловная необходимость. Анархистская и пролетарская «чистота» не производятъ въ рассматриваемомъ отношеніи никакого дѣйствія, никакого разногласія. Повидимому онѣ лишь по виду различны, по сущности же равноцѣнны. И эта равноцѣнность въ ихъ сущности есть не что другое, какъ одинаково вѣрная служба у либераловъ. И такъ, отецъ русскаго анархизма въ той же мѣрѣ работаетъ для конституціи, какъ и основатель русскаго соц.-д.-изма.

Но какъ же такъ? — спроситъ удивленный читатель. Въдѣ анархисты объявляютъ свою насильственную борьбу въ одинаковой степени, какъ самодержавному, такъ и демократическому строю? Въдѣ они отрицаютъ политическую дѣятельность въ западноевропейскихъ парламентскихъ государствахъ, за что и исключены соц.-д.-ами изъ международныхъ социалистическихъ конгрессовъ? Въдѣ именованъ анархиста означаютъ сторонника насильственного способа борьбы, при-мѣняемаго повсюду, независимо отъ политическаго устройства государства?

Все это можетъ быть вѣрно лишь относительно отдѣльныхъ личностей, анархистовъ, извѣстныхъ міру своими смѣлыми протестами;*) можетъ быть вѣрно и относительно нѣкоторыхъ анархистскихъ группъ пытающихся въ моменты внезапныхъ крупныхъ взрывовъ рабочихъ массъ, расширить послѣдніе по возможности дальше и дойти на этомъ пути до рабочей революціи. Но отдѣльные голые протесты не въ со-

*) Мы, однако, не имѣемъ здѣсь въ виду покушеній, совершаемыхъ въ Испаніи и другихъ странахъ «противъ отдѣльныхъ тирановъ», которыя столь же мало свидѣтельствуютъ о непримиримости анархистовъ съ классовымъ строемъ, какъ и покушенія «Боевой организаціи» о такой же непримиримости с. р.-овъ

стоянціи, конечно, создать революціоннаго теченія, а случайныя, революціонно настроенныя группы не въ состоянціи передать это свое настроеніе болѣе широкому движенію; анархистское ученіе оказывается неспособнымъ удержаться на высотѣ дѣйствительно непримиримаго революціонизма и выразить собою переворотную позицію рабовъ современнаго общества. Такимъ образомъ, по отношенію ко всему современному анархистскому движенію, вышеприведенное ходячее о немъ мнѣніе совершенно расходится съ дѣйствительностью.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже не только въ кругахъ западноевропейской интеллигенціи довольно широкія теченія вплоть безобиднаго анархизма художниковъ и литераторовъ, «салоннаго анархизма», но и среди профессиональнаго рабочаго движенія — широкую анархистскую легальную пропаганду, въ видѣ французскаго анархистскаго синдикализма, попытка котораго революціонизировать французскій тредъ-юнионизмъ даетъ однако въ результатъ прежде всего легализацію анархизма. Нѣтъ ни одного анархистскаго теоретика, который поставилъ бы себѣ задачей и сумѣлъ обосновать твердъ взглядъ, что освобожденіе рабочаго класса мыслимо только какъ насильственный актъ возстанія, подготовленіе котораго требуетъ скрытой отъ глазъ закона конспираціи во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи у теоретиковъ анархизма встрѣчаешь лишь сбивчивыя, двусмысленныя отвѣты, почти въ такой же степени, какъ у антибернштейншанцевъ марксистовъ. Кропоткинъ напр. говоритъ: «Наше дѣло» — открыть тенденціи современнаго историческаго процесса, осуществить ихъ и разрушить стѣснительныя учрежденія и предрассудки. «Это все, что мы можемъ сдѣлать, какъ мирнымъ, такъ и революціоннымъ путемъ.» («Анархія, ея философія, ея идеаль», стр. 58. Курсивъ нашъ.)

Эта сбивчивость современнаго анархистскаго ученія по вопросу о «насильственномъ способѣ дѣйствій» непосредственно связана съ неясностью, спутанностью его взгляда на значеніе политической свободы для акта освобожденія рабочаго класса. Въ брошюрѣ: «Распаденіе современнаго строя» Кропоткинъ, рассказывая довольно обстоятельно (стр. 34-40) о томъ, какимъ пустымъ звукомъ является политическая свобода для революціонныхъ рабочихъ движеній, объясняя, что въ видѣ политической свободы буржуазія предоставляетъ пролетаріату лишь свободу того, что для нея оказалось совершенно бесполезнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, «съ другой стороны», какъ и марксисты, перечеркивая все только-что написанное, нѣсколько разъ заявляетъ: по изъ сказаннаго совсѣмъ не слѣдуетъ, что рабочіе не должны защищать уже завоеванныхъ правъ или не бороться за достиженіе новыхъ; они не должны только выжидать и выпрашивать ихъ у государства, а должны «взять» ихъ «сами». Точь-въ-точь также марксистъ, не отрицая того, что политическая свобода необходима буржуазіи для ея полнаго господства, увѣряетъ, что соц.-д.-ія тѣмъ не менѣе борется за конституцію только ради пролетаріата.

Повидимому, и для анархиста политическая свобода, въ конечномъ счетѣ, облегчаетъ актъ освобожденія рабочихъ, а отсюда уже само собою слѣдуетъ, что «насильственный способъ дѣйствія» долженъ мѣняться и ослабляться вмѣстѣ съ прогрессомъ завоевываемыхъ правъ.

Анархисты своим отрицанием государства отказываются только от правъ выбора въ центральные законодательные и исполнительные органы; но политическая свобода необходима для них не меньше, чѣмъ для соц.-д.-овъ, ради воспитанія рабочихъ, развитія ихъ экономическихъ и кооперативныхъ организаций. Поэтому анархисты въ Россіи будутъ добиваться демократическаго строя не меньше другихъ партій, а напротивъ больше, по скольку они стараются быть «болѣе революціонными». (См. передовыя статьи NN 1 и 4 «Хлѣба и Воли».)

Намъ сдѣлаютъ, пожалуй, возраженіе, что русскіе анархисты своєю критикою демократическаго законодательства охлаждаютъ пылъ «революціонной атаки» пролетаріата на самодержавіе. Этого, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто слѣдовало бы ожидать. Въ дѣйствительности однако происходитъ, повидимому, противоположное, ибо иначе какъ же объяснить глубокую и интимную связь русскаго анархизма съ с. р.-скимъ направлениемъ. Дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ. Ущербъ с. р.-скому идеалу, наносимый анархистской критикой, востократъ вознаграждается той прибылью, которую получаютъ с. р.-ы отъ анархистской проповѣди... антигосударственности. Если послѣднюю разсмотрѣть поближе, то окажется, что она почти ничѣмъ не отличается отъ той агитации, которую всѣ русскіе революціонеры выражаютъ въ словахъ: «слодай самодержавіе!». Въ обсуждаемомъ «Предисловіи» Кропоткина читаемъ:

«Анархисты стремятся.. не усилить государственную власть, а ослабить ее, раздробить ее, и территориально, и въ ея отправленияхъ и въ концѣ концовъ совершенно уничтожить ее.» (стр. III.)

Вотъ какъ анархисты разрушаютъ государство. Чего только нельзя подвести подъ эту дѣтски наивную формулу! На ея основаніи польскіе, литовскіе, еврейскіе и всевозможные кавказскіе патріоты своєю борьбою за національную независимость, или автономію, за распаденіе русской имперіи, разрушаютъ современное государство. И это не только наше «теоретическое» предположеніе: достаточно вспомнить, какъ на недавнемъ сѣздѣ въ Женевѣ русскіе анархисты при восторженныхъ рукоплесканіяхъ с. р.-овъ, очищали кавказскій социализмъ отъ соц.-д.-кой государственности при помощи кавказскихъ патріотовъ. Но мало того. *Всякое ограниченіе* «централизованной государственной власти» есть равнымъ образомъ шагъ по пути къ разрушенію государства. Ограниченіе самодержавнаго царя законодательной палатой, «ослабленіе» исполнительной власти путемъ преобразования монархіи въ республику — все это ступени «ослабленія государственной власти» («въ ея отправленияхъ»), такъ чтобы «въ концѣ концовъ совершенно уничтожить ее», все это этапы постепеннаго анархистскаго разрушенія государства.

Послѣ вышесказаннаго понятно, какъ великолѣпно можно украсить конституціонные планы антигосударственностью русскихъ анархистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «скорѣйшее низверженіе царизма» не есть какал-либо либеральная затѣя, а.. первый шагъ по пути къ осуществленію *конечной цѣли самаго непримиримаго социализма*, анархистскаго идеала. Если въ нѣкоторыхъ революціонныхъ кругахъ возгласъ: долой самодержавіе, да здравствуетъ конституція! — сдѣлался

уже немножко неприличнымъ, то либеральничавшіе студенты съ успехомъ и безъ малѣйшаго для себя ущерба могутъ замѣнить его Кропоткинскимъ анархистскимъ принципомъ.

Бакунинская антигосударственность не отличается, конечно, отъ Кропоткинской. Поэтому всякій хранитель идей 70-хъ гг., какимъ бы онъ не становился конституціоналистомъ и *государственникомъ*, всегда стоялъ и будетъ стоять за *анархизма* Бакунина, противъ государственности марксистовъ. Ибо Бакунинская программа «разрушенія государства *въ первый день революціи*», примененная къ Россіи, становилась здѣсь неминуемо, — не смотря на мнимыя усилія бакунистовъ къ противоположному, — программой борьбы съ существующей *формой* государства, съ царизмомъ. Это видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ самого Бакунина:

«Втолковать... показать ему (народу), какъ всѣ чиновники, помѣщики, поповскіе и кулацкіе неистовства, разбой, грабежи, отъ которыхъ ему нѣтъ житья, идутъ прямо отъ царской власти, опираются на нее и *возможны только благодаря ей*, доказать ему, однимъ словомъ, что столь ненавистное ему государство это самъ царь и *ничто иное, какъ царь* — вотъ прямая и теперь главная обязанность революціонной пропаганды». (Цитировано въ брошюрѣ Невзорова: «Отказываемся ли.» и т. д., стр. 29. Курсивъ нашъ.)

Революціонеръ «Земли и Воли» не думалъ объявлять войну государствамъ, а лишь *прокладываетъ* себѣ постепенно дорогу къ программѣ борьбы съ русскимъ деспотизмомъ. Въ литературѣ бакунистовъ, взявъ ли «Общину», или «Землю и Волю», постоянно встрѣчаешь заявленія о томъ, что бунтари, отказавшись отъ утопическихъ, неосновательныхъ надеждъ первыхъ народниковъ на возможность *немедленнаго социалистическаго переустройства Россіи*, сводятъ предостій переворотъ *къ достижимому т. е. къ обобществленію земли и упраздненію государства*. Такъ что изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи паразитовъ, земледелецъ считаетъ возможнымъ упразднить лишь классъ помѣщиковъ и тѣмъ не менѣе общаетъ въ результатъ этого переворота полное уничтоженіе государства. Чудо это возможно, конечно, лишь на основаніи сказокъ о русскомъ коммунистическомъ народѣ, который, — пади только самодержавіе, — воздвигнетъ немедленно не государство, а... «свободную федерацію» «свободныхъ общинъ». Такимъ образомъ, благодаря народническимъ сказкамъ, земледелецъ все время борется, — правда, «стыдливо» — не съ государствомъ, а только съ самодержавіемъ. Поэтому, когда онъ даже дѣлается народовольцемъ, когда ясно выставляетъ свою программу оздоровленія русскаго государства, не перестаетъ повторять пустыхъ анархистскихъ фразъ о «низверженіи государства», «свободной федераціи» и т. п. Такъ что въ литературѣ «Народной Воли» не трудно встрѣтить на одной и той же страницѣ и «низверженіе государства», и «созваніе земскаго собора», какъ различныя лишь наименованія для одного и того же народовольческаго дѣла

Какъ мы уже видѣли (см. выше стр. 42, 45, 47) Кропоткинъ, по скольку позволяютъ обстоятельства, старается всячески удешевить для Россіи старую землевольческую программу: обобществленіе земли и упраздненіе государства. Для этого требуется,

удержать у себя въ первобытной простотѣ всѣ народническія утопіи. Но Кропоткинъ оказался способнымъ на нѣчто большее. Его анархистская теорія распространила русскую самобытную сказку про «коммунистическій народъ» на всѣ «народы» и даже на общества древнихъ рабовладѣльцевъ и средневѣковыхъ торговцевъ.

Въ брошюрѣ: «Анархія, ея философія - ея идеаль» Кропоткинъ въ слѣдующихъ словахъ формулируетъ свой взглядъ на государство, какъ общій выводъ изъ своихъ «историческихъ изслѣдованій» по этому предмету:

.. «Государство представляетъ собою... форму общественной жизни, создавшуюся лишь очень недавно у нашихъ европейскихъ обществъ. Человѣкъ существовалъ уже въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, прежде чѣмъ образовались *первыя государства*; Греція и Римъ процвѣтали уже цѣлые вѣка до появления македонской и римской имперіи; а для насъ, современныхъ европейцевъ, *государства существуютъ, собственно говоря, только съ шестнадцатаго столѣтія*. Именно тогда завершилось уничтоженіе свободныхъ общинъ и создано общество взаимнаго страхованія между вѣнной и судебной властью, землевладѣльцами и капиталистами, которое называется государствомъ». (стр. 37. Курсивъ нашъ.)

Итакъ, въ древней Греціи и Римѣ государство появилось лишь въ моментъ возникновенія македонской и римской имперіи. Анархистъ не находитъ возможнымъ признать государствомъ *даже римскую республику*. А что касается Греціи, до порабощенія ея македонскими царями, тамъ ужъ онъ безусловно откажется открыть хоть бы малѣйшій слѣдъ существованія государства. Организации, извѣстныя до сихъ поръ въ исторіи подъ именемъ греческихъ государствъ, были, надо думать... «вольными», «анархическими общинами». Такими же счастливыми, безгосударственными коммунами были также и средневѣковые города. Если марксисты поютъ безконечныя дифирамбы заслугамъ тогдашней буржуазіи въ области культуры и промышленности, то Кропоткинъ, сверхъ того, республиканское устройство ея городовъ возводитъ на высоту коммунистическаго общегитія. Въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ среднихъ вѣковъ, также какъ и въ «вольной общинѣ — Великомъ Новгородѣ», «барыши отъ торговли доставались не отдельнымъ купцамъ, а опять таки *всѣмъ — городу*». («Хлѣбъ и Воля», стр. 33. Курсивъ нашъ.) Такимъ образомъ отецъ анархическаго коммунизма старается использовать въ качествѣ источника возвышенной социалистической вѣры даже коммунизмъ торговцевъ и ушкуйниковъ. При этомъ, конечно, холопы въ Новгородѣ, пролетаріи въ средневѣковыхъ городахъ оказываются недостойными, при подсчетѣ анархиста, быть включенными въ число «всѣхъ» т. е. въ число человѣческихъ существъ, живущихъ въ этихъ «райскихъ оазисахъ».

Какъ показываютъ послѣднія строки вышеприведенной цитаты, даже Кропоткинъ, какъ бы онъ этого ни желалъ, не въ состояніи мыслить совершенно чистую «государственность», и притомъ такъ, чтобы ее можно было наблюдать только въ «имперіяхъ», какъ требуетъ этого вся цитата. Но идеалистическая формула повелѣваетъ «доказать» «ненужность государства», его маловажность во всемъ историческомъ развитіи. Въ силу этого мотива отецъ анар-

хизма такъ и рѣшилъ признать государство на протяженіи исторіи только тамъ, гдѣ увидить менѣе или болѣе похожую на русское самодержавіе, деспотію. Поэтому въ средніе вѣка государства не существуютъ; появляются они только въ XVI ст., т. е. тогда, когда возникаютъ крупныя, централизованныя абсолютныя монархіи.

Не подлежить, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что анархисты (Кропоткинское ученіе о государствѣ признается всѣми анархистами) не видятъ сущности государства, не знаютъ его основы, хотя и взялись быть специалистами въ этой области. Анархисты не видятъ государства, являющагося неволю рабовъ всѣхъ вѣковъ, государства, которое возникло, какъ организациа этой неволи, и которое можетъ погнубить только съ прекращеніемъ ея. Они не видятъ государства, тяготящаго надъ рабами древняго міра и организованнаго «анархическими» общинами «безгосударственныхъ» Грековъ. Они не видятъ государства, тяготящаго надъ крѣпостными среднихъ вѣковъ, воздвигнутаго дворянами, сеньерами, феодалами еще тогда, когда они обходились, по мнѣнію Кропоткина, безъ государства, безъ центральной монархической власти. Анархисты не видятъ и современнаго государства, той тюрьмы, въ которой большинство человечества рождается рабами, обреченными на пожизненную каторгу ручного труда. Анархисту и въ голову не приходитъ понимать подъ государствомъ всю сумму гнета, господства, которое проявляютъ человѣкъ надъ человѣкомъ, господствующіе надъ поработченными.

Анархисты объявляютъ войну, лишь тому государственному гнету, которому подвергается само привилегированное общество, который испытывали сами греческіе рабовладѣльцы со стороны македонскихъ царей, римскіе патриціи со стороны своихъ императоровъ, средневѣковая буржуазія и шляхта - со стороны посягающихъ на ихъ «золотую свободу» абсолютныхъ монарховъ. Уничтожить государство анархизму не по силамъ: онъ, повторяемъ, не знаетъ его источника, его основы, его сущности.

Послѣ всего вышесказаннаго понятно, что въ той «анархистской» революціи въ Россіи, планъ которой предложилъ Кропоткинъ въ разсматриваемой нами его статьѣ 92 года, современное государство, вопреки всѣмъ надеждамъ и увѣреніямъ анархиста, не только не разрушается, но даже не ослабляется.

Благотворная роль старыхъ идеаловъ.

Какое мѣсто во всемъ современномъ революціонномъ движеніи Россіи занимаетъ Кропоткинъ и его послѣдователи?

Прежде всего, «анархическіе принципы» Кропоткина не указываютъ и не требуютъ вовсе отъ революціонера въ Россіи какого либо новаго, особаго дѣла. Дѣло анархиста Кропоткина есть дѣло русскихъ революціонеровъ вообще, какъ оно выражалось и сознава-

лось ими до тѣхъ поръ. Въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за вышеприведенными цитатами обсуждаемой статьи, весь анархизмъ сводится для Россіи самимъ его основателемъ до роли простой формы, въ которой дѣло русскаго революціонера достигаетъ своего наиболѣе полного осуществленія. Анархизмъ, по мнѣнію его основателя, есть лучшее средство осуществленія стремленій всѣхъ русскихъ революціонеровъ.

Кропоткинъ, доказавъ, какъ мы видѣли выше, необходимость народнаго возстанія для «ослабленія и ограниченія централизованной государственной власти», т.е. для «скорѣйшаго низверженія царизма», опредѣливъ это будущее народное возстаніе, какъ возстаніе крестьянское, въ дальнѣйшемъ старается объяснить, на сколько для осуществленія упомянутыхъ цѣлей гораздо болѣе пригоденъ анархизмъ, нежели «государственный социализмъ.» Между тѣмъ какъ послѣдній, рассуждаетъ онъ, передавая дѣло земельного преобразования въ руки провозглашаемаго имъ земскаго собора, съ самаго начала готовить ограниченіе крестьянскаго возстанія, анархизмъ вызоветъ въ крестьянахъ при отнятіи ими земель у помѣщиковъ наиболѣе «личнаго почина, личной дѣятельности», заставитъ ихъ «ничего не ждать отъ какихъ то спасителей,» не позволитъ «новой государственной централизаци мѣшать силѣ и глубинѣ движенія.» Для успѣха крестьянскаго возстанія, для его наибольшаго расширенія «нужно принять анархистскую программу», заключаетъ Кропоткинъ.

Если послѣ этого поставить вопросъ, въ чемъ же заключается сущность того анархическаго переворота, того пути къ «безгосударственности», который предполагался Кропоткинѣмъ въ 92 г., то придется отвѣтить, что основная идея анархистской программы для Россіи заключается въ... крестьянскомъ возстаніи, въ аграрной революціи.

До конца 90-хъ г. г. отецъ русскаго анархизма могъ радоваться рѣдкому счастью, выпавшему на его долю: не имѣя въ Россіи почти никакихъ послѣдователей собственной анархической доктрины, онъ насчитывалъ безчисленное множество сторонниковъ основного пункта своей безгосударственной программы—аграрнаго переворота, не только въ лицѣ антимарксистскихъ революціонеровъ, но и въ лицѣ всей народнической интеллигенціи. Это замѣчательное счастье русскихъ анархистовъ выразилось наконецъ въ томъ, что сущность, основная идея программы Кропоткинскаго безгосударственнаго социализма—аграрная революція—нашла своихъ усердныхъ и систематическихъ пропагандистовъ въ лицѣ цѣлой партіи... самыхъ твердыхъ государственникововъ, самыхъ беззаветныхъ конституціоналистовъ—соц.р—въ. И ученики Кропоткина искренне радовались такому своему своеобразному счастью. Передовица № 9 «Хлѣба и Воли» рассказываетъ о томъ, что анархисты съ большимъ удовольствіемъ привѣтствовали рожденіе партіи соц.—р—овъ и ихъ «Аграрной Лиги». Въ то время они были недовольны лишь тѣмъ, что соц.—р—ы замалчиваютъ якобы фактъ заимствованія ими у анархистовъ и философіи, и аграрной программы. (Такой упрекъ намъ случилось слышать со стороны анархистовъ на одномъ публичномъ собраніи въ Женевѣ въ концѣ 1903 г.) Но дѣло, конечно, не въ заимствованіи, а въ томъ тѣснѣй-

шемъ родствѣ, въ которомъ остаются русскіе анархисты и ихъ отецъ со всѣми элементами объединяющимися въ партію соц.—р.—овъ.

Мы уже отмѣтили выше, что Кропоткинъ является лучшимъ «хранителемъ идей 70-хъ г.г.» Послѣдніе естественно и составляютъ непрерывающуюся первоначальную родственную связь между нимъ и прочими «хранителями». Эти родственныя узы почему-то вовсе не ослабляются оттого, что Кропоткинъ выступаетъ, какъ анархистскій проповѣдникъ разрушенія тѣхъ самыхъ культурныхъ формъ Запада, обожателями которыхъ является въ настоящее время большинство «хранителей идей 70-хъ г.г.» Дѣло объясняется тѣмъ, что вся анархистская доктрина Кропоткина есть лишь система, распространяющая фикцію и иллюзіи русскаго народника 70-хъ г.г. на всю исторію и на весь міръ. Такимъ образомъ нападеніе отца современной анархіи на западно-европейскій строй не есть нападеніе настоящаго противника этого строя—рабочаго класса, рабовъ цивилизованнаго общества, а лишь утопическое нападеніе русскаго народника. Вотъ почему родственныя узы между Кропоткинѣмъ и Михайловскимъ никогда не прерывались и остаются въ полной первоначальной силѣ, хотя съ виду, формально развитіе идей каждаго изъ нихъ идетъ какъ будто въ противоположномъ направленіи и первый отвергаетъ то, что столь высоко чтитъ второй—европейскую демократію.

Примѣнительно къ Россіи, къ предстоящему ей перевороту, вся анархистская теорія Кропоткина есть лучшее средство сохраненія «наслѣдства» въ его первоначальномъ видѣ, сохраненія всѣхъ фикцій и утопій народничества вмѣстѣ съ тѣмъ обманчиво-революціоннымъ блескомъ, которымъ оно обладало въ 70-ые годы. Въ самомъ дѣлѣ, въ 92 г. никто уже изъ русскихъ революціонеровъ не былъ въ состояніи въ такой степени, какъ отецъ современной анархіи, считать Россію абсолютно земледѣльческой страной, сводить все предстоящее ей преобразование исключительно къ аграрному перевороту, удерживать въ неприкосновенности землевольческую программу, по которой исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ.* Въ такой первобытной чистотѣ формулы и утопій народничества удерживались въ то время, въ первой половинѣ 90-хъ г.г., уже только господами В.В., воплотивъ легальной, а то и вѣрнопопанданической интеллигенціей. Да, широка родня отца русскаго анархизма!

Но Кропоткинъ такъ приспособилъ свою анархистскую теорію, что она спасаетъ вѣру не только во всѣ народническія сказки о коммунистическомъ духѣ русскаго народа, но и вѣру въ революціонныя перспективы русскаго аграрнаго социализма, вѣру въ бунтовской духъ русскаго крестьянства. Самобытной русской сказкѣ объ «общинномъ духѣ» «социалистическаго» «трудоваго крестьянства» онъ рассчитываетъ дать «научное обоснованіе» такимъ образомъ, что, распространивъ эту сказку на всѣ народы, онъ получаетъ «ученіе» о могуществѣ «народнаго творчества», которымъ повсюду «во всѣ времена» создавались всѣ формы общежитія, уродуемая лишь впоследствии «наслѣдствіемъ на

* «Итоги» Куклина, II 4.

общество властью.»*) Изъ дѣйственной мысли народника, «ненскальчен-ной» ни въ малѣйшей даже долѣ «классовой точкой зрѣнія», онъ взялся создать «философію» всемірнаго социалистическаго переворота, который прекратитъ неволю современныхъ рабовъ, устанавливая «справедливый строй» на основаніи забытыхъ нынѣ принциповъ общечеловѣческой «солидарности» и «взаимопомощи.»**)

При помощи такихъ сооруженій «научнаго анархизма», получается — легче, чѣмъ всякимъ другимъ способомъ — тотъ нзлюбленный всеми хранителями, всевозможными с.-р.-ами, туманъ, среди котораго въ низвергнувшей самодержавіе Россіи такъ легко, безъ пролетарской, рабочей революціи, лишь посредствомъ совмѣстныхъ усилій «социалистической интеллигенціи» и «социалистическаго крестьянства», вырастетъ славное мужицкое царство, не классовое, не буржуазное государство, а антикапиталистическое общество.

Такимъ образомъ, Кропоткинъ и его ученики отличаются отъ народоуправцевъ, с.-р.-овъ и т. п. тѣмъ, что еще въ большей степени, чѣмъ эти «хранители наслѣдства», хотая окутать покрываломъ изъ социалистическихъ фижій и анархистскихъ фразъ простой процессъ революціонной европеизаціи Россіи, процессъ совершенія ею, по собственному указанію Кропоткина, той самой революціи, которая совершена Англіею и Франціею прошлыхъ столѣтій. Еще въ большей степени, чѣмъ с.-р.-ы, они стремятся придать лишь социалистическое названіе той буржуазной революціи, къ которой стремился русскій революціонеръ все время, не отдавая себѣ въ этомъ отчетъ и къ которой онъ стремится сознательно со времени народженія русской с.-д.-и.

Поэтому отъ учениковъ Кропоткина надо ожидать въ качествѣ первой ихъ заслуги, исполненія въ болѣе совершенномъ видѣ той функціи, которую играли всѣ «хранители» вообще и с.-р.-ы въ частности, т. е. прежде всего, превращенія предстоящихъ народныхъ возстаній въ «революцію земледѣльческой страны», обуздыванія и приниженія плановъ возникающихъ рабочихъ возстаній, крестьянскимъ изъ—за «землицы» движеніемъ результатомъ котораго можетъ лишь быть превращеніе малоземельнаго крестьянства въ экономически крѣпкое крестьянство, въ «здоровую» сельскую буржуазію.

Дѣйствительно въ такую именно позицію становится «Хлѣбъ и Воля» въ уже указанномъ нами выше мѣстѣ въ № 9. Передовица этого номера рассказываетъ, какъ мы уже говорили, что соц.-р.-ы создали, казалось, свою программу совсѣмъ по формулѣ Кропоткина, но очень скоро вступили на ложный путь. Анархистскій органъ привелъ въ качествѣ безошибочной программы ту же цитату Кропоткина, которая помѣщена выше на стр. 47, доказываетъ, что с.-р.-ы поступили вопреки ей, не исходя отъ экономики къ политикѣ, а наоборотъ. Они начали политикой, и провозглашенному ими земскому собору предназначили дѣло экономическаго земельного преобразованія, превративъ такимъ образомъ крестьянское возстаніе въ крестьянскую реформу. Анархистъ же такой ошибки не допускаетъ. Онъ начнетъ

*) «Современная наука и анархизмъ», стр. 1-6.

**) Анархистская философія ближе будетъ разсмотрѣна во второмъ выпускѣ, наряду съ марксистской.

совершенно чистымъ экономическимъ крестьянскимъ возстаніемъ съ цѣлью захвата земли (Кропоткинъ и его ученики также не прочь пококлетничать съ «чистой экономикой»), Тогда только, посредствомъ такого, достаточно сильнаго средства, онъ можетъ рассчитывать на надлежащій успѣхъ также и въ политикѣ, на солидное «ограниченіе централизованной государственной власти т. е. на настоящее», скорѣйшее низверженіе царизма.» Однимъ словомъ, смыслъ упомянутой передовицы «Хл. и В.» таковъ: ссора между с.-р.-ами и анархистами начинается и можетъ даже обостриться, но лишь потому, что с.-р.-ы измѣняютъ собственному дѣлу, аграрной революціи, лишь потому, что они перестаютъ быть с.-р.-ами и становятся с.-д.-ами, что въ пониманіи анархистовъ значить — «перестаютъ быть настоящими социалистами». Русскій анархизмъ возникаетъ и обособляется въ самостоятельную партію для того, чтобы послѣдовательно провести до конца с.-р.-овское дѣло.

Итакъ, своимъ выступленіемъ, въ видѣ разсмотрѣнной выше статьи, отецъ русскаго анархизма торжественно записался въ одинъ изъ тѣхъ двухъ лагерей, на которые раскалывалась на протяженіи 90-хъ г.г. русская, какъ легальная, такъ и нелегальная интеллигенція, и при этомъ онъ выбралъ безпрекословнѣе, чѣмъ кто либо другой, лагерь «хранителей». Анархистское ученіе, о которомъ и его сторонники и противники воображаютъ, будто оно представляетъ собою наиболѣе смѣлую, дальше всѣхъ идущую идею современности, ученіе, которымъ предполагается вывести всемірную борьбу рабочаго класса изъ того болота, куда привела ее соц.-д.-ая политика, это ученіе не нашло посовѣтовать русскому революціонеру ничего другого, какъ только сохраненіе во всей полнотѣ программы стараго движенія, съ которой онъ только что претерпѣлъ полное вѣско.

Какъ указано уже выше, глава современнаго анархизма, въ то самое время, когда его фантазія столь легко создавала широкія планы повсемѣстныхъ анархистскихъ переворотовъ въ духѣ якобы самаго чистаго, самаго идеальнаго, абсолютнаго коммунизма, въ русскомъ общественномъ движеніи, гдѣ у него не было пока собственныхъ послѣдователей, долженъ былъ дарить свою симпатію всѣмъ по очереди «хранителямъ идей 70-хъ г.г.», какъ бы далеко не заходила ихъ реакціонность. Теоретикъ безгосударственности, поневолѣ, душой своей стоялъ на сторонѣ государственниковъ — народоуправцевъ лавристовъ, на сторонѣ проповѣдниковъ конституціоннаго рая — Степняка и его товарищей изъ лондонской «Вольной прессы» и либераловъ изъ «Наканунъ»; въ самой Россіи — на сторонѣ не только подпольной работы либераловъ-народоуправцевъ и соц.-рев.-овъ, но и на сторонѣ мирныхъ обывателей — Михайловскихъ, Южачковыхъ, Кривенко, Воронцовыхъ, и пр., и пр. Въ моменты благородной борьбы за старые идеалы противъ зловреднаго новаторства марксистовъ всѣ эти элементы, духовно объединяясь, имѣютъ на своей сторонѣ также и полную симпатію анархистскаго мыслителя. Впрочемъ Кропоткинъ довольствовался лишь мимоходомъ бросаемыми стрѣлами въ разрушителей общины, въ экономическую метафизику, въ доктринаризмъ теоріи стоимости и т. п. Но его ближайшій соратникъ, Черкезовъ выступаетъ ужъ прямо на поле брани. Нѣсколько ниже приведенныхъ строкъ это-

го писателя послужать достаточной характеристикой русского анархиста, въ его роли хранителя:

«Тѣ изъ насъ, русскихъ социалистовъ, которые восприняли социал-демократическую доктрину и пользовались симпатіями Энгельса, Либкнехта и К^о, сдѣлались непосредственными противниками революціи и боролись съ революціонерами...»

«Въ то время когда просвѣщенная и мирная буржуазія восторгалась и прославляла мучениковъ русскаго деспотизма..., когда «Подпольная Россія»—эта, вышедшая изъ-подъ пера мужественнаго Степняка, галерея столь живыхъ и привлекательныхъ портретовъ русскихъ революціонеровъ—на всѣхъ языкахъ обошла весь міръ, когда честные люди различныхъ общественныхъ положеній чувствовали симпатію къ нимъ, когда женщины всего міра умилялись передъ этими портретами, Плехановъ боролся съ ними; онъ боролся все время, этотъ храбрый соц.-д.-тъ.» (Pages d'histoire socialiste, I, 1896г., стр. 60—61. Курсивъ нашъ.)

Врядъ ли извѣстный своимъ азартомъ хроникеръ «Русскаго Богатства» Подарскій, или Комовъ это enfant terrible соц.-р.-овъ, котораго они очень любятъ, но къ которому имъ стыдно признаваться, врядъ ли даже эти мужественнѣйшіе изъ «хранителей» способны на болѣе наглый задоръ, чѣмъ вышеприведенная тирада; врядъ ли даже Кривенко и Оболенскіе проявили когда-либо большее невѣжество и большую неспособность понять соц.-дем.-ія стремленія, чѣмъ нашъ анархистскій «мыслитель». Наконецъ призваніе въ свидѣтельство противъ Плеханова всей «мирной и просвѣщенной буржуазіи», «честныхъ людей всѣхъ общественныхъ положеній» и «умиляющихся женщинъ» изблещаютъ въ анархистскомъ учителѣ тошно-саентиментальнаго либерала.

Такимъ образомъ русскій анархистъ оказался вполне приспособленнымъ для формулировки той безконечной обиды, которую нанесло русскимъ «хранителямъ» соц.-дем.-ое теченіе вообще, а въ частности и главнымъ образомъ его основатель, для выраженія того негодованія, которое просыпается въ честной груди всякаго «хранителя» при одномъ воспоминаніи о марксистахъ, и которое всегда ихъ объединяло въ одно цѣлое для борьбы съ «зловреднымъ революціоннымъ новшествомъ.»

Какая же это обида? Откуда она происходитъ? Какова, наконецъ историческая роль негодующихъ «хранителей»?

Отвѣтъ на эти вопросы облегчить намъ еще одна цитата изъ Черкезова, какъ типичнаго хранителя:

«Видѣли мы ихъ (соц.-д.-овъ) и у насъ въ Россіи, призывающими рабочихъ, во имя социализма и классовой борьбы, воздержаться отъ участія въ революціонныхъ манифестаціяхъ по дѣлу замученной въ крѣпости Вѣтровой (1897); а позднѣе мы читаемъ въ ихъ брошюрахъ и листкахъ увѣренія, что «ихъ социализмъ» можетъ ужиться съ безобразнымъ страшилищемъ императорства, все подавляющаго и парализующаго умственное и общественное развитіе ста милліоновъ безправныхъ подданныхъ». (Доклады междунар. рабочему конгрессу 1900 г., стр. 28.)

Оказывается, что у того же Плеханова, котораго Черкезовъ въ предыдущей цитатѣ зачисляетъ чуть ли не въ прямые помощники русскаго правительства въ дѣлѣ подавленія крамолы, у того же Плеханова съ тѣмъ же Черкезовымъ есть общие враги, общая съ ними борьба для одной общей цѣли.

Дѣло не только въ общемъ врагѣ—«императорствѣ». Объ этомъ, конечно, нечего и говорить—тутъ анархистъ лишь непомѣрно громко почему-то кричитъ, какъ всѣ вообще «хранители», разсчитывая этимъ пустымъ своимъ крикомъ чего нибудь добиться. Гораздо интереснѣе другой общій врагъ, свидѣтельствующій о болѣе интимной близости обоихъ поссорившихся радикальныхъ сыновъ отечества. Врагъ этотъ не менѣе общій не менѣе несомнѣнный чѣмъ первый и называется... «рабочемыслительство», «экономизмъ» тожь.

Можно ли сравнивать средства, а главное успѣхи борьбы и «хранителя» и «новатора» противъ этого послѣдняго ихъ врага, противъ смѣющаго спорить съ идеалами свободолюбивой интеллигенціи «рабочемыслительство»?

«Хранитель», неспособный въ этомъ сложномъ дѣлѣ ничего понять, ничего предпринять, смѣшивается безъ толку своего же брата Плеханова съ своимъ же, не успѣвшемъ притомъ вырасти врагомъ—рабочемыслителемъ и лишь истерически выкрикиваетъ, стараясь какъ можно сильнѣе обругать гнусное новаторство, «могущее ужиться съ безобразнымъ страшилищемъ императорства», готовое даже войти въ союзъ съ этимъ страшилищемъ для подавленія прекрасной революціи интеллигента, передъ которой «умиляются женщины всего міра.»

Напротивъ, умный новаторъ—соц. д.-ъ, который не менѣе неподвижнаго «хранителя» слѣдитъ за опасностію народненія рабочемыслительства, открываетъ тайну легализаціи профессиональнаго и политическаго движенія рабочихъ и возможность, согласно съ ходомъ буржуазной жизни, перевоспитанія русскою «дикой черни», способною понять лишь требованіе хлѣба, въ культурный пролетаріатъ, готовый всегда бороться за «социализмъ», прогрессъ и свободу, европеизацію Россіи, однимъ словомъ за полный идеалъ либеральнаго общества (и Черкезова въ томъ числѣ). Не одному поколѣнію радикальной интеллигенціи не желавшей, какъ и Черкезовы, ничего знать, кромѣ безсильныхъ старыхъ идеаловъ, ненавистный соц. дем.-ъ самымъ старательнымъ образомъ разъясняетъ ей собственные интересы, съ мельчайшими деталями излагаетъ и вырабатываетъ планъ обузданія «дикой черни» и извлеченія изъ нея послушныхъ либеральному обществу «рабочихъ баталіоновъ».

По прошествіи полутора десятковъ лѣтъ устанавливается въ Россіи теченіе такого характера, какимъ его предвидѣлъ его основатель—Группа Освобожденія Труда, появляясь партія, принявшая всѣ до послѣдняго пункты его программы.

Правда, около того времени, когда Черкезовъ разсказываетъ анархистскому конгрессу небыллицы про русскихъ единомышленниковъ «Либкнехта и К^о», Группа Осв. Тр. переживаетъ кризисъ: «рабочемыслительство» противъ ея ожиданій широко разливаются по Россіи. Но вѣрная, не менѣе Черкезова, патріотическимъ задачамъ либераль-

наго освобождения «обширной родины», она, въ угоду всѣмъ хранителямъ объявляетъ непримиримую войну «рабочемыслительству», и скоро собираетъ вокругъ себя цѣлый легионъ воспитанныхъ ею Мартовыхъ, Лениныхъ и пр., которые истребляютъ врага революционной интеллигенціи, превосходнымъ, «хранителю» совершенно недоступнымъ оружіемъ: они умѣютъ заставить самихъ «сознательныхъ» рабочихъ «самъ пролетаріатъ» учить «дикую чернь» Черкезовскія идеи, по которымъ исключительно рабочія; исключительно экономическія требованія подобаютъ лишь холопамъ, буржуазнымъ трэджюнионамъ

Но какъ бы ни росли всѣ эти патріотическія заслуги искровцевъ передъ жаждущимъ конституціи обществомъ, русская соц. д-ія оказывается не въ состояніи ни удовлетворить цѣликомъ непримиримыхъ хранителей, ни смыть окончательно свой первородный грѣхъ передъ ними. Хранители въ этомъ отношеніи ненасытны и неумлымы.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя Плехановъ—предъявляетъ Черкезову всю свою полемику съ экономистами, Искру первыхъ лѣтъ и всѣ ея изданія за это время, все содержаніе которыхъ сводится къ борьбѣ съ ненавистнымъ Черкезову «рабочемыслительствомъ» отрицавшимъ участіе рабочихъ въ демократіяхъ интеллигенціи и общенациональную задачу борьбы со «страшилищемъ императорства», хранитель все же не перестаетъ считать самого Плеханова измѣнникомъ этому патріотическому дѣлу до тѣхъ поръ, пока послѣдній не отречется отъ соц. д-изма.

Ибо, по убѣжденію Черкезова, какъ показываетъ послѣдняя цитата, именно соц. д-измъ навликая бѣду: соц. д-ы все время внушали рабочимъ мысль объ особой отъ прочихъ революціонеровъ рабочей партіи, объ особомъ отъ интеллигенціи и общества, рабочихъ стремленіяхъ, сами попусту болтали о самостоятельности пролетарской борьбы за исключительно рабочіе, исключительно пролетарскіе интересы, о классовой борьбѣ со всѣмъ обществомъ.

Въ отвѣтъ на такой упрекъ Плехановъ предъявляетъ не менѣе обильные, чѣмъ раньше, документы, (и старые и новые), свидѣтельствующіе о томъ, что вся «чисто-пролетарская» проповѣдь должна была служить и служила лишь средствомъ «вовлеченія рабочихъ въ политическую борьбу», «обеспеченія обществу поддержки рабочихъ предмѣстій», что экономическая стадія всѣми марксистами вездѣ устанавливалась съ твердымъ намѣреніемъ превратить ее при первой возможности въ «политическую», что къ «экономизму» соц. д-ы прибѣгли лишь тогда, когда они убѣдились, что нѣтъ у русскаго революціонера другого средства пріобрѣтенія довѣрія рабочихъ и вовлеченія массы въ борьбу съ «императорствомъ».

Но всѣ эти разъясненія не только не успокаиваютъ Черкезова, а напротивъ вызываютъ въ немъ тотъ приливъ ярости, который мы наблюдали выше. (стр. 58) Съ невыносимой болью онъ вспоминаетъ только объ одномъ—объ основномъ предательствѣ Плеханова, о разрушеніи имъ старыхъ кумировъ, старыхъ средствъ вовлеченія рабочаго люда въ революцію.

Въ самомъ дѣлѣ—былъ у русскаго революціонера прекрасный самобытный социализмъ; прекрасно вовлекалъ онъ рабочихъ въ поли-

тическую борьбу, какъ показываетъ исторія Народной Воли; прекрасно ихъ воспитывалъ, превращая немедленно въ самоотверженныхъ борцовъ террористовъ за конституцію; не допускалъ къ нимъ никакихъ превратныхъ идей объ особомъ классовыхъ интересахъ пролетаріата, а, напротивъ, внушалъ всегда патріотическое единеніе со всѣмъ народомъ, со всѣмъ обществомъ. И вотъ измѣнникъ Плехановъ осмѣлился святотатственно осмѣять это величіе идей 70-хъ годовъ и, собравъ около себя всѣ элементы оппортунизма и постепеновщины, поставилъ на это мѣсто негодное ученіе нѣмецкихъ государственниковъ съ его метафизической «классовой точкой зрѣнія».

Для настоящаго русскаго революціонера, не поддающагося нѣмцкой интригѣ, не испорченнаго нѣмецкимъ государственнымъ духомъ, для анархиста, идеалы 70-хъ г.г. должны быть какъ видно изъ упомянутой цитаты; неприкосновенной святыней, не подлежащей никакой критикѣ, никакому сомнѣнію. Даже идеи якобинизма, государственности, тѣ самыя, которыя укрѣпляютъ нѣмецкая соц. д-ія, наряду съ Бисмарками, для истребленія революціоннаго «безгосударственнаго коммунизма», даже эти идеи, тамъ, въ храмѣ 70-хъ г.г., хотя и нашли своихъ яркихъ выразителей въ лицѣ Ткачевыхъ, Тихоміровыхъ и всѣхъ другихъ народовольцевъ, общаго величія не нарушаютъ и даже почему то всѣмъ не обращаютъ вниманія нашего столь строго-принципальнаго анархиста.

Съ другой стороны, какъ уже отмѣчено выше (см. стр. 16), критика русскаго самобытнаго социализма, проведенная въ сочиненіяхъ Плеханова, воплію почтительна и очень снисходительна. Она старается показать, что социализмъ семидесятниковъ не былъ даже и зачаткомъ реальной борьбы рабочаго класса въ Россіи, не потому, что онъ не желалъ ея, а потому что по объективнымъ условіямъ историческаго развитія эта борьба не могла быть предпринятою въ тогдашней Россіи. По той же самой причинѣ, а не въ силу какого либо непролетарскаго интереса, первобытный социализмъ вводилъ въ заблужденіе свою утопію рабочія массы. Это неизбежное заблужденіе самого революціонера ничуть не подвергаетъ сомнѣнію чистоты его социалистическихъ стремленій и идеаловъ. Поэтому, какъ основатель соц.-д-ма, такъ и всѣ его ученики считаютъ себя, воплію послѣдовательно, продолжателями прошлаго социалистическаго движенія, реализаторами его идеаловъ.

Но даже такое благочестивое отношеніе соц. дем.-и къ идеаламъ 70-хъ г.г. представляется въ глазахъ всѣхъ неподвижныхъ ихъ хранителей святотатствомъ и измѣною. Святотатствомъ является уже присоединеніе одного слова—«утопическій»—къ названію самобытнаго социализма. Измѣною является одинъ намекъ на то, что успѣхъ семидесятника не принесъ бы еще освобожденія рабочему классу.

Всякій защитникъ идеаловъ 70-хъ г. г., къ какой бы категоріи хранителей онъ ни принадлежалъ, консервативный ли онъ народникъ, или же прогрессивный радикаль, дѣйствуетъ ли онъ въ подпольѣ или на глазахъ царской полиціи,—непоколебимо убѣжденъ, что онъ служитъ дѣлу социализма, дѣлу революціи именно своею вѣрностью старымъ идеаламъ, своею неподвижностью, своей непреклонной рѣшимостью

не допускать «революционного новаторства». Он чувствует, что только передь лицомъ этихъ старыхъ идеаловъ онъ въ состояннн удержатъ вѣру въ себя, какъ въ настоящаго социалиста, непримиримаго революціонера. Еще въ концѣ 70 хъ г. г. Михайловскій (въ статьѣ о марксизмѣ противъ Жуковского) признавалъ, что русскій радикалъ попадаетъ въ трагическое положеніе въ ту минуту, когда отказывается отъ надежды удержатъ движеніе впередь всего окружающаго его міра: ему тогда предстоитъ не только сдѣлаться обыкновеннымъ марксистомъ-постепеновцемъ, но даже собственноручно вываривать мужика въ фабричномъ котлѣ, записываться въ ряды Колупаевыхъ и Разуваевыхъ.

Когда появились первые русскіе соц.-д-ы, превращаясь изъ самыхъ крайнихъ съ виду революціонеровъ, бакунистовъ въ марксистскихъ постепеновцевъ, а еще болѣе, когда появился легальный марксизмъ, струвизмъ, заявившій о своемъ рѣшеннн пойти на выучку къ капитализму, всѣ приверженцы старыхъ идеаловъ увидѣли во всемъ этомъ подтвержденіе вѣрности своего взгляда, по которому лишь неподвижность обеспечиваетъ социалистическую и революціонную непримиримость.

И вдругъ—среди этой растущей увѣренности хранителей въ собственной безпорочности—неожиданная участь выпадаетъ на ихъ долю. Великія идеи 70-хъ г. г., которыя должны были радикальнѣйшимъ образомъ предохранить ихъ отъ марксистской постепеновщины, очутились внезапно въ самомъ фокусѣ наиболѣе оппортунистическаго течения въ оппортунистическомъ марксизмѣ. Голосъ старыхъ русскихъ идеаловъ раздался въ самомъ лагерѣ ненавистныхъ марксистовъ; но голосомъ этимъ заговорилъ мессія того «критическаго» направленія, которое выступило на открытую защиту современнаго строя противъ несправедливыхъ якобы на него нападокъ со стороны ортодоксальныхъ марксистовъ. Громко возликовали хранители по поводу своей победы; но, увы!—это была победа бернштейнства,—пречистыя идеи 70-хъ г. г. праздновали свое торжество, какъ «ревизионизмъ» марксизма, какъ открытая защита буржуазнаго общества.

«Критическій» ученикъ Маркса пропѣлъ съ соответственными вариациями всю пѣсню самобытнаго русскаго социализма, съ начала до конца.

Пѣсня эта въ Россіи распѣвалась все время на одну и ту же мелодію:

— Историческое развитіе направляется не только сообразно объективно существующему, но и сообразно субъективно желательному. Русское общество не дошло еще до тѣхъ уродливыхъ формъ развитаго капитализма, которыя сосредоточиваютъ всѣ богатства въ рукахъ горсти плутократовъ. Въ Россіи главное орудіе труда—земля находится пока въ рукахъ большинства населения, среди котораго уцѣлѣли еще при томъ, правда въ слабой степени, остатки первобытнаго коммунизма. Такое общество, если только развязать ему руки, прекратитъ дальнѣйшее нежелательное усиленіе капитализма и направитъ свое развитіе къ свободѣ, равенству и братству, къ социализму.

Въ передачѣ Бернштейна, для всего цивилизованнаго міра, та же пѣсня звучитъ слѣдующимъ образомъ:

— Вся исторія и все будущее современнаго общества опредѣляется не только матеріальными, но и идеальными моментами — сознаніемъ права, идейными соображеніями цѣлесообразности и проч. Современное цивилизованное общество вовсе не такъ уродливо, какъ представлялось Марксу. Оно оказалось въ состояннн радикальнымъ образомъ улучшить положеніе громадныхъ слоевъ пролетаріата. Не всѣ свои богатства оно передаетъ горсти магнатовъ капитала, а раздѣляетъ ихъ и среди многочисленныхъ среднихъ классовъ, которыя оно вовсе не желаетъ экспроприровать. Такое общество безъ всякой насильственной революціи превратится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи въ социалистическое.

Итакъ «Бернштейниада» вполне выяснила роль великихъ идеаловъ 70-хъ годовъ. Эти идеалы боролись все время съ марксизмомъ не прогавъ его оппортунизма, какъ они старались всѣхъ убѣдить, а раду того, что поставилъ себя цѣлью ревизионизмъ, ради окончательнаго истребленія тѣхъ пролетарскихъ нотокъ въ марксизмъ, которыя оставались въ немъ со времени его молодости.

Обогащеніе марксизма идеями 70-хъ г. г. давало и даетъ въ результатъ лишь теченія, наиболѣе враждебныя пролетарскому революціонизму. Для соглашенія съ марксизмомъ идеи 70-хъ г. г. выбираютъ для себя наиболѣе буржуазныя формы послѣдняго. Специальная защитница этихъ идей въ русскомъ подпольномъ движеннн, партія с. р.-овъ, проявляется, какъ реформистское крыло русскаго социалистическаго движенія, не смотря на всѣ ея усилія скрыть эту свою позицію, производимыми ею въ времени до времени нападками на западноевропейскихъ бернштейнцевъ. Такія нападки въ состояннн дѣлать, конечно, лишь болѣе знающіе представители с. р.-овъ, тѣ именно, которые въ свое время, хотъ короткій моментъ были марксистами. Заучивъ ортодоксальныя фразы у вожаковъ соц. д.-и, с. р.-іе дѣятели пускаютъ ихъ въ ходъ смотря по нуждѣ для того чтобы, закрываясь ими какъ щитомъ, неусыпно вести свое дѣло, дѣло бернштейнцевъ, дѣло вытравленія всѣхъ революціонныхъ пролетарскихъ нотокъ въ марксизмъ, или вѣрнѣе даже воспоминанія о нихъ.

Старые идеалы 70-хъ годовъ въ новомъ революціонномъ движеннн 90-хъ г. г. создали свое обширное теченіе, чтобы отстоять дѣло интеллигента — политическую свободу передь рабочимъ дѣломъ, передь рабочей революціей, которая могла возникнуть при опасныхъ опытахъ социалдемократіи съ рабочимъ движеніемъ, могла возникнуть вопреки всей ея осторожности, вопреки всѣмъ ея желаніямъ и планамъ. И дѣйствительно, въ движеннн послѣднихъ лѣтъ были моменты, которые сочили опасными для цѣлей интеллигента даже люди, не столь сильно пугающіеся рабочаго движенія, какъ с. р.-ы. Такъ въ концѣ 90-хъ годовъ «Группа Освоб. Труда» постоянно предостерегала молодыхъ соц.-д-овъ отъ опаснаго «стачкизма» и наконецъ объявила упорную борьбу своей собственной заблудившейся партіи.

Русской интеллигенціи понадобилась партія, которая, не занимаясь вовсе никакими новшествами, защищала бы старую испытанную программу интеллигента и не дѣлала бы ни малѣйшихъ попустительствъ по отношенію къ самостоятельному рабочему движенію.

«Измѣна свободѣ и социализму — всякій тайный кружокъ съ политическими задачами... Рабочимъ разрѣшаются лишь кружки рекрутскихъ политическаго террора». Вотъ что говорили все время идеалы 70-хъ годовъ. Наконецъ, чтобъ основательно предохранить могущую возникнуть борьбу рабочихъ противъ всѣхъ хозяевъ, идеалы 70-хъ г. г. посоветовали ввести въ революцію самихъ россійскихъ хозяевъ, конечно, «трудовыхъ», коммунистически-крестьянскихъ.

Вотъ почему наиболее «революционная» россійская партія оказалась наиболее бернштейнианской. Желая сильнѣе другихъ борьбы исключительно за политическую свободу россійскаго буржуазнаго общества, она должна была для этой цѣли сильнѣе всѣхъ прочихъ требовать обузданія чисто-рабочей борьбы. Высшая степень интеллигентскаго революціонизма требуетъ высшей степени оппортунизма на почвѣ рабочаго движенія. Въ силу этого же закона отецъ нѣмецкаго оппортунизма является наиболее горячимъ въ своей партіи защитникомъ политической всеобщей стачки, а Жорестъ, защитникъ мирнаго развитія социалистической Франціи, упрекаетъ въ антиреволюціонности ортодоксальную социалдемократію императорской Германіи. Въ силу такихъ же самыхъ стремленій русская соц. д-ія проповѣдуетъ «сидѣніе по домамъ» въ моментъ экономической всеобщей стачки, чтобы подготовить возможность объявить вооруженное возстаніе за конституцію.

Всѣ подобныя явленія проистекаютъ изъ одной общей задачи всѣхъ современныхъ революціонныхъ и социалистическихъ партій образованнаго общества: предохранить миръ отъ рабочей революціи и продолжать дѣло завоеванія демократической свободы, дѣло незавершившихся буржуазныхъ революцій. Всѣ эти явленія освѣщаются лучше всего россійскими социалистическими партіями. «Пролетарская» партія соц.-д-овъ беретъ на себя работу передѣлыванія пролетарскихъ бунтовъ въ революціонное движеніе россійскаго либерализма. «Наиболѣе революціонная» партія с. р-овъ и анархистовъ, добившись отъ соц. д-и наибольшей степени обузданія экономическаго стачничества, чисто рабочихъ бунтовъ, надѣются съ помощью старой революціонной традиціи вызвать у превращеннаго въ слугу либераловъ пролетариата наивысшую степень интеллигентскаго революціонизма.

Всѣ россійскія социалистическія партіи готовятъ одну и ту же буржуазную революцію, удовлетворяя своими специфическими программами различныя ея моменты, различныя ея потребности. «Пролетарская» партія, которая несетъ самую трудную задачу превращенія стихійныхъ рабочихъ бунтовъ въ либеральную революцію, стоитъ среди элементовъ, которые въ случаѣ недосмотра, могли бы преподнести интеллигенту нѣчто прямо противоположное и причинить громадныя непріятности въ родѣ июнскаго бунта парижскихъ рабочихъ 48 г. Такая партія обязана для предотвращения опасности избѣгать всякаго авантюризма и нести ясное сознаніе, что стремится къ буржуазной революціи. Напротивъ, партія «революціоннаго социализма» (с. р-ы, анархисты) безопасно проповѣдуютъ «антибуржуазную», «соціальную» революцію, ибо стоятъ на почвѣ такихъ элементовъ,

которые могутъ совершить именно только буржуазную революцію. Ихъ область воздѣйствія — это интеллигентство, крестьянство, горсти тредъюнионистскихъ рабочихъ, обузданныхъ избранныхъ и вышколенныхъ предварительно соц.-д-ией и всей буржуазной жизнью.

Всѣ россійскія партіи пользуются социализмомъ, какъ единственнымъ въ своемъ родѣ средствомъ воодушевить массы на буржуазную революцію. Дѣятельностью россійскихъ партій современный социализмъ болѣе всего демаскируется, какъ религія для рабовъ буржуазнаго строя, какъ такая проповѣдь о будущемъ раѣ, которая заставляетъ развивать, укрѣплять, украшать «свободами» существующій строй грабежа.

своо

и за.

иче

66

66 a

Соціалістическая наука
какъ
новая религія

Печатаніе настоящаго сочиненія, II выпускъ котораго предлагается теперь читателю подъ заглавіемъ «Соціалистическая наука, какъ новая религія», растянулось на очень продолжительное время, не говоря о прочихъ задержкахъ еще и потому, что авторъ рѣшилъ дополнить и заново переработать два свои реферата, служащіе основой книги.

II выпускъ переработанъ не менѣе перваго. Къ первоначальному содержанию втораго реферата «Историко-философскія основы марксизма» прибавлена вновь написанная критика «научнаго анархизма», а объединеніе этихъ работъ дало въ результатъ ту тему, которая выражена въ заглавіи настоящаго выпуска. Тема эта требуетъ обширной разработки. Но такъ какъ авторъ не надѣется на близкую возможность заняться на болѣе продолжительное время такой работой, онъ выпускаетъ подготовленные уже матеріалы и намѣченные имъ до сихъ поръ выводы. «Соціалистическая наука, какъ религія», подобно I-му выпуску, издается, какъ

Умственный рабочий

Часть III

Выпускъ II

Это дѣлается потому, что все сочиненіе, какъ въ первоначальномъ, такъ и окончательно переработанномъ видѣ, составляетъ, какъ сказано въ предисловіи къ I выпуску, «прямое продолженіе и развитіе положеній, установленныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ «Умственнаго рабочаго»».

Женева, май 1905 г.

Соціалистическая наука какъ новая религія

I

Соціализмъ XIX ст., вопреки убѣжденію всѣхъ вѣрующихъ въ него, не есть нападеніе на основу строя неволи, существующаго на протяженіи вѣковъ въ видѣ всякаго цивилизованнаго общества — государства. Онъ нападаетъ лишь на одну изъ формъ этой неволи, на господство класса капиталистовъ. Даже въ случаѣ его побѣды онъ не упраздняетъ вѣкового грабежа: онъ уничтожаетъ лишь частное владѣніе матеріальными средствами производства — землей и фабриками, онъ уничтожаетъ лишь капиталистическую эксплуатацію.

Упраздненіе капиталистической собственности, т. е. частнаго владѣнія средствами производства, совсѣмъ не является еще упраздненіемъ семейной собственности вообще. Между тѣмъ, этотъ-то именно институтъ обезпечиваетъ вѣковой грабежъ, обезпечиваетъ только имущему меньшинству и только его потомству владѣніе всѣми богатствами и трудомъ вѣковъ, всѣмъ наслѣдіемъ человѣчества, всю культуру и цивилизацію. Этотъ именно институтъ осуждаетъ большинство человѣчества рождаться немущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной трудъ. Экспроприація класса капиталистовъ все еще не означаетъ экспроприаціи всего буржуазнаго общества. Однимъ упраздненіемъ частныхъ предпринимателей, современный рабочий классъ, современные рабы не перестаютъ быть рабами, осужденными на пожизненный ручной трудъ; стало быть, не исчезаетъ, а переходитъ въ руки демократическаго государства — общества создаваемая ими національная прибыль, какъ фондъ для паразитнаго существованія всѣхъ грабителей, всего буржуазнаго общества. Последнее, послѣ упраздненія капиталистовъ, остается такимъ же, какъ и раньше господствующимъ обществомъ, образованнымъ правителемъ, міромъ бѣлоручекъ, остается владѣльцемъ національной прибыли, которая распределяется въ видѣ столь же приличныхъ, какъ и нынѣ, «гонораровъ» «умственныхъ рабочихъ» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится въ ихъ потомствѣ.

Обобществленіе средствъ производства обозначаетъ лишь упраздненіе права частнаго владѣнія и распоряженія фабриками и землей. Своимъ нападеніемъ на фабриканта социалистъ ни въ малѣйшей мѣрѣ

не затрагивает «гонорара» его директора и инженера. Социализм истекшего столетия оставляет неприкосновенными все доходы бюрократов, как «заработную плату умственного рабочего», объявляет интеллигенцию «незаинтересованной, неучаствующей в капиталистической эксплуатации». (Каутский).

Современный социализм не может и не хочет упразднить воровского грабежа и неволи.»

Во второй половине XIX ст. социализм громко и смело объявляет себя общественной наукой. Вслед за пролетарской политической экономией создается пролетарская социология и социалистическая историософия.

Но общественная наука не может быть врагом того строя неволи, который существует на протяжении всего исторического развития цивилизации. Общественная наука желает быть безпристрастным истолкователем этого исторического развития, стало быть она не враг его, а опекунь.

Между тем социализм почувствовал непреодолимое влечение стать настоящей общественной наукой. Социалистические ученые удаляясь все больше и больше от мысли о том, что вся истекшая история цивилизованных обществ есть история неволи большинства человечества, что исторические законы истекших веков вплоть до нашего времени суть законы грабежа, выражение воли господствующего меньшинства, берутся истолковать эти законы как объективные законы развития человеческого общежития, берутся «открыть их и предугадать для того, чтобы подчиниться им.»

Благодаря распространению социалистической веры социалистическим ученым удается убедить рабочую массу, что подчиняясь объективно — историческому ходу, они подчиняются, несомненно милостивым к поколению XIX ст., законам природы, приготовившим для нас социалистический рай.

На этом пути социалистическая наука оказывается немедленно простым средством усыпления бунтующихся рабочих масс, является, не смотря на ее атеизм, простым религиозным мечтанием и молитвою о социалистическом рае, является религией обуздывающей ум и волю рабов буржуазного строя.

Марксистская социалистическая наука создала настоящее социалистическое провидение, действием которого «капиталистическое производство само роет себе могилу», само уничтожает себя собственным развитием, а неотвратимые экономические законы, независимо даже от воли людей, ведут их прямо в «царство равенства и свободы.»

Проходять годы, и марксистское провидение научных социалстов обнаруживает полное тождество с провидением всяких других жрецов и попов. Рабам буржуазного общества оно сулит счастье послѣ их смерти, оно гарантирует марксистский рай их потомкам. Непокоримая уверенность марксистской научной религии в неизбежном наступлении социалистического царства свободы благословляет вместе с тем буржуазный прогресс благословляет «прогрессивность», «цѣлесообразность», «законность» современного строя грабежа. Марксистская вера в неизбежное движение

капитализма к социализму, вера в капитализм, как необходимую социалистическую предпосылку становится наконец равнозначной с ... высшей степенью любви к буржуазному прогрессу, к разрыву полного господства буржуазии, полного буржуазного грабежа. Верующие, настоящие пролетарские социалисты, проникшись марксистской религией являются лучшими борцами за буржуазный прогресс, самыми горячими апостолами и воинами буржуазной революции.

Но первоначальная «чистота» социалистического евангелия, не смотря на все извращения его соц.-д.-ими лжеучителями, затеряна и забыта быть не может. Непокоримые принципы социализма прошлого века во всей их чистоте беретя воспроизвести современное учение анархизма. В противовес соц.-д.-ому оппортунизму, который оскандалился и развратил массы стремлением к реформированию и развитию современного строя, анархистское учение вызовет в массах чистое стремление к идеалу, прямое, непосредственное движение к «конечной цели».

Анархисты должны во первых помнить, что в этом отношении они не изобретают ничего нового и не выходят из круга идей правдивых марксистов, которые во всех видах ортодоксии, никогда не забывали «конечной цели» и безпрестанно с этим добром принуждены были сдаться перед практиками ревизионистами, пока не доказали, наконец, при ршенении бернштейниады, что их стремление к «конечной цели» должно составлять единое целое с бернштейнианским реформизмом, для которого «конечная цель — ничто».

Сами анархисты, поскольку у них появились в последнее время свои «практики» (французский анархистский синдикализм) не могут уже отвергать той сентенции Бернштейна, согласно которой в «жизни», в «реальной» практической борьбе каждый шаг социалиста не может не быть грехопадением и компромиссом. Анархист — синдикалист уже на одно участие свое в любой стачке не может не смотреть как на измѣну принципам, как на грехопадение — ибо он борется «не за конечную цель» а «за уступку», «за реформы».

Повидимому, в области социализма прошлого века так — таки и не найдешь той дороги, на которой не приходится вступать в сделки с существующим буржуазным строем.

Такая дорога лежит цельюком и исключительно в подполье современного буржуазного строя. Но социализм XIX ст., даже в самом страшном его виде, в виде анархизма, становится в демократической республике делом совершенно легальным, в виде синдикализма и проповеди «анархистского идеала» и непримиримые анархисты, становятся благонамѣренными — наравне с соц.-д.-ами — гражданами современного общества, и не могут уже конспирировать против демократической «свободы слова», «свободы печати», «свободы союзов», которые по их убеждению, также как и по убеждению соц.-д.-ин, дают полную возможность легального приготовления социального переворота.

Подпольная заговорщическая деятельность в демократическом государстве является для анархистов столь же утопической, столь же преступной, бланкистской практикой, как и для любого соц.-д.-та.

Таким образом единственный прямой путь к низвержению су-

ществующаго строя неволи, единственный путь свободный отъ ком-промиссовъ съ буржуазнымъ закономъ — *подпольный заговоръ для превращенія вспыхивающихъ столь часто и столь дурно рабочихъ стачекъ въ возстаніе, въ всемірную рабочую революцію* — лежитъ цѣ-ликомъ за предѣлами ученія современнаго социализма.

II

Социалисты XIX стол. объявляютъ войну, они непримиримые ре-волюціонные противники *не по отношенію къ современному классовому строю неволи, не по отношенію къ буржуазному строю во-обще, а лишь къ вырождающейся формѣ цивилизованнаго общества, вырождающейся съ перваго момента развитія капиталистическаго производства, когда послѣднее еще не успѣло, по объясненію марксистовъ, обнаружить во всей силѣ своей прогрессивной роли и прояв-ляетъ лишь свои темныя стороны.* Именно по мѣрѣ развитія соци-ализма въ науку укрѣпляется и вырабатывается сознаніе социали-стовъ своей непримиримой враждебности только по отношенію къ уродливой формѣ современнаго общества, которую придала ему капи-талистическая эксплуатація.

Какъ будетъ показано ниже, социализмъ *какъ наука*, не можетъ выражать чего либо другаго, кромѣ возстанія противъ «болѣзненныхъ ненормальностей» современнаго общества, а не противъ цивилизованнаго общества вообще.

Въ самомъ дѣлѣ — каковы по ученію социализма причины, по-воды социалистическаго нападенія на современный строй?

Ухудшеніе положенія населенія съ наступленіемъ капиталистическаго производства, ухудшеніе въ сравненіи съ предыдущими фор-мами общественнаго строя. *Безпорядочное веденіе хозяйства, «анархія» въ производствѣ — неспособность современнаго общества обезпе-чить правильный и постоянный ходъ хозяйственной жизни страны.*

Марксистское ученіе, предвѣщающее независимое отъ воли людей крушеніе капитализма, объективную для самого существованія обще-ства необходимость социализма, — марксистскій объективизмъ, есть цѣлая система исключительнo подобнаго рода доводовъ.

Социалистическій строй становится необходимостью для всѣхъ и-бо кризисы не даютъ возможности существовать обществу въ его прежнемъ видѣ. Не для низверженія современнаго общества, а для псѣвленія его отъ кризисовъ социалисты встаютъ противъ капи-талистическаго строя, что совсѣмъ не означаетъ низверженія вѣково-го строя неволи, а напротивъ укрѣпленіе его.

Дальше капиталистическій строй объявляется научными социали-стами негоднымъ еще и потому, что онъ не въ состояннн выполнить даже того, что въ сплахъ были выполнить прежнія эпохи — рабочую силу онъ не умѣетъ занять, а растрчиваетъ ее въ *безработицахъ.*

Въ противоположность прошлому, капитализмъ, какъ худшая фор-ма цивилизованнаго общества всѣ богатства сосредотачиваетъ въ ру-кахъ *горсти магнатовъ.* Онъ не только не даетъ возможности наи-

болѣе сильнымъ элементамъ изъ низшихъ классовъ надѣяться на улучшение своего положенія, онъ угрожаетъ самому ихъ существованію. Онъ экспроприруетъ самихъ капиталистовъ. Онъ *уменьшаетъ число имущихъ.* Это общезвѣстное разсужденіе научнаго социали-ста: въ средніе вѣка было цвѣтущее крестьянство и ремесло; наи-болѣе трудолюбивые подмастерья имѣли полную возможность расчи-тывать на достиженіе положенія мастеровъ, наиболѣе способныя лич-ности добиться привилегированнаго положенія. Прежнія формы об-щества питали у поработенныхъ надежду, что наиболѣе ловкіе, одинъ на сто, одинъ на тысячу выльзутъ въ господь. Капитализмъ уничтожилъ эту надежду и этимъ обрекъ себя на гибель. Онъ неспо-собенъ умножать количество господь.

Социалисты противники существующаго строя, потому что онъ не умѣетъ вести рациональнаго хозяйства, потому что онъ не спосо-бенъ прогрессировать, потому что правители невѣжественны и неспо-собны идти въ ногу съ нарастающими и развивающимися запросами жизни.

Все это «Коммунистическій Маниф.» старается представить какъ можно ярче.

«Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна оставаться господствующимъ классомъ... Она неспособна къ *господ-ству*, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабскаго существованія, потому, что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью.»

Довольно вспомнить сущность спора ортодоксовъ съ Бернштей-номъ для подтвержденія всего вышесказаннаго нами.

Въ доказательство того, что нѣтъ смысла быть революціонеромъ въ Западной Европѣ, что соц.-дем.-ія, какъ защитница рабочаго клас-са, должна стать реформаторской, Бернштейну нужно было доказать, что современный капитализмъ не представляетъ собою ухудшенія общественнаго строя по сравненію съ предыдущимъ. И всѣ орто-доксы сознавали, что существованіе научнаго социализма тѣснѣйшимъ образомъ связано съ разрѣшеніемъ этого вопроса въ ту, или другую сторону. Низверженіе современнаго строя ревно и возможно лишь тогда, когда ему предстоитъ вырожденіе и безсиліе.

И Кауцкій признаетъ это въ очень наивной формѣ. Если бы было правдой, разсуждаетъ онъ, все, что говоритъ Бернштейнъ если бы грозящій промышленному міру кризисъ навсегда исчезъ, если бы капитализмъ не убивалъ среднихъ классовъ, если бы число имущихъ не уменьшалось, то не было бы смысла низвергать су-ществующій строй и вообще быть социалистами. (Статьи противъ Бернштейна въ Vorwärts).

Вырожденіе господствующихъ классовъ для марксиста, да и для всякаго современнаго социалиста является необходимой предпосылкой уничтоженія рабства. Разъ буржуазное общество способно къ раз-витію, его ниспроверженіе немислимо. Нельзя стремиться къ на-силственному перевороту, если не вѣрить самому и не убѣдить дру-гихъ, что буржуазія слаба, что буржуазный строй неминуемо завтра же «самъ разложится».

Ортодоксы, которые чувствуют потребность удержать непримиримое отношение своей армии лишь к мѣшающимъ буржуазному прогрессу законамъ и властямъ (въ такое положеніе поставлена русская соц.-дем.-ія существованіемъ царизма) принуждены создавать вѣру въ неизбежное, немедленное «банкротство буржуазии». И они это дѣлать, какія бы акробатскія штуки ни приходилось при этомъ выкидывать. Такъ Парвусъ, тотъ самый для котораго, какъ и для всякаго бернштейнианца, социалистическій переворотъ такъ безконечно далекъ, что въ Россіи возможна пока лишь буржуазная революція, тотъ же самый Парвусъ моментально, на цифрахъ докажетъ вамъ, что «катастрофа промышленности» и окончательное банкротство буржуазии завтра же случится обязательно.

Свою революціонность, свою непримиримость марксизмъ надѣялся обезпечить за собой не своей дѣйствительно непримиримой борьбой со строемъ грабежа. Онъ доказывалъ лишь, что самъ историческій моментъ, сами законы человѣческаго общества, отъ людей независимые и выше людей стоящіе, — это воистину социалистическое провидѣніе, — присуждая буржуазное общество къ слабости и гибели, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему возможность освободить весь міръ отъ неволи.

Но социалистическаго провидѣнія нѣтъ, никакихъ независящихъ отъ воли людей законовъ развитія общества нѣтъ. Нѣтъ силъ природы, которая вознаграждала бы добрыхъ — угнетенныхъ за ихъ испытанія и наказывала бы неправедныхъ угнетателей за ихъ злыя дѣянія. Социалисты возмущаются и борются противъ ухудшенія классового строя и ихъ борьба можетъ уничтожить только это ухудшеніе, но не самый классовый строй.

И потому вопреки всѣмъ ожиданіямъ наивныхъ вѣрующихъ научный социализмъ содѣйствовалъ развитію буржуазнаго прогресса. И это все болѣе становится его собственнымъ глубокимъ сонаніемъ. Соц.-дем.-ія, по ея собственному убѣжденію, привлекаетъ къ себѣ всѣ жизнеспособные элементы современнаго буржуазнаго общества. Въ «Классов. интересахъ» Каутскій говоритъ:

... «Если соц.-дем.-ія сдѣлалась единственной партией, еще борющейся за общественный прогрессъ, то она должна вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться партией всѣхъ тѣхъ, которые стремятся къ дальнѣйшему развитію общества». (стр. 30, изд. Кулина).

... «Въ настоящее время только пролетаріатъ и его партія представляютъ интересы общественнаго прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненные интересы всего общества». (стр. 31)

«Пролетарскіе интересы совпадаютъ въ настоящее время съ интересами націи». (стр. 11).

Точно также, какъ христіанская религія осудившая міръ зла, явилась освященіемъ его, социалистическія партіи, присудившія къ гибели существующій строй, явились, какъ ни хотять затушевать это ортодоксы, партіями буржуазнаго прогресса.

Социалистическая вѣра вдохновила своихъ приверженцевъ на борьбу за буржуазный прогрессъ, за развитіе и укрѣпленіе конституціонныхъ буржуазныхъ государствъ. Промышленная и политическая демократія, культурная работа въ муниципалитетахъ, кооперація и синдикаты готовятъ рабочихъ къ социалистической жизни.

Непримиримые анархисты станутъ, конечно, утверждать, что буржуазный міръ зла развратилъ только соц.-д.-овъ, что ихъ паденіе, ихъ оппортунизмъ является слѣдствіемъ ихъ участія въ современныхъ законодательныхъ органахъ. Они же, отрицающіе участіе въ политикѣ, предохранены отъ такого вырожденія.

Сказанное нами вначалѣ о сущности всего социалистическаго ученія XIX стол. доказываетъ всю тщетность надеждъ и увѣреній анархистовъ. Основа социалистическаго ученія, — формула обобществленія какъ панацея, — въ какой бы чистой формулѣ ее ни взять, сама по себѣ есть нападеніе лишь на одну изъ формъ грабежа, а не на самъ вѣковой грабежъ. Отъ анархистской доктрины, такъ какъ она точно также старается лишь сохранить давно открытое социалистическое евангеліе, ничего другого ожидать нельзя. И дѣйствительно, глава современнаго анархизма зоветъ всѣхъ въ революцію по тѣмъ же мотивамъ, что и научные социалисты. Въ «Распаденіи современнаго строя» читаемъ:

«Безсиліе правящихъ классовъ становится все поразительнѣе и очевиднѣе... Они давно забыли всѣ руководяща начала...» (стр. 4)

«Вѣчно боясь, вѣчно дрожа за свое богатство, вѣчно оглядываясь назадъ и не смѣя взглянуть впередъ, они оказываются рѣшительно неспособными внести въ народную жизнь что бы то ни было прочное и полезное». (стр. 5).

«Всѣхъ ихъ гложетъ одна болѣзнь: болѣзнь старчества». (стр. 9)

«Если бы правящіе классы могли понять это положеніе дѣлъ, они конечно пошли бы на встрѣчу новымъ стремленіямъ. Но, составившись въ преданіяхъ прошлаго, не уважая ничего, кромѣ туго набитаго кошель и не понимая ничего, кромѣ власти, держащей народъ въ полномъ повиновеніи, — они всѣми силами мѣшаютъ новому теченію мысли пробиться наружу». (стр. 10)

«И вотъ рабочіе западной Европы начинаютъ понимать полнѣйшую неспособность — не только государства, не только королей и парламентовъ, но всѣхъ правящихъ, богатыхъ и образованныхъ сословій вообще. Они видятъ ихъ неспособность понять народныхъ нужды, ихъ неспособность обезпечить рабочему благосостояніе въ уплату за его тяжелый трудъ.» (Стр 8. Курсивъ нашъ.)

Какъ подъ знаменемъ научнаго социализма, такъ и подъ знаменемъ анархизма «рабочіе Западной Европы» дѣлаютъ нападеніе на «правлящіе классы» потому, что послѣдніе болѣе «неспособны» «управлять промышленностью», потому что они состарѣлись безповоротно. Позиція анархизма по отношенію къ вѣковому строю грабежа, какъ видитъ читатель, ничуть невраждебнѣе позиціи столь многогрѣбныхъ «парламентскихъ социалистовъ».* Напротивъ, глава современнаго анархизма, хоть онъ и противникъ всякаго правительства, обнаруживаетъ по отношенію къ «правлящимъ классамъ» такую дѣтскую наивность,

*) Единомысленникъ Кропоткина говоритъ:... «Даже еслибы нашему идеалу не было бы и вовсе суждено осуществиться, онъ тѣмъ не менѣе полезенъ для развитія общества. Онъ — путеводная звѣзда прогресса, онъ показываетъ ему и цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться, и препятствія, которыя могутъ отклонить его отъ долгаго пути; личности-же онъ показываетъ что должна она дѣлать,

какой не найдешь уже у «падших» соц.-дем.-овъ. Онъ думаетъ, что «если бы правящие классы, не «состарѣлись, не «смогли понять положеніе дѣлъ», «они, конечно, пошли бы навстрѣчу новымъ стремленіямъ»; «внесли бы въ народную жизнь» много «прочнаго и полезнаго», «обезпечили бы рабочему благосостояніе, въ уплату за его тяжелый трудъ», «поняли бы народныя нужды». Приходится прямо недоумѣвать, — на какомъ основаніи Кропоткинъ объявляетъ себя и свое ученіе враждебнымъ всякому правительству въ то время, какъ обосновано въ его ученіи возмущеніе *лишь противъ состарившихся* правящихъ классовъ. Всѣ прогрессивныя правительства, выступавшіе на разъ въ историческомъ развитіи, правительства, «понимавшія» новыя стремленія, понимали, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ народныя нужды и обеспечивали народнымъ массамъ благосостояніе.

если она настолько энергична, что желаетъ стать свободной и счастливой. («Будущее общество» неоконч. русскій переводъ стр. 84)

Если на основаніи этой цитаты читатель захочетъ сравнивать степень «соціалистичности» и «революціонности» анархизма съ буржуазными, антиреволюціонными социалдемократами, то не окажется возможности поставить анархистскаго учителя рядомъ даже съ Бердяевымъ, который въ своей книгѣ «Субъективизмъ и индивидуализмъ» считаетъ нужнымъ упрекать бернштейнцевъ въ филистерствѣ за допущеніе мысли о «неосуществимости социалистическаго идеала». Въ дѣйствительности, взгляды на роль «конечной социалистической цѣли», подобныя выше приведенному взгляду извѣстнаго теоретика анархизма, можно найти только у самыхъ благонадежныхъ буржуазныхъ философовъ. Если взять книгу Штаммера «Хозяйство и право», то вышеприведенную цитату анархиста окажется вполне возможнымъ вставить въ любое мѣсто проповѣди нѣмецкаго профессора о «соціальномъ идеализмѣ».

Сходство взглядовъ доходитъ даже до полной тождественности въ выраженіяхъ объ «идеалѣ — путеводной звѣздѣ» въ «развитіи общества», въ преслѣдованіи «личностью» «свободы и счастья».

Въ Штаммерѣ указанные взгляды никого, конечно, не удивляютъ; но какимъ образомъ ученіе Жана Грера не удивляетъ тѣхъ его учениковъ, которые усвоили себѣ привычку нападать на соц.-дем.-ий оппортунизмъ, является вопросомъ очень интереснымъ.

Соціалисты и анархисты обѣщали рабочимъ въ социалистическомъ идеалѣ освобожденіе отъ рабства. И вдругъ учитель анархизма совѣтуетъ тѣмъ же рабочимъ не настаивать черезъ-чуръ на осуществленіи «идеала» и цѣль свою — освобожденіе отъ рабства — превратить какъ бы въ «путеводную звѣзду», которой моряки руководятся въ своихъ путешествіяхъ, но достигнуть которой могутъ захотѣть лишь въ своихъ безумныхъ мечтаніяхъ. (Штаммеръ)

Когда вышеприведенный взглядъ Жана Грера въ лагерѣ антиреволюціонеровъ — соц.-дем.-овъ высказалъ Бернштейнъ, то «государственники», по крайней мѣрѣ, хоть шумъ подняли и рѣшили хоть обуздать Бернштейна. Въ лагерѣ непримиримыхъ анархистовъ происходитъ та же, что и въ соц.-дем.-ий эволюціо-легализація, примиреніе съ существующимъ строемъ, планы развитія этого строя, — но она происходитъ безъ всякаго шума, безъ всякаго скандала и бернштейнцевъ, Жанъ Гравъ все еще считается проповѣдникомъ самой крайней анархистской непримиримости.

А что если современныя «состарѣвшіеся» правящіе классы будутъ замѣнены новыми, молодыми, не безспильными и не невѣжественными? Въдѣ тогда исчезаетъ и резонъ и возможность дѣлать революцію, свергать правительства, быть анархистомъ. Этотъ роковой исходъ стоитъ передъ анархизмомъ въ той же силѣ, какъ передъ научнымъ социализмомъ, какъ передъ всѣмъ социализмомъ истекающаго столѣтія вообще. Не разъ въ исторіи низвергались революціями «состарѣшіеся» правящіе классы, для того чтобы дать мѣсто новымъ. Гдѣ же гарантія, что правящіе классы перестанутъ существовать вообще?

Гарантіей могло бы служить лишь *сознательное стремленіе поработенныхъ массъ къ низверженію всякихъ правящихъ классовъ, ретроградны ли они, или прогрессивны?*

Но въдѣ возстаніе современныхъ рабовъ возникло, по толкованію соціалистовъ, не по поводу существованія правящихъ классовъ вообще, а ихъ вырожденія, значить пока имѣется лишь реальная сила возмущенія и борьбы противъ застоя и вырожденія господствующаго общества. Гдѣ же сила низвергающая вообще господствующее общество? уничтожающая само существованіе правящихъ классовъ? — Это сила нечеловѣческая, это историческое предопредѣленіе, которое протестъ противъ вырожденія и слабости современнаго строя, въ нашъ вѣкъ обѣщаетъ превратить въ борьбу противъ господства вообще. Марксисты стараются развитъ эту вѣру путемъ «научныхъ», «экономическихъ» измышленій и обѣщаній, анархизмъ — просто религиозной проповѣдью анархическаго идеала.

Подобно тому какъ христіанская вѣра не создаетъ ни юты царства небеснаго на землѣ, а укрѣпляетъ лишь и освящаетъ строй гра-

Ученики Жана Грера скажутъ, что ихъ учитель имѣетъ то преимущество передъ Бернштейномъ, что не перестаетъ говорить о революціи. Такъ, непосредственно за вышеприведеннымъ мѣстомъ мы читаемъ: «При теперешнемъ положеніи дѣлъ, революція рождается эволюціей; она роковой фазисъ, черезъ который намъ предстоитъ пройти... Но не надо забывать, что въ настоящее время, благодаря протесту ортодоксовъ, даже и Бернштейнъ сообразилъ, что «революція» изъ виду упускать нельзя, и всѣ бернштейнцы и жоресисты въ той же мѣрѣ, какъ и Жанъ Гравъ, угрожаютъ буржуазіи революціей. Если начатую фразу прочесть до конца, то увидимъ, что «революціонность» Жана Грера воздвигнута на томъ же пескѣ, что и у всѣхъ оппортунистовъ... «и мы можемъ прибавить, что она (революція) необходима еще для того, чтобы спасти человечество отъ регресса, къ которому влечетъ его эволюція буржуазнаго общества.» (Курсивъ здѣсь и выше нашъ.)

Итакъ, если анархистскій учитель съ самаго начала сказалъ намъ, что социалистическій идеалъ необходимъ для развитія существующаго общества, то теперь онъ говоритъ, что революція необходима для спасенія его отъ вырожденія.

Ту сущность социализма, которую мы стараемся въ нашемъ очеркѣ раскрыть, Жанъ Гравъ высказываетъ намъ самымъ откровеннымъ образомъ. Онъ революціонеръ, поскольку буржуазное общество вырождается. Если же оно прогрессируетъ, онъ не только не думаетъ его низвергать, а самъ же станеть его собственными руками развивать съ помощью своей «путеводной звѣзды — социалистическаго идеала.»

бежа, точно также и социалистическое вѣроисповѣданіе не создаетъ социалистическаго рая, а способствуетъ лишь буржуазному прогрессу, народженію тѣхъ новыхъ, молодыхъ правящихъ классовъ, отсутствіе которыхъ вызвало его на борьбу.

Социализмъ XIX стол. старается проникнуть лишь въ явленія слабости, въ процесъ разложенія современной формы господства. Отъ этого, понятно, ничуть еще не раскрывается тайна господства вообще. Онъ доказываетъ лишь негодность современнаго правящаго общества, — этимъ еще не доказана «негодность», паразитизмъ и грабежъ всѣхъ выступающихъ въ исторіи господъ. Напротивъ, марксизмъ ставитъ главной своей задачей доказать, необходимость для человѣческаго общежитія всѣхъ выступавшихъ въ исторіи господствующихъ классовъ, а глава анархизма склоняется, какъ мы видѣли, къ мысли, что правящее общество могло бы «понять народныя нужды», «обеспечить народу благосостояніе» и повидимому оно это уже дѣлало.

Стало быть, социализмъ XIX стол. не вскрываетъ и не хочетъ вскрыть основы всякаго — не только слабого и сильнаго — господства. Онъ не сознаетъ и не хочетъ признавать и увидѣть грабежъ въ самомъ существованіи господъ на всемъ протяжении исторіи.

Не въ его силахъ и не въ его желаніи создать настоящія, реальныя, человѣческія предпосылки паденія вѣковаго строя грабежа и насилія. — А между тѣмъ его главная задача — приобрести довѣріе массъ и создать въ нихъ непоколебимую вѣру, что именно социализмъ есть путь къ низверженію строя грабежа. И тутъ-то передъ нимъ вырастаетъ специальная задача — внушить увѣренность въ наступленіе социалистическаго рая, «независимое отъ воли» людей, предупредѣнное историческимъ ходомъ, вытекающее изъ объективных историческихъ законовъ.

Это обычная задача всякой религіи, и социалистическая религія выполнила ее блестяще. Отъ изобрѣтенія различныхъ сверхъестественныхъ сущностей, отъ изобрѣтенія новаго вида PROVIDĒNІИ не предохранила социалистовъ позитивная, атеистическая наука XIX столѣтія. Напротивъ—въ тотъ же моментъ, когда социализмъ чувствовалъ непреодолимую потребность стать открывающей и предугадывающей законы общественнаго развитія наукой, въ тотъ же моментъ и этимъ же самымъ онъ рѣшился создавать религіозныя фикціи. Социалистическая наука принесла тѣ же плоды, что и наука языческихъ жрецовъ и христіанскихъ теологовъ.

Анархисты стараются показать, что наука марксистовъ оказалась столь гибельной для революціоннаго социализма потому, что воспользовалась не истинными основами и методами современной науки, а отжившей метафизикой и главнымъ образомъ похороненнымъ ученіемъ гегельянцевъ. Анархисты, напротивъ, положили въ оснѣву своего ученія строгій позитивизмъ, настоящій научный методъ естественныхъ наукъ, индуктивно-дедуктивный методъ, предохраняющій отъ всякой метафизики и гарантирующій безошибочность социалистическому ученію.

Въ виду этого взглянемъ еще разъ на главные выводы «научнаго анархизма». Мы при этомъ убѣдимся, что методы естественныхъ наукъ какимъ то фатальнымъ образомъ вводятъ насъ въ область мечтаній фразъ и фикцій; доходя до тѣхъ же, что и марксизмъ усыпляющихъ и обуздывающихъ выводовъ, онъ очень часто увлекаетъ насъ въ гораздо болѣе туманныя сферы, нежели марксизмъ. Мы еще разъ увидимъ, что съ революціонною непримиримостью анархистской доктрины происходитъ какое то невѣроятное недоразумѣніе. Мы убѣдимся, наконецъ, что своимъ стремленіемъ къ «научности» у анархи-

стовъ также, какъ и у марксистовъ социализмъ не выходитъ изъ области вѣрованій, а, напротивъ,—социалистическая наука, именно своимъ стремленіемъ къ научности, объективности, общеобязательности, выполняетъ общую всѣмъ религіямъ функцію. Намъ придется имѣть дѣло главнымъ образомъ съ тѣмъ же Кропоткинскимъ, какъ важнейшимъ представителемъ анархистской науки,

III

Весь анархистскій революціонизмъ Кропоткина, стремящійся якобы къ непосредственному низверженію вѣковой неволи, основывается на мечтаніяхъ о чудодѣйственномъ народномъ творчествѣ, которое въ одинъ прекрасный день, на основѣ общечеловѣческой солидарности построитъ, по анархистскимъ, конечно, принципамъ, социалистическій рай, лишь бы только свергнуть существующія централизованныя правительства и не дозволить «властолюбивому меньшинству» занять ихъ мѣсто.

«Основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народныя идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.»

Этотъ главный пунктъ землевольческой программы (написанной вѣроятно Плехановымъ) — составляетъ до сихъ поръ основу Кропоткинскаго ученія, въ его примѣненіи не только къ Россіи, но и ко всѣмъ цивилизованнымъ странамъ.

Какъ показала практика русскихъ революціонеровъ, эти народническія мечтанія не въ состояніи вызвать никакого революціоннаго движенія. Но въ анархистскомъ ученіи Кропоткина они играютъ опредѣленную роль, совершаютъ реальное дѣло: идеализируютъ всю истекшую исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ существующій строй неволи.

Дѣло въ томъ, что «народное творчество» можетъ оказаться чудодѣйственнымъ въ созданіи будущаго идеальнаго строя лишь въ томъ случаѣ, если оно на протяжении всей исторіи не бездѣйствовало. И дѣйствительно. —

«Во всѣ времена... народныя массы вырабатывали въ видѣ обычая, рядъ учреждений, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна... ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки... Этой созидательной творческой народной дѣятельностью... вырабатывались въ прошломъ всѣ учрежденія общежитія.» (Кропоткинъ «Современная наука и анархизмъ» стр. 6-9. Курсивъ нашъ).

Итакъ, несомнѣнно, во всѣ времена «народъ» стремился къ «равенству» и благодаря его «созидательной дѣятельности» извѣстныя намъ историческія учрежденія общежитія имѣютъ цѣлью удовлетвореніе потребностей членовъ общества.

Для пониманія этой исторической перспективы анархистскаго ученія, надо, читатель, непремѣнно не упускать изъ виду, что рѣчь идетъ не столько о дѣйствительно происходившихъ событіяхъ, сколько о праздничныхъ мечтаніяхъ всѣхъ вѣковъ, при чемъ послѣдніе полезно прикрашивать мечтаніями современности. Это необходимо, иначе никакого смысла не получится. Въ самомъ дѣлѣ, если взять для при-

мѣра то «учрежденіе общегитія», которое составляло на протяжении тысячелѣтій основу цивилизаций древности, то получится, что «созидательная творческая дѣятельность», напр., греческаго народа «ради обезпеченія равенства»... сковала цѣпи для рабовъ.

Идеализмъ, присущій всему социализму XIX стол. выступаетъ въ анархистской доктринѣ въ концентрированномъ видѣ. Она предлагаетъ для скорѣйшаго достиженія социалистическаго рая цѣлую систему всеобщаго самообмана и самоусыпленія. Въ этомъ отношеніи, другіе теоретики анархизма, Жанъ Гравъ, Малатеста и пр. не останутся позади Кропоткина. Анархистское учение ставитъ себѣ цѣлью извлечь изъ всей исторіи чистый элементъ общности, общественной солидарности, взаимопомощи, найти его происхождение не только въ глубинѣ человѣческой психики но и въ инстинктахъ самой животной жизни, доказать вопреки дарвинистамъ, что доминирующимъ факторомъ въ царствѣ животныхъ, какъ и въ исторіи человѣческихъ обществъ, является не «борьба», а «солидарность» *) Эксплуатация и неволя не исчезаютъ потому, что люди не хотятъ повѣрить въ возможность существованія общества на началахъ противоположныхъ современному индивидуализму. Анархистская проповѣдь имѣетъ цѣлью укрѣпить эту вѣру. И анархистскіе теоретики не замѣчаютъ, какъ они превращаются въ истыхъ моралистовъ и проповѣдниковъ. Ихъ благочестивая социалистическая вѣра не даетъ возможности увидѣть весь размѣръ неволи поработенныхъ массъ, всю силу господства эксплуататоровъ. Последнее является какимъ то болѣзненнымъ извращеніемъ человѣческой природы, случайнымъ заблужденіемъ всего человечества. **)

Религиозное отношеніе анархистскихъ мыслителей къ «солидарности» заставляетъ ихъ молиться передъ этимъ сокровищемъ чело-

*) Въ своей брошюрѣ «Анархія» Малатеста говоритъ: «Достаточно конста тировать, какъ въ челоѣчествѣ кооперація — *вынужденная* ли, или добровольная, сдѣлалась единственнымъ средствомъ прогресса, совершенствованія, безопасности, и какимъ образомъ борьба, какъ атавизмъ — сдѣлалась совершенно неспособной содѣйствовать благосостоянію индивидуумовъ, а, напротивъ, причиняетъ зло всѣмъ, побѣдителямъ также какъ и побѣжденнымъ». (Стр. 22. курсивъ нашъ).

Не смотря на всѣ благочестивыя усилія анархиста не дать затеряться добру въ челоѣчествѣ и его исторіи, міръ зла фатально торжествуетъ и увлекаетъ самого прекраснѣйшаго проповѣдника. Онъ считаетъ абсолютнымъ зломъ «борьбу» и «принужденіе». Но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторонникъ всякой, даже «принудительной», «вы нужденной» коопераціи, какъ единственнаго «пути прогресса», то, наперекоръ своему абсолюту, онъ тутъ же прославляетъ ту борьбу и принужденіе, плодомъ которыхъ является вынужденная кооперація.

**) «Въ настоящее время челоѣкъ... долженъ признать, что предки его шли по ложной дорогѣ, когда они избивали, грабили, эксплуатировали другъ друга, онъ долженъ вернуться къ солидарности, зародыши которой не могли выгравить въ немъ тысячелѣтнія междоусобной борьбы.» (Жанъ Гравъ. «Будущее общество» стр. 26 русскаго неоконченнаго перевода.)

ческой души даже тогда, когда оно является братствомъ господствующихъ и эксплуататоровъ. Какъ самый заурядный демократъ — республиканецъ Кропоткинъ восхищается «коммунизмомъ» купцовъ «Великаго Новгорода» и буржуазіи средневѣковыхъ городовъ, восхищается «общественностью» древнихъ грековъ, совершенно забывая, что это солидарность рабовладѣльцевъ, смотритъ на ихъ республиканскія государства, какъ на безгосударственные общины. И, наконецъ, въ его дѣтской схемѣ историческаго развитія, изложенной напр. въ «Современная наука и анархизмъ», всѣ социалистическіе и анархистскіе взгляды превращаются въ самую обыкновенную демократическую формулку. «Во всѣ времена у анархистскаго мыслителя существуютъ, какъ у всякаго демократа, только такіе два основныхъ антагонизма — «правительство» и «народъ». Народъ творилъ равенство, «власть, наслѣвшая на общество» портила хорошее дѣло. Да и то не всегда, какъ оказывается, а только моменты реакціи, накануне революцій...

«Затѣмъ во всѣ времена происходило также и то, что учрежденія, — даже самыя прекрасныя по своей первоначальной цѣли, выработанныя сперва людьми ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки, — со временемъ окаменѣвали, утрачивали свой первоначальный смыслъ, подпадали подъ иго властолюбиваго меньшинства и становились, наконецъ, стѣсненіемъ для личности, въ ея стремленіяхъ къ дальнѣйшему развитію». (I. с. стр. 7.)

Тогда наступало время революцій. Читатель, знакомый съ предисловіемъ Маркса къ «Zur Kritik der pol. E.» вспомнитъ, конечно, при чтеніи только что приведенной цитаты, фразу основателя научнаго социализма о томъ, что накануне политическихъ переворотовъ общественныя формы изъ формъ развитія производительныхъ силъ общества, становятся тормазомъ ихъ. Общеизвестно, какое значеніе придаютъ этому положенію современные научные социалисты, сводящіе всю свою теорію «экономическаго материализма» къ учению о законсообразности историческаго развитія производительныхъ силъ и производственныхъ нуждъ цивилизованнаго общества. Книжка Бельтова о монистическомъ взглядѣ на исторію имѣетъ цѣлью доказать, что это положеніе, въ видѣ реалистическаго и материалистическаго приложенія гегельянскій правды о томъ, какъ все хорошо на своемъ мѣстѣ и все истинно для своего времени, — что это положеніе представляетъ основную мудрость марксистской философіи. И вотъ эта мнимая панацея реалистическаго мышленія, эта гарантія противъ всякаго утопизма оказывается въ полной наличности у мыслителя, котораго сами марксисты считаютъ идеалистомъ и утопистомъ. Кропоткину незачѣмъ стараться уяснить себѣ историческій процессъ, какъ «экономическую» классовую борьбу въ челоѣчествѣ обществъ за за владѣніе богатствами, о чемъ онъ до сихъ поръ никакого понятія не имѣетъ, какъ свидѣтельствуютъ первыя страницы его только что упомянутой брошюры. Для присоединенія его къ современнымъ «материалистическимъ» научнымъ социалистамъ, отъ него потребуется лишь побольше болтать по марксистски о томъ, что со всѣми существовавшими общественными формами дѣло обстояло точно также, какъ со всѣми потребляемыми вещами: хороши пока новы, — плохи, когда состарѣются.

Такимъ именно путемъ по призыву Бельтовыхъ превратилась по-вально въ марксистскую вся народническая и субъективистская интел-лигенция, такимъ путемъ выросла воспитанная ортодоксами — Плехановыми и Тулиными — славная плеяда такихъ пролетарскихъ идеоло-говъ какъ Струве, Туганъ — Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, обя-вившихъ вскорѣ, когда они сочли это своевременнымъ, о томъ, что ортодоксальная «классовая точка зрѣнія» есть субъективизмъ и уто-пизмъ. Они согласились на сотрудничество съ Бельтовыми не ради развитія классовой точки зрѣнія, а ради проповѣдуемой Бельтовыми и обуздывающей классовую борьбу марксистской теоріи объективизма, теоріи производственныхъ нуждъ и законовъ.

То обстоятельство, что главный выводъ этой теоріи находится въ обладаніи мыслителя, и не думающаго даже понимать исторію какъ «классовую экономическую борьбу», возможно только потому, что въ основѣ «материалистической» теоріи производственныхъ нуждъ поло-жена та же, чисто идеалистическая фикція, на которой построена и Кропоткинская историческая схема. Какъ Марксъ, такъ и Кропот-кинъ относительно всѣхъ существовавшихъ «формъ общежитія» еди-ногласно учатъ насъ, что онѣ были достойны низверженія *лишь тог-да*, когда «устарѣли» (Марксъ) «окаменѣли» (Кропоткинъ). Но въ мо-ментъ возникновенія всѣ эти «формы общежитія» были «формами раз-витія производительныхъ силъ общества», «формами удовлетворенія производственныхъ нуждъ» (Марксъ), воздвигались «ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки между людьми» (Кропоткинъ).

Цивилизація на протяженіи всѣхъ вѣковъ ея развитія не знаетъ никакихъ «формъ общежитія» *внѣ* средневѣковаго рабства, *внѣ* крѣ-постнаго права среднѣ вѣковъ, *внѣ* современнаго рабства наемныхъ ручныхъ рабочихъ. Но социалистическая наука, какъ марксистская, такъ и анархистская, умѣетъ тѣмъ не менѣе на протяженіи этой цивилизаціи открыть въ формахъ рабства нужную ей фикцію *единого* общества, развивающагося согласно *общественнымъ* нуждамъ, согла-сно нуждамъ всѣхъ членовъ общества, умѣетъ установить фикцію *единого* человѣчества, движущагося на протяженіи вѣковъ согласно *одичел.человѣческимъ* потребностямъ.

Когда благочестивая социалистическая вѣра со своими сказками о томъ, какъ «во всѣ времена» «народъ творилъ» «всѣ формы общежи-тія», сталкивается съ рабочимъ движениемъ, пытается овладѣть имъ, она становится по необходимости марксистской. Передъ лицомъ воз-стающихъ рабовъ современнаго общества, она принуждена признать, что цивилизованное общество есть «классовое государство». Но рас-крыть эту тайну она согласилась лишь тогда, когда оказалась возмож-ность не лишиться при этомъ фикции *единого общества и единого* *человѣчества*, а напротивъ — *перенесеніемъ ея въ область безсозна-тельнаго* — еще болѣе укрѣпить всемогущество независимыхъ отъ воли людей законовъ общечеловѣческаго производства и непререва-емаго историческаго хода вещей.

Анархистская теорія не спѣшитъ вслѣдъ за марксизмомъ компро-метировать исторію неприличными намеками, будто историческій ходъ есть непрерывный рядъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое...—классовое господство. Но подчинять, по примѣру марксистовъ, возмущеніе ра-бовъ современнаго общества научному контролю, историческимъ за-

конамъ, анархистская теорія, хотя и противникъ всякихъ законовъ, считаетъ дѣломъ очень нужнымъ и полезнымъ. Сладкозвучная пѣсня о величественной солидарности, приобрѣтая, научную глубину, стано-вись общественной наукой, работаетъ въ томъ же направленіи, какъ и марксизмъ, какъ и вся современная социологія.

И вотъ результаты всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ. Цивилизован-ное общество — государство изъ организациі неволи превращено въ «форму общежитія», имѣющую цѣлью удовлетвореніе потребности всѣхъ членовъ общества. Историческій ходъ, какъ выраженіе общечеловѣ-ческихъ нуждъ и потребностей, какъ выраженіе воли человѣчества, возведенъ на высоту непрекаемаго судилища, передъ которымъ дол-жно смиряться все.

Анархистская теорія, хотя хотяже о ней мнѣніе считаетъ ее воп-лощеніемъ непримиримаго возмущенія противъ всякаго гнета, никогда до сихъ поръ, — также какъ и научный социализмъ, — въ бунтахъ рабовъ всѣхъ эпохъ не разслышала возмущенія противъ историческаго хода, присуждающаго большинство человѣчества къ рабству. Она ни-когда, какъ и марксизмъ, не хотѣла досмотрѣть, что историческому ходу противостоитъ подавленная жизнь громаднаго большинства чело-вѣческихъ существъ, рождавшихся въ каждомъ изъ существовав-шихъ до селѣ поколѣній. Анархистамъ, какъ и марксистамъ и въ го-лову не приходитъ, что существующую неволю можетъ упразднить лишь возмущеніе и недовольство, рождающее бунтъ противъ истори-ческаго хода, по законамъ и велѣніямъ котораго до сихъ поръ, изъ поко-лѣнія въ поколѣніе, неволя подлежащая разрушенію лишь укрѣплялась.

Рабочая революція есть нѣчто отличное и отъ научнаго социализма и отъ научнаго анархизма. Рабочая революція есть неотвратимое слѣд-ствие того факта, что «историческій ходъ» является выраженіемъ воли захватившаго всѣ богатства и господствующаго меньшинства, что этотъ историческій ходъ приговариваетъ до сихъ поръ большинство мелочества рождаться въ рабствѣ, въ положеніи нисшей рассы. Рабочая революція есть возстаніе рабовъ современнаго общества противъ историческихъ законовъ, которыя до сихъ поръ весь земной шаръ превращаютъ для нихъ въ тюрьму.

Но анархистскій, марксистскій и всякій другой ученый старается «открыть, прежде всего, путемъ изученія современнаго общест-веннаго строя, его стремленія, его направленіе, свойственныя ему въ данный моментъ развитія, и указать эти стремленія» (Анар. ея фил. и т. д. стр. 58).

«Анархизмъ представляетъ собою попытку приложить обобщенія, добытыя естественнo-научнымъ индуктивнымъ методомъ, къ оцѣнкѣ челоѣческихъ учреждений, и угадать на основаніи этой оцѣнки дальнѣйшіе шаги челоѣчества на пути свободы равенства и братства. (Совр. наука и ан., стр. 62).

Рабское положеніе рабочихъ массъ всего міра, интересы жизни и челоѣческаго существованія поработченнаго большинства — всего этого еще недостаточно, чтобы занять высокой умъ ученыхъ опеку-новъ историческаго процесса и современнаго строя, все это, само по себѣ, недостаточный и недостойный мотивъ для ихъ мыслей и дѣлъ. Они ищутъ въ настоящее время столь же неутомимо, какъ и во всѣ прошедшіе вѣка, достойнаго предмета своихъ изслѣдованій, они ищутъ

для человеческого общества законовъ божескихъ, законовъ природы, законовъ вселенной. И столь же успѣшно, какъ во времена языческихъ жрецовъ и христіанскихъ теологовъ, изъ ихъ великихъ затѣй получается лишь пустословіе паразитовъ на тѣлѣ рабовъ современной каторги ручного труда; лишь краснорѣчивость и, прежде всего — укрѣпление существующаго рабства, обуздывание мысли и воли массъ призрачными величіемъ и авторитетомъ касты ученыхъ сверхъ — человѣковъ.

IV

Главная заслуга, которую хочеть приписать себѣ марксистскій социализмъ, состоитъ якобы въ раскрытіи имъ утопичности первоначальнаго социализма, въ опредѣленіи ея источника, въ предохраненіи рабочей программы отъ утопическихъ заблужденій первыхъ социалистовъ. Предыдущая наша глава показываетъ, что эта претензія научныхъ социалистовъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременна. Марксисты, хотя и объявляютъ войну тому утопизму, которымъ отличается всякій анархистскій теоретикъ, не въ силахъ однако упразднить этотъ утопизмъ въ корнѣ. Открыть его источникъ не въ состояніи никакой, марксистъ и всѣ попытки научныхъ социалистовъ въ этомъ направленіи особымъ успѣхомъ похвалиться не могутъ:

Плехановъ, написавшій такъ много объ утопизмѣ, какъ въ своей полемической брошюрѣ противъ анархизма, такъ и въ своей легальной книгѣ противъ народниковъ, пытается не безъ основанія привести и тѣхъ и другихъ въ идейную связь съ первыми утопистами и энциклопедистами. Но общій всемъ указаннымъ теченіямъ источникъ утопизма схваченъ имъ очень поверхностно и ударъ наносимый, какъ русскому народническому социализму, такъ и анархизму такъ легковѣсенъ, что лишь обтесываетъ утопизмъ, ничуть не упраздняя его. Напротивъ, обтесанному и исправленному утопизму предоставляется спокойное дальнѣйшее существованіе и при томъ, что самое главное, не только у противниковъ Плеханова, но и у самихъ марксистовъ.

Источникъ утопизма по мнѣнію Плеханова заключается въ томъ — общемъ и просвѣтителямъ и первымъ социалистамъ — убѣжденіи, по которому для человѣческаго существа существуетъ совершенный, идеальный строй, соответствующій человеческой природѣ, долженствующій быть открытымъ при посредствѣ разума и не открытый до сихъ поръ по винѣ человеческихъ заблужденій. Этому утопизму только научный социализмъ въ состояніи противопоставить свое единственно вѣрное ученіе о томъ, что для измѣняющейся человеческой природы нѣтъ неизмѣннаго идеальнаго строя, что всякій строй хорошъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Если сформулированный Плехановымъ упрекъ попадаетъ въ энциклопедистовъ, то по отношенію къ анархистамъ и русскимъ народникамъ онъ попадаетъ чаще всего въ просакъ. Всѣ народники и хранители идей 70-хъ годовъ, не только революціонные народовольцы, но и просто мирные либералыные господа, послѣ того, какъ Бельтовъ провозгласилъ, какъ основу пролетарскаго ученія, эту Гегелевскую правду, стали прямо носиться съ «историзмомъ», («исторической преемственностью») и старались показать, что если только въ этомъ вся требующаяся отъ нихъ мудрость классового ученія, то они сами знаютъ ее не хуже «настоящихъ учениковъ».

Что касается анархистовъ и въ частности Кропоткина, то, какъ мы уже видѣли, онъ тоже самъ знаетъ философскую основу пролетарской исторіософіи. Во всѣ времена, учить онъ, всѣ учрежденія общегитія создавались народомъ, народнымъ творчествомъ ради обезпеченія міра, взаимной поддержки, равенства и свободы. Самыя прекрасныя при своемъ возникновеніи, они съ теченіемъ времени старѣлись, окаменѣвали, становились помѣхой дальнѣйшему развитію и низвергались въ революціяхъ.

Въ такихъ словахъ утопистъ Кропоткинъ формулируетъ, во всей полнотѣ, доступную якобы только пролетарскому марксизму историко-философскую основу научнаго социализма; врагъ диалектики формулируетъ основной пунктъ диалектическаго материализма. Это значитъ, во первыхъ, что современные ученые социалисты черпаютъ эту безусловную, признаваемую всеми отбѣнками социализма истину не изъ Гегеля только, какъ единственнаго ея источника, а изъ себя самихъ, изъ собственного своего отношенія къ цивилизованному обществу и его исторіи, отношенія, оказывающагося у нихъ въ этомъ основномъ пунктѣ, тождественнымъ съ отношеніемъ къ этому обществу прусскаго королевскаго патріота. Это значитъ во вторыхъ, что формулируя антиутопическую основу реалистическаго марксизма, глава анархизма ни на іоту не колеблетъ этимъ своего утопизма, который въ самой этой формулѣ такъ и остается во всей своей дѣйственной чистотѣ, поучая насъ о томъ, что всѣ учрежденія въ исторіи создавались ради всеобщаго равенства и свободы. Утопизмъ анархистскаго ученія для премудрой марксистской критики неудовимъ. Онъ всегда умѣетъ провести ее, — удовлетворивъ самымъ строгимъ требованіемъ ея научности, онъ по прежнему остается живъ и невредимъ.

Выше мы отмѣтили тотъ пунктъ анархистской науки, въ которомъ обнаруживается ея непосредственное схождение съ марксизмомъ. Намъ предстоитъ теперь болѣе подробно остановиться на тѣхъ ея пунктахъ, которые, повидимому, представляютъ наибольшее съ нимъ расхожденіе и даже считаются обыкновенно полною его противоположностью, какъ наиболѣе яркое проявленіе утопизма.

«Въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ» происходитъ «развитіе индивидуализма... «Большинство людей думали... что обезпечивъ себя, каждаго порознь, человѣкъ сможетъ вполне свободиться и отъ капитала. «Деньги, думали люди, дадутъ мнѣ возможность купить все, что мнѣ нужно въ томъ числѣ и свободу.» Но оказалось, что тутъ крылась глубокая ошибка.» (стр. 33)

И не только новѣйшія вѣка, но и весь ходъ исторіи, всѣ виды поработенія учреждались исключительно вслѣдствіе человеческой недальновзоркости.

«Во весь этотъ періодъ кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемой человеческой исторіей... человѣкъ не видѣлъ ничего, кромѣ той работы, которую можетъ произвести поработенный, и не думалъ о томъ, что необходимость подавлять въ будущемъ различные рабочіе возстанія въ концѣ концовъ потребуетъ столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая другъ другу... Такимъ образомъ установилась власть и собственность.» (Жанъ Гравъ, Умирающее общество и анархія, стр. 12-13).

Итакъ государство и капиталъ существуютъ въ силу человеческихъ заблужденій и недомыслия.

«Къ принужденію люди прибѣгали втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ и такъ безуспѣшно, что мы находимъ теперь въ положеніи, изъ котораго не можемъ выйти иначе, какъ разрушивъ и уничтоживъ принудительныя учрежденія нашего прошлаго.» (Кропоткинъ «Анархія, ея философія и ея идеалъ», страница 52. Курсивъ вслѣду нашъ.)

Итакъ, вся исторія — одна сплошная ошибка. Всѣ жившіе доселѣ на земномъ шарѣ миллиарды человѣческихъ существъ въ опредѣленіи своихъ взаимныхъ отношеній непрерывно заблуждались, ежечасно дѣйствовали во вредъ самимъ себѣ.

Обыкновенный смертный, если случайно дойдетъ до подобнаго вывода, вѣроятно протретъ глаза, оглянется вокругъ себя и подумаетъ прежде всего, что ужъ вѣрно онъ самъ, а не все человѣчество, залѣзъ въ непродолазныя дебри.

Но анархистскій мыслитель слишкомъ великъ для подобнаго рода ощущеній. Онъ непоколебимо убѣжденъ, что въ немъ, впервые за всѣ вѣка, родилось существо съ нормальной логикой, съ вѣрнымъ взглядомъ на вещи.

Свое невѣроятное положеніе анархистскій мыслитель старается сдѣлать болѣе правдоподобнымъ тѣмъ, что ошибка, въ которой онъ уличаетъ человѣчество, слѣдуетъ у него не изъ природной близорукости людей, а изъ ихъ моральнаго помраченія. Грубый, элементарный эгоизмъ не позволяетъ людямъ, въ особенности рабовладѣльцамъ, разглядѣть свой собственный интересъ. И анархистъ серьезно огорченъ, какъ мы видѣли, тѣмъ, что рабовладѣльцы всѣхъ вѣковъ устроили себѣ несчастную жизнь, что они принуждены были затрачивать столько тяжелаго труда «на надзоръ» за порабощенными, «на подавленіе различныхъ ихъ возстаній.»

Укрѣпляясь въ своихъ взглядахъ, анархистъ начинаетъ все болѣе ненавидѣть грубый элементарный эгоизмъ людей, грубыя матеріальныя стремленія, какъ виновниковъ всѣхъ несчастій человѣчества. Это не что иное, какъ обычный злой духъ, изображаемый всѣми религіозными системами, злой духъ, который всякій человѣкъ долженъ подавить въ себѣ, иначе счастье никогда не будетъ достигнуто на землѣ.

Дѣйствительный міръ, между тѣмъ, не перестаетъ быть низменнымъ, и смертные по прежнему все упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ. На всемъ земномъ шарѣ все чаще выступаютъ массы людей въ «чисто-эгоистическую» борьбу за «копѣйку», за грубый матеріальный интересъ. Нечего доказывать, что на эту борьбу рабовъ современнаго общества, несущую въ своемъ развитіи всемірное возстаніе рабовъ противъ строя грабежа, ученіе добродѣтельныхъ Грабовъ можетъ оказывать лишь такое вліяніе, какое оказываетъ ученіе о томъ, что «не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ».

Анархистъ, поскольку соглашается на участіе въ экономической стачкѣ за конкретныя требованія рабочихъ, видитъ въ ней лишь воспитательное средство для массы и норовитъ всегда формулировать всеобщую стачку лишь какъ актъ солидарности, протеста, какъ стремленіе къ идеалу, какъ демонстрацію, которыми въ концѣ концовъ не преминуть, конечно, воспользоваться соц.-дем.-ы для реальныхъ, зем-

ныхъ цѣлей участія во власти, какъ это случилось въ Италіи прошлымъ лѣтомъ.

Если же анархистъ рѣшитъ оставаться непремѣнно вѣрнымъ своей доктринѣ, не измѣнять идеалу и не поддаваться искушеніямъ низменнаго міра, тогда онъ сознательно и безспоротно вступаетъ въ ряды профессиональных проповѣдниковъ, которыхъ по его собственному убѣжденію невѣжественнымъ массамъ не скоро еще удастся сбросить съ своихъ плечъ. *)

Въ этой фазѣ анархистская доктрина становится уже вполне религіозной проповѣдью, которая должна научить чернь, живущую грубыми матеріальными интересами, жить согласно возвышенному идеалу. И тутъ анархистская доктрина соприкасается непосредственно то съ толстовщиной, то съ неокантіанствомъ и бердяевщиной, дошедшей по пути «строгой науки» до сознанія необходимости метафизики и религіи.

Когда проповѣдникъ съ призывомъ ко всеобщей любви входитъ въ ту тюрьму, которая называется цивилизованнымъ обществомъ, — онъ своею проповѣдью лишь поддерживаетъ и укрѣпляетъ эту тюрьму, зоветъ порабощенныхъ изъ рабовъ подневольныхъ стать рабами по совѣсти.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что получатся другіе результаты изъ анархистской проповѣди въ строѣ неволи — солидарности, міра, сотрудничества и осужденія въ немъ эгоизма, борьбы и насильственнаго принужденія.

Анархистская доктрина не угрожаетъ паденіемъ вѣковому строю грабежа потому во первыхъ, что она, какъ мы видѣли, не соглашается признать его основнымъ фактомъ жизни цивилизованнаго общества.

Конечно «предки» наши «избивали, грабили, эксплуатировали другъ друга». Но вѣдь это была ошибка, заблужденіе, наносившее вредъ имъ самимъ. Ихъ грабежъ и эксплуатация не слѣдовали неизбежно изъ ихъ природы, а были лишь случайнымъ, ошибочнымъ проявленіемъ дурной стороны ихъ души.

Стало быть насиліе, грабежъ и эксплуатация въ развитіи человѣчества явленіе не существенное. На ряду съ ними происходитъ нѣчто болѣе важное и существенное — проявленіе человѣческой солидарности, слѣдствіемъ которой является общественное развитіе, совершенствованіе человѣческаго сотрудничества и прогресса. (См. выше стр. 14 Малатеста). Не грабежъ и эксплуатация, а это именно развитіе человѣческаго сотрудничества есть основное начало историческаго развитія. Вотъ почему «всѣ учрежденія общежитія» создавались путемъ «народнаго творчества» «для обезпеченія равенства», вотъ почему вся исторія есть непрерывное движеніе къ «свободѣ, равенству и братству» (См. выше у Кропоткина стр. 13)

Предки наши грабили и эксплуатировали. Но это вовсе не значить, что они и въ основаніе построенаго ими цивилизованнаго общества положили грабежъ и эксплуатацию. Какъ разъ наоборотъ

*) Жану Граву представляется время необходимое для того, чтобы по его выраженію «вдолбить топѣ въ башку» «наши идеалы» и подготовить для коммунистической жизни, не менѣе продолжительнымъ, чѣмъ самому оппортунистическому бернштейнѣнцу. (См. ниже.)

Въ основаніе развивающагося общества положено ими нѣчто прямо противоположное, а именно (Малатеста ст. 14) — сотрудничество. Да! въ основѣ существующаго до настоящаго времени цивилизованнаго общества лежить не борьба, а «кооперация», это «единственное средство прогресса совершенствованія и безопасности.»

Анархистская доктрина сдѣлаетъ, пожалуй, уступку и согласится признать это сотрудничество «принудительнымъ». По вѣдь все равно, даже принудительная ассоціация — средство прогресса, совершенствованія и безопасности и только открытая борьба является негоднымъ, для всѣхъ вреднымъ атавистическимъ началомъ.

Итакъ анархистская доктрина въ современномъ обществѣ видитъ прежде всего проявленіе солидарности. Посителями этой солидарности, продуктами сотрудничества являются для нея всѣ современные «страны», «націи». Тутъ антигосударственникъ умѣетъ совѣтъ забыть, какъ мы видѣли (Вып. I), что эти націи — это государства, которымъ онъ будто бы объявляетъ войну.

Своими социалистическими изслѣдованіями и вычисленіями Кропоткинъ фатальнымъ образомъ является совѣтникомъ европейскихъ націй — государствъ. Онъ даетъ имъ социалистическіе совѣты по вопросу о томъ, на какомъ пути онѣ могли бы достигнуть наибольшаго благосостоянія и успѣха. (Fields, Factories and Workshops)

Чѣмъ больше анархизмъ развиваетъ свою науку т. е. чѣмъ больше углубляется въ тайны «солидарности», этого священнаго начала и абсолютнаго блага въ природѣ и человечествѣ, тѣмъ больше и легче цивилизованное общество, эта тюрьма для рабовъ всѣхъ вѣковъ выступаетъ передъ нимъ какъ проявленіе сотрудничества. Съ этимъ обществомъ, съ его судьбою онъ соединяетъ всѣ свои мысли, въ заботы этого общества онъ вкладываетъ всю свою анархистскую душу.

Онъ болѣетъ его болями, болѣетъ о томъ, что оно, —эта организация господства, — «зашла» «по ложному пути» «въ тупикъ», болѣетъ за всѣхъ членовъ общества, даже за ошибки тѣхъ, кто коптитъ деньги. (Кроп. выше стр. 19)

Анархистскій теоретикъ, даже въ ту минуту, когда строитъ свои разрушительные планы, не въ состояніи разорвать своего единенія съ современнымъ обществомъ, не въ состояніи ни на минуту стать внѣ рядовъ строителей и опекуновъ его.

«И если буржуазное общество гибнетъ, если мы находимся въ настоящую минуту въ тупикѣ, изъ котораго мы не можемъ выйти иначе, какъ разрушающаго топоромъ и огнемъ учрежденія прошлаго, то это происходитъ именно отъ того, что **МЫ** слишкомъ много считали; отъ того, что **МЫ** приучили себя давать только съ цѣлью получить, отъ того, что **МЫ** захотѣли сдѣлать изъ общества коммерческую компанію; основанную на прихотѣ и расходѣ.»* (Кроп. Хлѣбъ и Воля, стр. 225, курсивъ нашъ.)

*) Въ послѣднихъ строкахъ языкъ главы современнаго анархизма становится почти однозвучнымъ съ проповѣдью русскихъ легальныхъ народниковъ. «Мы не только не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства не смотря на то, что они основаны на экспроприаціи крестьянства, но напротивъ всѣми силами постарались содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни,

Между тѣмъ такая психика своего анархизма, Кропоткину, но и всѣмъ анархизма. Изъ этой ихъ психики т. е. изъ ихъ психики современныхъ обществамъ, націямъ — государствамъ, какъ къ развитію общечеловѣческаго сотрудничества, общежитія, какъ къ формѣ проявленія человѣческой солидарности, — вытекаетъ также и вся анархистская философія, тотъ утопизмъ, который пытались, но не сумѣли вскрыть марксисты.

Утопизмъ этотъ получаетъ свое завершеніе въ нижеслѣдующихъ парадоксальныхъ сентенціяхъ «научнаго анархизма». О современномъ законѣ, о современной «политикѣ», основанной на представительномъ правленіи, анархистская доктрина, въ своихъ научныхъ потугахъ, выражается нерѣдко такимъ образомъ:

... «Чуждая разума, она не можетъ дать разумныхъ результатовъ. Политика, нелогичный методъ, не можетъ служить для установленія логичныхъ регуляровъ поведения». (Paraf—Javal, «Libre Examen» стр. 7)

«Законъ ... формула произвольная, антинаучная...» (стр. 8)

«... Современная общественная организация противна всякой логикѣ, всякому здравому смыслу...» (Ж. Гравъ, Умир. общ. ст. 4)

Прекраснодушная мораль объявляетъ всѣхъ грабителей и все ихъ историческое твореніе лишенными не только «благороднаго разума», но даже логики и всякаго здраваго смысла. Моралистъ, общающій своими правоученіями передѣлать природу человѣка, совершенно отрицываетъ всякій путь къ реальному пониманію неприкрашенной дѣйствительности, уничтожаетъ возможность посмотрѣть съ открытыми глазами на всю истекшую исторію, высказать правду о ея неумолимой, страшной логикѣ.

«Цивилизованное общество лишено всякой логики», «всякаго здраваго смысла!» Между тѣмъ съ неумолимой, непреклонной логикой оно строитъ въ настоящій моментъ повсюду ту же тюрьму для рабовъ, какъ и сто, тысячу, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, оно обрекаетъ, какъ и тогда, большинство человѣческихъ существъ, еще до рожденія, на пожизненную неволю, на рабскій ручной трудъ.

И сколько уже разъ тюрьма эта подъ ударами угнетаемыхъ казалась, безслѣдно разбивается въ дребезги! Съ желѣзной логикой «народное творчество» вновь возстановляло ее, съ безшибочнымъ здравымъ смысломъ, среди побѣдныхъ ликованій надъ старыми господами новые грабители, въ братскихъ объятіяхъ съ народомъ, въ чаду пѣсенъ о завоеванной свободѣ, воздвигали ее еще болѣе прочной.

Современная общественная организация лишена здраваго смысла!

Съ дьявольскимъ смысломъ, на безчисленныхъ своихъ пунктахъ, во всѣхъ своихъ органахъ, она ежечасно, ежеминутно работаетъ на протяженіи вѣковъ все съ тою же цѣлью — вырвать изъ рукъ раба плоды его трудовъ.

А наука анархистовъ рассказываетъ свои красивыя басни о безпомощности, вѣчныхъ ошибкахъ и отсутствіи логики у господствующихъ!

На борьбу съ желѣзной логикой вѣковой неволи, съ безшибочнымъ здравымъ смысломъ грабителей, она приодѣваетъ рабовъ въ панцырь изъ фантазій и иллюзій, наивности, дѣтскаго довѣрія и мечтаній. Наука анархистовъ учитъ рабовъ не цѣни свои рвать, а усыплять себя.

чтобы возратить цивилизованному обществу его обычное здоровье. Клевета, будто общество в основѣ своей — «коммерческая компанія» и общество паразитовъ. Самъ страшный анархистъ клянется, что каторга рабочихъ, въ этомъ цивилизованномъ обществѣ — лишь временный моментъ, результатъ лишь временнаго вырожденія, лишь случайнаго заблужденія правящихъ классовъ.

Глава современного анархизма на каждой своей страницѣ претендуетъ на званіе прямого совѣтника современнаго общества. Онъ старается быть въ этомъ отношеніи гораздо радикальнѣе соц.-дем.-ин, но онъ становится этимъ лишь болѣе комичнымъ.

...«Во всякомъ случаѣ, не будемъ же терять изъ виду цѣли всякаго производства — удовлетвореніе потребностей. (++) Если самыя существенныя потребности человѣка остаются неудовлетворенными... то посмотримъ... не происходитъ ли это, между прочимъ, оттого, что производство совершенно потеряло изъ виду потребности, приняло ложное направленіе? (+) И если мы увидимъ, что именно въ этомъ лежитъ причина нашихъ недостатковъ, то поищемъ же средства преобразовать производство такъ, чтобы оно на самомъ дѣлѣ удовлетворяло потребностямъ.» (Хл. и Вол. ст. 233).

Это мѣсто какъ будто цѣликомъ выхвачено изъ сочиненія любого русскаго народника, призывавшаго общество устыдиться и не превращать своей счастливой до тѣхъ поръ родины въ капиталистическую коммерческую компанію.

Глава анархизма, какъ и русскіе народники, навнѣ до комизма, когда «неудовлетвореніе существенныхъ потребностей человѣка» онъ считаетъ простымъ промахомъ, вредной ошибкой со стороны существующаго общества, со стороны организаци, имѣющей цѣлью это неудовлетвореніе, имѣющей цѣлью грабежъ рабочихъ массъ. Только наивность или лицемеріе проповѣдника моралиста можетъ разсказывать сказки о томъ, какъ цѣлью всякаго производства является удовлетвореніе потребностей въ томъ цивилизованномъ обществѣ, въ которомъ на протяженіи вѣковъ производство имѣетъ цѣлью лишь паразитное потребленіе господствующихъ классовъ и лишь самый необходимый кормъ для рабовъ.

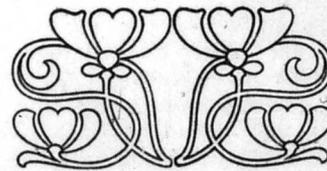
Въ самыхъ рѣзкихъ нападкахъ на современное официальное общество Кропоткинъ не перестаетъ себя чувствовать частицей этого общества, несущей отвѣтственность за всѣ его акты, за дѣйствія всѣхъ членовъ его, даже правителей и плутократовъ. «Мы», — восклицаетъ онъ — «превратили общество въ коммерческую компанію», мы «возлюбили власть, принужденіе и насиліе». Съ наивнымъ довѣріемъ онъ убѣждаетъ современныхъ руководителей производства и ихъ ученыхъ слугъ — экономистовъ — не упускать изъ виду цѣли всякаго производства, — благосостоянія всѣхъ членовъ общества. Каждая страница его сочиненій свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, несмотря на свои якобы всеразрушительныя планы, въ глубинѣ души не умѣлъ обособить себя, своихъ мечтаній отъ заботъ и задачъ правящихъ имущихъ классовъ. Его психологія, его душа, это душа проповѣдника, который несмотря на всѣ анафемы, бросаемаыя обществу, любить это общество, — это душа моралиста, который караетъ пороки любимого имъ общества. Эта психологія ни въ малѣйшей степени не похожа на психологію бунтующаго раба — пролетарія.

ломкѣ приведшей къ голоду 1891 г.» (Ник — онъ «Очерки пор. хоз.»)

(+) Курсивъ нашъ. (++) Подчеркнуто въ подлинникѣ,

Банкротство социализма

XIX столѣтія.

1905.

Банкротство социализма XIX столѣтія.

I.

Рабочій классъ цивилизованнаго міра стоитъ передъ новой эпохой борьбы за свое освобожденіе.

Разразившіеся въ послѣдніе годы великіе взрывы рабочихъ массъ — всеобщія стачки въ Барселонѣ, на югѣ Россіи, въ Италіи — обнаруживаютъ полное банкротство социализма XIX ст., въ его притязаніи быть знаменемъ рабочей революціи.

Дѣло идетъ не только о банкротствѣ соц.-д-тип, которая въ моменты рабочихъ возстаній теряетъ остатки своей революціонной репутаціи и особенно рѣзко проявляетъ свою благонадежность. Послѣднее вовсе не новость.

Всякому извѣстно, что эта «чисто-пролетарская» партія употребила послѣднія десятилѣтія своего существованія на то, чтобы сдѣлаться легальной «партіей порядка» и ожидаетъ нынѣ отъ правительствъ лишь болѣе или менѣе крупныхъ демократическихъ уступокъ буржуазному образованному обществу Европы, чтобы сдѣлаться партіей прямой защиты современнаго строя.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ Италіи, Франціи, въ особенности въ лицѣ ревизионистскаго крыла, она ужъ фактически являлась и является прямой помощницей буржуазіи въ управленіи государствомъ и господствѣ надъ пролетариатомъ. Ортодоксы же, какъ извѣстно, не отвергаютъ этой дѣятельности, а лишь отерачиваютъ ее и удерживаютъ черезъ чуръ нетерпѣливое рвеніе реформистовъ, готовыхъ продать оппозицію соц.-д-ти безъ всякихъ демократическихъ пріобрѣтеній. Ортодоксы лишь торгуются съ правительствами насчетъ размѣра той уступки, послѣ которой — это давно рѣшено — они становятся вѣрнѣйшими защитниками демократическаго государства.

И никто не удивляется, что соц.-д-ія, эта мировая партія, столь необходимая буржуазному обществу для умиротворенія пролетариата, обуздываетъ рабочее возстаніе въ Барселонѣ, обуздываетъ въ Италіи, обуздываетъ въ Россіи, превращая здѣсь нагло и откровенно возстаніе за рабочія требованія въ политическія демонстраціи, въ буржуазную революцію.

Дѣло идетъ о банкротствѣ всѣхъ теченій современнаго социализма, въ томъ числѣ и анархизма.

Современный анархизмъ, въ той же мѣрѣ, какъ и ортодоксальный м-визмъ, рѣшилъ остаться окаменѣлой утопической формулой, за-

свившей фразой. За все время своего обособленного от соц.-д-ин существования, онъ не сдѣлалъ ни въ практикѣ, ни въ своемъ ученіи ни малѣйшаго шага по направленію къ рабочей революціи. Напротивъ, за это время онъ потерялъ даже ту готовность къ революціоннымъ массовымъ движеніямъ, къ рабочему возстанію, которою могъ еще гордиться во времена Бакунина.

Анархизмъ, правда, проявилъ нѣкоторое развитіе за послѣднее время, но фатально изъ этого развитія получается движеніе въ томъ же направленіи, что и у соц.-д-ин—движеніе къ легализаціи. Возникаютъ—или теченія «научнаго анархизма», «проникающаго», какъ гордятся сами его творцы, «во все классы общества», или—въ рабочей средѣ—анархистскій тредюнионизмъ. Дѣло всеобщей стачки въ рукахъ французскихъ анархистскихъ синдикатовъ превращается въ легальную пропаганду идеи всеобщей стачки, изъ чего можетъ получиться лишь новаго рода «демонстрація въ пользу» какого либо требованія, но никоимъ образомъ рабочее возстаніе.

Анархисты смотрѣли безпомощно, какъ соц.-д-ия, обуздывая всеобщую итальянскую стачку, цѣликомъ использовала ее для своего «политическаго прогресса». И не удивительно: окаменѣвшее анархистское ученіе не въ состояніи выдумать ничего другого, кромѣ претерпѣвшей столько разъ фiasco утопіи о томъ, какъ съ наступленіемъ революціи отдѣльные города провозгласятъ особыя «коммуны» и приступятъ къ «попыткамъ социалистическаго производства». Эта «программа» — игрушки Луи Блана въ 48 г. и прудонистскихъ коммунаровъ въ 71 г. Она направляетъ возбужденную мысль стачечниковъ къ мирной утопіи, умиротворяетъ ихъ умъ перспективой предстоящей якобы немедленно «честной трудовой социалистической жизни». Она не только не освобождаетъ ихъ отъ ошибки оппортунистическихъ представителей Миланской биржи труда, а напротивъ, указывая послѣднимъ на необходимость немедленнаго «социалистическаго строительства», даетъ въ руки этимъ дипломатамъ лучшее средство успокоенія массъ. Эта утопія наконецъ—и это самое важное—оставляетъ въ сторонѣ сосредоточенную силу, объединенное могущество всехъ имущихъ—ихъ центральную государственную власть. Отворачиваясь отъ нея, она освобождаетъ законъ отъ прямого на него нападенія рабочихъ массъ съ ихъ собственными требованіями, съ ихъ приказаніями, въ то время, когда разливающееся по всей странѣ возстаніе таитъ въ своей глубинѣ именно стремленіе къ непреклонному, неумолимому, всемогущему ихъ господству надъ государственной властью, надъ закономъ. Анархистская доктрина съ ея застывшими утопіями и фикціями, можетъ лишь парализовать рабочую революцію.

Итакъ подъ руководствомъ современныхъ социалистовъ рабочія массы выходятъ изъ крупнѣйшихъ своихъ движеній ни съ чѣмъ.

Современные социалисты, какъ социалдемократы, такъ и «безгосударственники» ведутъ рабочій классъ куда то въ сторону отъ рабочей революціи.

Настанетъ время, когда рабочія массы, поднимая свои всеобщія стачки—возстанія, подведутъ итогъ всей дѣятельности социалистовъ и своему у нихъ воспитанію. И результатъ окажется слѣдующій:

Рабочій классъ, въ продолженіе десятилѣтій выращиваетъ въ своей средѣ тысячи пропагандистовъ, агитаторовъ, ораторовъ; журналистовъ, литераторовъ, ученыхъ, и все эти социалистическіе мудрецы, берущие на себя обязанность подготовить и организовать пролетариатъ для окончательной его борьбы, въ минуту рабочихъ возстаній ничего, совершенно ничего не въ состояніи предпринять для превращенія взрыва массъ въ рабочее возстаніе, въ рабочую революцію.

И передъ лицомъ рабочихъ возстаній къ отчету привлеченъ будетъ весь современный социализмъ, суду подвергнутся все основы его ученія.

II.

«Обобществленіе орудій труда» — вотъ основной символъ социалистической вѣры истекшаго столѣтія, панацея всеобщаго спасенія въ (социалистическомъ раѣ.*)

Эта утопическая формула освобожденія рабочихъ, въ такомъ видѣ какъ возникла въ умѣ первыхъ утопистовъ, живетъ все вѣкъ, не смотря на многочисленныя фiasco, которыя она постоянно терпѣла.

Никакія крушенія и бѣдствія узавить ее не въ состояніи именно съ тѣхъ поръ, какъ ей удалось объявить себя не прямымъ дѣломъ настоящаго момента, а ... идеаломъ. Извѣстно, что злоключенія исповѣдующихъ какой либо идеаль не только не колеблютъ ихъ кумира, а напротивъ еще болѣе его возвышаютъ.

Такое именно счастье и постигло социалистическую формулу «обобществленія производства». Получивъ неизлечимые удары, она заявила, что не она сама не годна, а виноватъ низменный міръ, еще не доросшій до нея.

Для социалистическаго идеала все прошлыя и все будущія неудачи вѣрующихъ въ него, вовсе не неожиданность. Идеаль съ каждымъ разомъ все увѣреннѣе повторяетъ: пытающіеся сорвать еще не созрѣвшій плодъ не достигаютъ, понятно, своей цѣли.

Развѣ-жъ это дѣло идеала пытаться осуществить полное счастье въ современномъ мірѣ? Да этотъ низменный міръ, не понявшій еще идеала, даже и не достоинъ этого.

Дѣло идеала воспитывать человѣчество для будущаго счастья, доступнаго лишь нашимъ потомкамъ; вселять въ сердца современниковъ «непоколебимую увѣренность въ наступленіе» социалистическаго рая, наступленіе неизбежное, какъ наступленіе дня послѣ ночи; вселять эту увѣренность даже тогда, когда будничная жизнь идетъ куда-то совсѣмъ не въ сторону идеала.

Социалистическая панацея — «обобществленія» обезпечила себѣ долговѣчность на правахъ идеала, на правахъ религіи.

*) Женевскій делегатъ русской соц.-д-ин, въ своемъ отчетѣ объ Амстердамскомъ конгрессѣ рассказывалъ, что отъ всякаго участника вселенскихъ социалистическихъ соборовъ требуется при вступленіи въ нихъ, такъ сказать, осѣнить себя крестомъ социализма. Вѣришь въ бога? вѣришь въ «обобществленіе»? спрашиваютъ каждого, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта открываютъ передъ нимъ двери собранія.

Но родился социализм вовсе не в видѣ религіи. Даже попытки соединенія его съ христіанствомъ, которыя дѣлались нѣкоторыми изъ первыхъ социалистовъ, хотя и являлись самымъ яркимъ свидѣтельствомъ ихъ утопичности, все же удерживали еще характеръ конкретнаго дѣла, подлежащаго осуществленію въ современный имъ историческій моментъ, а не религиозной проповѣди о счастіи будущихъ поколѣній.

Социалистическое преобразование лишь послѣ ряда неудачъ, лишь постепенно становилось «конечною цѣлью», осуществленіе которой превышаетъ силы и средства современниковъ. Но по скольку выросло такое убѣжденіе, социализмъ неизбежно становится идеаломъ, принужденнымъ предварительно перевоспитать умъ и чувства порабощенныхъ массъ, маякомъ, долженствующимъ освѣщать трудный и долгій путь, системой вѣрованій, утѣшающихъ и укрѣпляющихъ массы въ ихъ жизненной борьбѣ среди ихъ страданій и рабства.

Сто лѣтъ такого развитія успѣли однако придать современному социализму уже всѣ существенныя черты религіи.

Социализмъ XIX ст., какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ теченіяхъ, выступающихъ въ различныя времена или въ различныхъ странахъ цивилизованнаго міра, начинается обыкновенно свою исторію фазой такъ называемаго нынѣ «экономическаго доктринерства». Онъ принужденъ это дѣлать, поскольку онъ рассчитываетъ и по скольку онъ оказывается въ состояніи завладѣть хоть на время рабочимъ движеніемъ.

Въ этотъ именно періодъ социализму удается установить за собой репутацію учения, которое впервые въ исторіи человѣчества хотеть накормить ограбленныхъ и голодныхъ не «словомъ божьимъ», не проповѣдью «царства небеснаго», и счастья будущихъ поколѣній, не «правоченіями и наставленіями на путь идеаловъ, хорошихъ дѣлъ, и честной жизни, а настоящимъ хлѣбомъ. Только лицемеріе и обманъ берегся устроить счастье и благосостояніе порабощенныхъ, не измѣняя ихъ положенія рабовъ и ограбленныхъ. Только господствующая буржуазія имѣетъ наглость пѣть живыя пѣсни о доступной для всѣхъ «политической свободѣ», о ея цѣнности даже для голоднаго, о свободѣ въ самомъ рабствѣ, о свободѣ рабовъ, которыя мольмогутъ сдѣлаться «свободными гражданами» свободнаго отечества, не переставая быть его рабами. Этимъ обманомъ буржуазія увлекла пролетаріатъ въ свою политическую революцію и заставила его проливать кровь за чужое ему дѣло, за освобожденіе своихъ эксплуататоровъ, за дѣло преобразования и укрѣпленія неволи. Социализмъ впервые организуетъ борьбу рабовъ за ихъ собственное дѣло, подъ его знаменемъ рабочие будутъ бороться только за себя. Онъ готовитъ не политическую, а экономическую революцію, которая накормитъ всѣхъ голодныхъ, всѣмъ порабощеннымъ и ограбленнымъ обеспечитъ равное владѣніе наслѣдіемъ вѣковъ — богатствами земнаго шара, обеспечить всякому полный продуктъ его труда.

Кто же изъ современныхъ социалистовъ не знаетъ, что все это лишь незрѣлыя мысли «еще не развившагося пролетарскаго сознанія»,

давнымъ давно и безповоротно пройденная стадія «экономической утопии», стадія утопизма, не считающагося съ дѣйствительной жизнью и обреченнаго на безплодіе? Практика современныхъ социалистовъ прямо противоположна дѣтскимъ затѣямъ первоначальныхъ утопистовъ.

Значитъ ли это, что измѣнились такимъ кореннымъ образомъ самыя желанія социалистовъ? Ни въ коемъ случаѣ. Идеалъ не измѣнился и стоитъ непоколебимо. Это жизнь съ ея суровыми уроками внушила социалистамъ глубокое, безошибочное познаніе, по которому социалистическія желанія возможно осуществить лишь на пути прямо противоположномъ социализму. Вся мудрость современной «пролетарской науки» состоитъ въ знаніи, что такой ходъ вещей не только неизбеженъ, но и вполне естествененъ, даже желателенъ.

Для того, чтобы разрушить тотъ міръ лжи, который, ограбивъ большинство человѣчества, и приговоривъ его этимъ грабежомъ къ рабству и невѣжеству, призываетъ его потомъ къ самопомощи, самовершенствованію, совѣтуетъ смягчать страданія молитвами и пѣснями о величій міра и царящаго въ немъ всеблагаго провидѣнія; для того, чтобы положить конецъ этому издѣвательству надъ порабощеннымъ человѣкомъ, — социалисты сами несутъ и не одному еще поколѣнію рабовъ понесутъ не менѣе величественную проповѣдь о новомъ ихъ счастьѣ въ будущемъ, о доступномъ имъ потомкамъ социалистическомъ раѣ; они сами принялись на это время точно также, съ помощью возвышенныхъ идей, съ помощью пѣсенъ о величій идеала смягчать и каторжный трудъ, и муки голода, и рабскую приниженность; они сами взялись учить, воспитывать и призывать къ саморазвитію и самовершенствованію тѣ массы, которыя законами грабежа обречены на невозможность развитія.

Лишь непоправимый утопистъ, лишь прямолинейный, заоблачный доктринеръ можетъ находить страннымъ этотъ естественный и единственный путь человѣчества къ достиженію всеобщей свободы.

Для того, чтобы вырвать пролетаріатъ изъ сѣтей тѣхъ лжеученій, благодаря которымъ рабочие въ буржуазныхъ революціяхъ служили лишь пушечнымъ мясомъ, для того, чтобы впервые въ исторіи человѣчества рабы смогли бороться только за себя, социалисты сами берутся довершить покинутое буржуазіей дѣло политической свободы и буржуазнаго демократическаго прогресса, и тамъ, гдѣ буржуазная революція еще не наступила, она будетъ совершена самими пролетаріатомъ при свѣтѣ социализма. Освобождая буржуазію, пролетаріатъ однако не послужитъ уже больше ея орудіемъ. Напротивъ, коварный врагъ пролетаріата не только будетъ освобожденъ и удовлетворенъ, но еще одновременно и обманутъ; пролетаріатъ и укрѣпляетъ буржуазное господство и одновременно его ослабляетъ.

Этой испытанной, безошибочной политики, этой столь ясной, столь безпрекословной логики можетъ не понимать въ настоящее время только круглый невѣжа, ничему не учившійся.

Всѣ великіе гении социалистической науки, всѣ сильные и гибкіе умы испытанныхъ пролетарскихъ политиковъ сто лѣтъ трудились, пока впервые на земномъ шарѣ не осуществилась у нихъ басня о томъ... какъ и волки сыты, и овцы цѣлы.

И столѣтнее социалистическое воспитаніе рабочихъ массъ приносить по истинѣ неоцѣнимые плоды.

Оздоровленіе современныхъ государствъ и современнаго строя путемъ его демократизаціи социалистическіе рабочіе всего міра сдѣлали своимъ собственнымъ, своимъ кровнымъ дѣломъ.

Вдохновленные возвышенной социалистической проповѣдью, рабочіе уже умѣютъ повсюду въ Европѣ выходить на улицу и проливать свою кровь за то, чтобы завоеваніемъ всеобщаго избирательнаго права передать управление страной изъ рукъ негодныхъ консерваторовъ въ руки либеральныхъ своихъ господъ.

При свѣтѣ своей «социалистической» правды польскіе рабочіе не могутъ больше стерпѣть той несправедливости, которой подвержено ихъ привилегированное общество подъ царскимъ гнетомъ. Они идутъ въ тюрьму и ссылку, идутъ подъ штыки и пули за то, чтобы взимаемая съ нихъ прибыль доставалась не чужеземному узурпатору, а настоящему ея владѣтелю—польскому буржуазному обществу, польской интеллигенціи.

И подъ пролетарскимъ знаменемъ польскій народъ завоюетъ наконецъ то, что не удалось шляхтѣ—возвратить привилегированному обществу его потерянное государство.

Наконецъ и въ Россіи социализмъ, какъ идеалъ настоящей справедливости, благодѣтельствуетъ всѣмъ классамъ населенія. Столѣтніе поиски либеральной интеллигенціи за народной революціонной силой, которая бы вырвала несмѣтные и несмѣтно растушія богатства громаднѣйшей имперіи изъ рукъ кучки царскихъ генераловъ, бюрократовъ, вельможъ и кулаковъ и выростила на эти средства столь же свободно и самолично, какъ и на Западѣ, правящее образованное общество, эти столь трагическіе поиски увѣнчались наконецъ, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія полнымъ успѣхомъ.

Социализмъ въ его совершенномъ видѣ, въ видѣ научнаго социализма, открытъ и превосходнѣйшимъ образомъ воспиталъ и дисциплинировалъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную партію, какъ лучшее орудіе европеизаціи Россіи. И въ хорѣ недавнихъ веселыхъ «весеннихъ» напѣвовъ побѣдоносно ликовавъ русское подполье какъ въ ультрапролетарской «Искрѣ», такъ и въ ультрасоциалистической «Революціонной Россіи» по поводу того, что въ ихъ родномъ обширномъ отечествѣ всюду, даже буржуазные недоросли знаютъ, что организованный въ самостоятельную партію пролетаріатъ и революціонный социализмъ есть сила либеральной буржуазіи и лучшее ея приобрѣтеніе послѣдняго времени, которое доставилъ ей русскій революціонеръ, и за которое она въ ближайшемъ будущемъ щедро вознаградитъ его, какъ своего вѣрнѣйшаго слугу.

И даже не съ чувствомъ прискорбной «необходимости», а, напротивъ, съ энтузіазмомъ социалистическій пролетаріатъ осуществляетъ повсюду въ цивилизованномъ мірѣ планы, мечты и идеалы радикальной буржуазіи. Съ гордымъ сознаніемъ собственного великодушія и «безкорыстія», онъ умѣетъ оказывать услуги врагу и господину безъ малѣйшаго расчета на его взаимную уступку—всякое «торгашество» въ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ ниже собственного достоинства.

На протяженіи тысячелѣтій жрецами, попами, всевозможными проповѣдниками и ученými слугами господъ изобрѣталась одна ложь, сплошной обманъ, какъ обычная «духовная нища» для поработенныхъ массъ.

И лишь въ XIX столѣтіи для нихъ засіяла наконецъ настоящая правда. При свѣтѣ социалистической науки, подъ руководствомъ самоотверженныхъ ея апостоловъ рабы цивилизованнаго міра вступили наконецъ на несомнѣннѣйшій путь своего прямого освобожденія, приобрѣли свое истинное пролетарское классовое сознаніе.

Въ чемъ же наконецъ сущность этого социалистическаго сознанія?

Пролетаріатъ, какъ «самый безкорыстный борецъ за свободу», какъ «самый прогрессивный и самый революціонный классъ современнаго общества», въ предстоящей ему, еще очень долгой и кровавой борьбѣ, совершая всѣ необходимыя-отсталому міру буржуазныя революціи, освободить всѣ по очереди слои собственниковъ, уже существующихъ и вновь возникающихъ, тѣ слои, которымъ остатки феодализма и абсолютизма мѣшаютъ сдѣлаться полноправными участниками буржуазнаго грабежа.

Рабы цивилизованнаго міра, раньше чѣмъ низвергнуть строй эксплуатаціи, усилить его и усовершенствуютъ: собственными руками умножать количество участниковъ грабежа и въ тюрьму, въ которой они рождаются, для скорѣйшаго ея разрушенія, они предварительно укрѣпляютъ и украшаютъ.

Вотъ къ какому «пролетарскому сознанію» свелась сущность той правды, которая засіяла передъ взорами рабовъ міра впервые въ XIX столѣтіи.

Социализмъ сдѣлался такою же самою идеологическою системою освященія современнаго строя, его заботъ, задачъ и плановъ, такою же санкціей всего буржуазнаго прогресса, какою являлась всякая религія для взростающей ея формы неволи.

Современному социалисту безусловно желательно развитіе буржуазнаго строя и несомнѣнно дорогъ самъ этотъ строй*) уже потому, что онъ «предпосылка социалистическаго общества», что онъ «скрываетъ въ себѣ» такія «тенденціи», которыя властно «требуютъ коммунизма».

Религія умѣла освятить всякій гнетъ и всякое насиліе, въ самыхъ ужасныхъ кровопролитіяхъ открывать высшія общественныя цѣли.

Точно также современный социализмъ въ разнузданной эксплуатаціи и открытомъ грабежѣ нашего времени сумѣлъ найти тайный смыслъ и объективную цѣлесообразность: развитіе буржуазнаго общества давно направляется къ коммунизму, независимо отъ того, каковы дѣйствительныя цѣли и сознательныя усилія участниковъ этого процесса.

*) Въ эпоху народженія русской соц-демократіи, въ видѣ легальнаго марксизма, защита капиталистическаго развитія считалась тождественной пролетарскимъ коммунистическимъ стремленіямъ.

Общую всем религиям функцию освящения существующаго строя социализм XIX столетия исполняет въ роли науки.

Современный социализм, рѣшивъ сдѣлаться «общественною наукою» XIX вѣка, долженъ былъ тѣмъ самымъ стать настоящимъ опекуномъ историческаго развитія, опекуномъ, истолкователемъ и совѣтникомъ современнаго историческаго момента и его «нуждъ».

Такъ какъ образованное общество есть организациа неволи большинства человѣчества, такъ какъ нельзя быть одновременно и опекуномъ этой организациа, и выразителемъ возмущенія рабовъ противъ нея, то социалистическая наука неизбежно пришлось сдѣлаться успокоителемъ, усмирителемъ этого возмущенія. И «атеистическая», «позитивная» наука социалистовъ XIX вѣка создала при помощи своихъ «строга научныхъ средствъ», не что иное, какъ новую, социалистическую религію.

Однимъ признакомъ цивилизованнаго общества — государства и научнымъ объектомъ социологіи, социалистическая наука становится опекуномъ современности, гасителемъ мятежа рабовъ, обычною учёною ложью.

Цивилизованное общество т. е. организациа неволи и ея развитіе современный социализмъ, становясь наукою, долженъ былъ признать и признать законосообразными формами общезжитія, которыя, въ конечномъ счетѣ, удовлетворяютъ, каждая въ свое время, общечеловѣческимъ потребностямъ и возникаютъ естественно на основаніи опредѣленной общественной общечеловѣческой необходимости.

Передъ лицомъ рабовладѣльцевъ и рабовъ всѣхъ вѣковъ, — этихъ двухъ расъ въ человѣческомъ родѣ, двухъ расъ, въ силу законовъ грабежа, несоединимыхъ, на подобіе двухъ животныхъ видовъ и вырастающихъ неизбежно въ каждомъ человѣческомъ поколѣніи, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, — *социалистическая наука изобрѣтаетъ свою религіозную фикциа единаго человечества съ единою необходимостью.* Возвеличивъ послѣднюю въ рангъ исторической неизбежности, современный социализмъ пріучаетъ массы и ихъ мятежныя чувства суевѣрно преклоняться передъ измышленной фикциа, какъ передъ сверхъестественной, неподлежащей человѣческому воздействию ипстанциа.

Для скорѣйшаго воспріятія массами идеи всевластной сверхъестественной сущности, научная религіа социалистовъ, какъ всякая другая религіа, обставляетъ дѣло очень соблазнительно и заставляетъ эту сущность быть, прежде всего, въ высшей степени милостивой. «Съ естественной необходимостью» какъ день послѣ ночи, «независимо отъ воли людей» (въ силу экономическихъ законовъ), наступаетъ коммунистическій строй. («Экономическіе законы», «экономическая необходимость», «вѣи человѣка» живущіе, — это лишь укрывшееся за научными фразами, старое благодѣтельное божественное провидѣніе.

Не важно, что предсказанія приходится съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше отсрочивать. Вѣдь вся суть въ томъ, чтобы внушить современнымъ рабамъ ту самую увѣренность въ наступленіи социалистическаго рая, какою жили христіане въ ожиданіи царства небснаго; вскормить въ массахъ вѣру въ содѣйствіе исто-

рическихъ законовъ отъ воли людей независимыхъ, ту самую вѣру, создать которую для усыпленія рабовъ является задачей всякой религіи; укрѣпить то идолопоклонство передъ грозными и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивыми силами природы, которымъ попы не хуже тюрьмы укрощаютъ бунтовскую духъ рабовъ.

Злодѣство «Коммунистическаго Манифеста» по поводу того, что буржуазія разрушила всякую религію, всякія идиллическія иллюзіи среднихъ вѣковъ, и нечѣмъ ей болѣе прикрыть свою голую эксплуатаціа, оказалось совершенно преждевременнымъ. Мало того: его приходится считать въ настоящее время лишь необходимымъ и очень полезнымъ для буржуазнаго міра той эпохи предостереженіемъ объ опасности. Изъ коммунизма авторовъ «Манифеста» выросло нѣчто для нихъ неожиданное: марксизмъ въ большей степени, чѣмъ какое либо другое социалистическое ученіе, выработалъ именно систему усыпительныхъ иллюзіи для рабовъ буржуазнаго строя, явился религіознымъ ученіемъ о законности, цѣлесообразности, благодѣтельности буржуазнаго прогресса, о его исторической миссиа подготовленія социалистическаго рая.

На Гаагскомъ конгрессѣ Интернаціонала (въ 72 г.) Марксъ предостерегалъ бакунистовъ о томъ какъ бы ихъ «чистая» проповѣдь одной «конечной цѣли», не желающая заниматься будничными дѣлами настоящаго момента, какъ бы эта проповѣдь не уготовила рабочимъ судьбы первыхъ христіанъ. Но не долго пришлось ждать, пока обнаружилось совершенно ясно, что и марксистская проповѣдь, призывающая «самостоятельныя рабочія партіи» къ «участію въ политической жизни» каждой страны, для завоеванія якобы пролетаріатомъ власти, гарантируетъ рабамъ современнаго общества ничуть не болѣе того, что получили отъ христіанства рабы того времени.

По прошествіи почти четверти вѣка со времени Интернаціонала, когда марксистская теорія и практика, выяснивъ вполне свою историческую роль, окончательно легализировались, Энгельсъ (въ извѣстномъ предисловіи къ Марксовой «Классовой борьбѣ во Франціи») не только принужденъ констатировать фактъ, но даже прямо ликуетъ по тому поводу, что побѣда социалистовъ XIX вѣка складывается совершенно такъ же, какъ и побѣда христіанства. Социалистовъ точно такъ же, какъ и первыхъ христіанъ, государственная власть пытается истребить, преслѣдуетъ всевозможными исключительными законами, но въ концѣ концовъ она принуждена согласиться на ихъ официальное существованіе. И современныхъ социалистовъ, въ лицѣ соц. д.-ихъ партій, столь быстро повсюду растущихъ, ждетъ столь же полная побѣда, какою одержали нѣкогда въ римскомъ государствѣ христіане, возведя, наконецъ, на императорскій престолъ сторонника евангелія. *)

*) Это та самая статья, гдѣ объявлено міру, что время уличныхъ возстаній прошло, та самая статья, въ которой Зомбартъ съ полнымъ основаніемъ увидѣлъ «искреннюю» предсмертную исповѣдь бывшаго коммуниста-заговорщика, раскаивающагося въ своихъ бланкистскихъ прегрѣ-

Каковъ дѣйствительный смыслъ этого заявленія, сдѣланнаго самимъ основателемъ научнаго социализма?

Подобно христіанамъ, социалисты дождутся окончательной победы въ существующемъ классовомъ строѣ. Рабама міра социалистическая проповѣдь XIX столѣтія, подобно евангелію Христа, не сета лишь смяченіе формы ихъ неволи.

Быстрый и безостановочный ростъ социалистическихъ партій второй половины истекшаго столѣтія — это вовсе не ростъ боевой арміи, приближающей ее неуклонно къ низверженію строя неволи. Это — распространение социалистическаго вѣроисповѣданія.

Съ умноженіемъ числа социалистовъ вовсе не приближается возможность непосредственной экспроприаціи имущихъ, но напротивъ, нападеніе на грабителей завѣщается и передается все больше и больше въ руки будущихъ поколѣній, и социалисты, вмѣстѣ съ приобретеніемъ новыхъ силъ, ощущаютъ все сильнѣе лишь потребность подготовленія, исцѣленія, развитія современнаго строя.

Въ настоящее время лишь самыя ретроградныя правительства имѣютъ наглость клеветать на социалистовъ, будто они враги существующаго порядка, заговорщики, строящіе въ своихъ обществахъ злонамѣренные планы испроверженія устоевъ современной общественной жизни.

Итъ! Милліоны, ставшіе «подъ краснымъ знаменемъ социализма» — это благонамѣренные и мирные граждане буржуазнаго общества. *) Если въ болѣе отсталыхъ странахъ они еще примѣняютъ насилие и прибѣгаютъ къ оружію, то ни коимъ образомъ не противъ устоевъ буржуазной жизни, а противъ помѣхъ, стоящихъ на пути свободному буржуазному развитію. †

Милліонныя социалистическія партіи — это арміи лучшихъ бойцовъ за прогрессъ буржуазнаго общества и единственная сила способная исцѣлить современную общественную жизнь отъ ея недуговъ и противорѣчій. Только тѣ народныя массы, которыя глубоко проникнуты социалистическимъ идеаломъ и непоколебимо увѣрены въ непрерывномъ своемъ движеніи къ социалистическому раю, способны проявить достаточную энергію и энтузіазмъ для подавленія ретроградныхъ, выродившихся элементовъ общества, для освобожденія новыхъ, полныхъ жизни буржуазныхъ силъ, для устраненія существующихъ

шенія въ молодости, и изъ которой Бернштейнъ, по его собственному признанію, черпалъ вдохновеніе, одобреніе и поощреніе для своихъ ревизионистскихъ подвиговъ.

*) Не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи и анархистскіе социалисты. Рѣшивъ завладѣть всецѣло синдикальнымъ движеніемъ, они столь же чужды и враждебны, какъ и соц-д-ты, всякой мысли о тайной рабочей организаціи, о всемірномъ заговорѣ рабочихъ. Не смотря на грозные всеразрушительные планы, которые размалеваны въ ихъ брошюркахъ и которымъ суждено остаться на бумагѣ, они въ своей мирной пропагандѣ идеи всеобщей стачки, влекутъ рабочихъ къ той же утопіи, что и соц-д-ія, къ подготовленію революціи, рабочаго возстанія путемъ дозволенныхъ закономъ средствъ, на глазахъ полиціи, при полной откровенности по отношенію къ демократическимъ правительствамъ.

еще въ мірѣ и мѣшающихъ буржуазному развитію старыхъ деспотій.

Социалистическая религія, и только она, можетъ увлечь массы въ буржуазную революцію, въ борьбу на жизнь и смерть за достиженіе полного господства буржуазіи.

Итакъ, современныя социалистическія партіи достигли своего безостановочнаго и беспредѣльнаго роста, роста на глазахъ закона, тѣмъ, что сдѣлали своей основной задачей объединеніе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ буржуазнаго общества.

Только «подъ краснымъ знаменемъ социализма» находятъ свое выраженіе и удовлетвореніе всѣ «здоровые», способные къ жизни и развитію, къ движенію впередъ элементы современнаго строя. Въ социалистическаго движенія одинъ застой, одно вырожденіе.

Такимъ именно способомъ водружалось социалистическое знамя всѣми теченіями социализма истекшаго столѣтія. Въ такомъ именно видѣ утверждено оно особенно въ настоящее время, какъ у «государственниковъ», такъ и у анархистовъ. *) Въ рядахъ соц-д-ии о роли социализма, какъ спасителя и выразителя прогресса буржуазнаго общества ортодоксы поютъ не хуже конечно, а напротивъ, гораздо красивѣе, чѣмъ ревизионисты. **)

Социализмъ XIX столѣтія — это религія, исцѣляющая и укрепляющая современный строй, строй грабежа и рабства.

Соц-д-ія, та самая, которая такъ громко возвѣстила о своемъ рожденіи, какъ объ окончательномъ разрывѣ со всякими идеалистическими и религіозными теченіями исторіи, именно соц-д-ія и, прежде всего, ея первообразъ — германская соц-д-ая партія, выразила религіозную роль социализма наиболее полнымъ всестороннимъ образомъ.

Изобрѣта въ своей «пролетарской» наукѣ социалистическое провидѣніе, соц-дем-ія, въ своей практикѣ научила рабочія массы терпѣливо выжидать наступленія социалистическаго рая и въ коммунистическихъ молитвахъ благословлять буржуазный прогрессъ.

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ росла соц-д-ія, какъ число ея приверженцевъ поднималось съ сотенъ на тысячи, съ тысячь на милліоны, въ той же самой мѣрѣ, въ сознаніи всѣхъ соц-д-овъ «конечная цѣль» все болѣе и болѣе уходила въ даль вѣковъ и наконецъ стала въ мракѣ будущаго совершенно исчезать и расплываться.

Никакой ростъ соц-д-ии не въ состоянн удержать марксистской «конечной цѣди» благополучно странствующей въ сферѣ мечтаній о заgrabной жизни.

Апокрифическая, «объективной», «отъ воли людей независимой» «катастрофѣ промышленности» такъ и суждено, при буржуазномъ прогрессѣ удалиться съ каждымъ днемъ въ безконечность.

И хотя бы силы и численность міровой соц-д-ии востократно возросли, единственнымъ результатомъ этого развитія будетъ прогрессъ

*) Кроноткинъ «Распаденіе совр. строя» и др.

**) «Въ настоящее время интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами націи». — Каутскій.

классового строя, некоторые завоевания в области политических форм и полная буржуазная благонадежность соц-д-ин.

Тогда то наступит тот желанный момент, который грезили в предсмертных мечтаниях основателю научного социализма, тот момент, когда соц-д-ия из «партии порядка» становится партией правительственной, — партией изучившей в совершенстве искусство управлять строем грабежа и неволи рабочих масс.

Ревизионизм не представляет собою какого либо искажения или вырождения соц-д-ой мысли. Напротив, он естественный шаг в ее развитии, необходимая ступень в выработке соц-д-аго самосознания.

Но ревизионистская «ересь» формулировала итоги и перспективы соц-д-аго движения слишком откровенно, слишком поспешно, а потому и легкомысленно, и обнаружила этим самым непонимание сложности соц-д-их задач и их осуществления. Только за эту излишнюю откровенность и несдержанность, ревизионисты подверглись столь жестоким нападениям со стороны марксистской ортодоксии.

Ибо, что касается основных программных выводов ревизионизма, то какой же ортодокс посмеет отвергать их?

— Насильственный способ борьбы, вооруженная революция допустима лишь против сил, мешающих учреждению и развитию современной демократической свободы...

— Заговор, насилие, революционное нападение на свободный демократический народ — безумие...

— Насильственное преобразование общества в духе экономического равенства, насильственная социалистическая экспроприация — абсурд...

— Соц-д-ия осуществить свои цели путем реформы, как выражение свободной народной воли в демократическом государстве...

Какой же ортодокс, хоть бы он соединял в себе всю пролетарскую пылкость Бебеля, весь непреклонный революционизм старого Либкнехта, всю марксистскую чистоту Каутского, Плеханова и Гада, какой же ортодокс может отвергнуть хоть одно из вышеприведенных ревизионистских положений, после того, как целыми годами все «ученики» вырабатывали эти соц-д-ия аксиомы в непрерывной героической борьбе со всякими «истериками насильственного переворота», со всевозможными анархистами?

Хотя для нападения на реформистскую «ересь» объединились в действительности все вышеназванные соц-д-ия добродетели, однако же от этого союза благочестивых не суждено было пострадать, как известно, ни одному еретнику.

Нападение правых соц-д-ов на «ересь» имело целью лишь научить бернштейнцев сдержанности и прекратить их до скандальности откровенную болтовню о том, что выработанная пролетарская практика представляет собой лишь формулу буржуазного прогресса.

Естественно, что в результате победоносной борьбы ортодоксов с ревизионистами, планы последних несколько не пострадали, а создалось лишь такое положение, при котором ревизионисты приобрели возможность все свои планы проводить под флагом марксистской ортодоксии.

При помощи одной «красной» резолюции Дрезденского съезда германская соц-д-ия, заключавшая только что, по крайней мере, столько же приверженцев ереси, сколько и правых, моментально очищается, становится вновь вся сплошь самой ортодоксальной, самой революционной. Не исключив ни одного из оппортунистов, она тем не менее с тех пор не заключает больше ни малейшей доли «реформистского оппортунизма». Этот замечательный способ удаления из партии всяких бернштейнских элементов, так просто и вместе с тем так радикален, что под ним с таким же удовольствием подписывается Бернштейн, как и Бебель.

Счастливо удавшийся в Германии способ возрождения и очищения соц-д-ой партии, послужил последнему социалистическому международному конгрессу превосходным средством облачить всю грязь, наросшую за последние годы на «красном социалистическом знамени», в белую, чистую одежду вечно безпорочной пролетарской партии Германии.

Амстердамский конгресс, кроме того, постарался наглядно показать, что для «торжества социализма», одинаково дороги и марксистская ортодоксия и ревизионизм. Это два необходимых элемента социалистической церкви, дополняющие друг друга. Еще раз обнаружилось, что всякая горячая ссора между этими двумя якобы непримиримыми полюсами соц-д-аго движения, предвещает, как во всяком счастливом супружестве, лишь более горячее и скоро предстоящее примирение. Чем с большим жаром Бебель и Жорес отлучали накануне друг друга от социалистической церкви, тем с большей любовью, в следующем заседании конгресса, они призывали друг друга к единению ad maiorem gloriam социалистического знамени.

Что означает вся эта комедия, разыгрываемая на глазах вбурюющих всего мира, все наглое бахвальство ортодоксов, все их живые уверения в своей непримиримости по отношению к изменникам ревизионистам?

Это та самая атмосфера безстыдной фразы, ханжества и усыпляющего обмана, в которой создавались все церкви, все религии.

Демократический буржуазный строй ортодоксы возлюбили не в меньшей мере, чем жоресисты и дальнейшее его развитие они, наравне с последними, считают уже осуществлением «царства свободы и справедливости». Но им дано большее, чем ревизионистам понимание того, с какими трудностями связан этот буржуазный прогресс, а главное, его распространение на весь земной шар. Они понимают сколь сильное давление должны произвести для этого на консервативные силы современного строя пролетарские массы. Если рабочая масса лишит социалистической религии, если в них поколеблется уверенность в том, что их участие в развитии «политической и промышленной демократии» есть единственный и несомненный путь в социалистический рай, то, одинаково дороги и ортодоксам и ревизионистам цели соц-д-ии, т. е. буржуазный прогресс, не осуществятся.

Поскольку выступление Бернштейна было покушением на самое социалистическую религию, на безошибочное марксистское евангелие

лишь постольку ортодоксамъ предстояло обуздать бернштейнианство и привести его въ самосознаніе.

Соц-д-ать долженъ, конечно, понимать, что, какъ это показали Бернштейнъ, въ системѣ марксизма сдѣлалось фразой многое — «горсть магнатовъ капитала», всемірная всеисцѣляющая «катастрофа промышленности», «насильственная диктатура прлетаріата» и т. п. Но горе ему, если онъ забудеть, что въ эти фразы должны вѣрнѣ непоколебимо тѣ массы, котѣрымъ въ борьбѣ за буржуазный прогрессъ, въ буржуазныхъ революціяхъ предстоитъ быть душечнымъ мясомъ.

Соц-д-ть долженъ, подобно Жоресамъ, вкладывать всю свою душу въ буржуазный прогрессъ и его нужды, но онъ обязанъ также поучиться у ортодоксальнаго архиучителя — Кауцкаго жонглерскому искусству превращать эти нужды въ «чисто пролетарскія» въ «соціалистическія».

Соц-д-ть можетъ развивать и истолковывать свое марксистское ученіе даже до полнаго его согласія со всѣмъ современными учеными мыслителями; но онъ не имѣетъ права заикнуться о «кризисѣ марксизма» и забыть о томъ что марксизмъ есть откровеніе, въ котѣромъ не можетъ чего либо не быть, которое не можетъ заключать что либо въ основѣ невѣрное.

Естественно, что эту сущность соц-д-ихъ стремленій и слѣдующую изъ нея сложность программы, социалисты хуже понимаютъ во французской республикѣ, нежели въ германской имперіи. Но лучіе всего и скорѣе всего соц-д-ая программа понята тамъ, гдѣ учрежденію буржуазнаго рая съ вкусными плодами его прогресса мѣшаетъ такая громадная сила, какъ русское самодержавіе, гдѣ соц-дамъ приходится не только «довершать» «покинутое буржуазіей дѣло-свободы», но и самимъ собственноручно продѣлывать буржуазную революцію съ самаго ея начала.

Не смотря на молодость Р. С. Р. П., въ Россіи раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, возникло бернштейнианство (раньше появленія Бернштейна - реформиста) и раньше чѣмъ вездѣ оно «свершено» исчезло, превращаясь благополучно въ сплошную ортодоксію.

Русскій соц-д-измъ, какъ массовое явленіе, родился какъ бернштейнианство. Революціонеръ въ Россіи согласился стать соц-д-омъ лишь тогда, когда даже для нѣмецкихъ министровъ и прокуроровъ стало несомнѣннымъ, что соц-д-ія — противникъ насильственной рабочей революціи, что она, какъ партія буржуазнаго прогресса, является во всякомъ конституціонномъ государствѣ «партіей порядка».

Русскій соц-д-измъ родился какъ легальный марксизмъ. Учителями нынѣшнихъ ортодоксовъ были извѣстные теперь вожаки русской либеральной буржуазіи, предвосхитившіе всѣ пункты ревизионистской программы. Главнымъ и первымъ пунктомъ этого пролетарскаго ученія была цѣлесообразность, желательность и законность капиталистическаго прогресса и вѣра въ тредюнионистскаго рабочаго, какъ его носителя.

Воспринявъ такимъ образомъ соц-д-измъ, какъ формулу буржуазнаго прогресса, русскій революціонеръ формулировалъ одновременно съ этимъ социализмъ, какъ идеалъ, какъ религію, вдохновляющую на этотъ прогрессъ и освящающую его.

Для превращенія русскихъ бернштейнианцевъ въ ортодоксовъ не понадобилось потомъ вовсе никакого перевоспитанія, понадобилось лишь ощущеніе возможности и близости столь желанной буржуазной революціи и вытекающее отсюда сознаніе необходимости внести въ русскія рабочія массы революціонную непримиримость по отношенію къ самодержавной власти и непоколебимую ортодоксальную вѣру въ социалистическое провидѣніе, предначертанія котораго указываютъ, что единственный и несомнѣнный путь въ социалистическій рай скрытъ во всероссійской конституціи.»

III

Однимъ изъ первыхъ крушеній социалистической утопіи было слѣдующее:

Приведенныя въ отчаяніе ужасными кризисами англійской промышленности, поднимавшіе уже не одинъ бунтъ рабочія массы, въ началѣ 30-хъ г. г. дружно и успѣшно собираются подъ знаменемъ ученія Овена. Въ каждой отрасли производства, на каждой фабрикѣ рабочіе, устранивъ совершенно излишнихъ паразитовъ капиталистовъ, возьмутъ все производство страны въ свои руки и, обмѣнивая свои произведенія въ центральномъ бюро, учредятъ общество равныхъ работниковъ...

Извѣстно, что лишь только движеніе приняло болѣе широкіе размѣры, при первомъ, болѣе крупномъ столкновеніи съ капиталистами, англійское правительство посылаетъ войска, свирѣпымъ разгромомъ наводитъ панику на всѣ рабочія массы, и полумилліонная организація овенистовъ еще быстрѣе исчезла, нежели возникла.

Этотъ историческій фактъ представляетъ собою характерное явленіе въ исторіи социалистическаго движенія.

Наслѣдники овенистовъ — чартисты нашли, что утопическая формула Овена, не предвидѣвшая столь естественнаго удара, открыла лишь долю того господства, которое тяготеетъ надъ рабочимъ классомъ. Заключить изъ этого фiasco, что формула эта не вѣрна, что она не открываетъ еще основы вѣковой неволи, — таково заключеніе не позволили бы сдѣлать ни чартисты, ни какіе-либо другіе социалисты XIX ст. Послѣдующее социалистическое движеніе допускало лишь тотъ выводъ, что формула первыхъ утопистовъ не полна.

Кто приходитъ на помощь капиталистамъ, въ видѣ государственной власти? — на этотъ вопросъ должны были отвѣтить чартисты послѣ овенистскаго крушенія.

Развѣ не вся совокупность имущихъ классовъ, въ которой владѣльцы фабрикъ и земли составляютъ лишь часть? Развѣ не все стоящее надъ рабами ручнаго труда общество — *потребитель* взимаемой капиталистами *національной прибыли*? Развѣ не все буржуазное общество, для котораго капиталисты лишь уполномоченные, котѣрому капиталистическая эксплуатація рабочихъ создаетъ фондъ для паразитнаго существованія? Развѣ не вся выстроенная вѣками организація *владѣльцевъ богатствъ* страны?

Такой мысли не могли ни на минуту допустить ни чартисты, ни другіе социалисты XIX столѣтія. Ибо первою обязанностью социали-

стической науки было убедить рабовъ современнаго міра, будто единственными эксплуататорами въ обществѣ являются капиталисты — владѣльцы фабрикъ и земли, будто въ буржуазномъ обществѣ нѣтъ никакихъ другихъ имущихъ классовъ, никакихъ другихъ паразитовъ, и будто всѣми богатствами міра завладѣла «горсть магнатовъ капитала».

Итакъ, какой же отвѣтъ на явившійся вопросъ дала социалистическая наука?

На помощь капиталистамъ, говорили чартисты и всѣ слѣдующіе за ними социалисты, явился «другой врагъ» рабочаго класса, врагъ новый, экономистамъ изъ школы Овена вовсе неизвѣстный, врагъ особый, совершенно другого происхожденія, изъ совершенно другой области, «изъ области политической». Классъ капиталистовъ «присвоилъ себѣ политическое господство», государственную власть «превратилъ» ее въ комиссію для своихъ эксплуататорскихъ дѣлъ. Рабочій классъ, завоевавъ хартію, всеобщее избирательное право, выступленіемъ своимъ въ политической жизни, лишитъ капиталистовъ ихъ «временнаго» господства, и только тогда, въ настоящей демократіи найдетъ условія и возможность осуществленія своихъ первоначальныхъ социалистическихъ плановъ.

«Коммунистическій Маніфестъ», легшій въ основаніе послѣдующаго соц.-д.-аго движенія, являясь синтезомъ предшествовавшихъ социалистическихъ теченій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе твердымъ обоснованіемъ чартистской программы. Его болѣе глубокія мысли, нѣкоторыя, болѣе смѣлые порывы къ новому, послѣ признанія основной формулы первыхъ утопистовъ, обречены были на то, чтобы въ дальнѣйшемъ марксистскомъ движеніи почти безслѣдно затеряться.

Послѣ установленія описаннымъ способомъ «двухъ враговъ» рабочаго класса, для социалиста безповоротно весь міръ распался на двѣ совершенно отличныя области — политики и экономики, двѣ области, слиться которымъ опять въ одно цѣлое не представляется больше никакой возможности. Соответственно съ этимъ получила двоякаго рода неволя, слѣдующая изъ двойнаго — политическаго и экономическаго господства буржуазіи, и двоякаго рода будущее освобожденіе рабочаго класса для завоеванія «какъ экономической, такъ и политической свободы».

Распаденіе всей жизни на экономику и политику положено въ основу ученія обоихъ теченій современнаго социализма, какъ соц.-демократическаго, такъ и анархистскаго. И въ настоящее время нѣтъ болѣе социалиста, у котораго было бы одно дѣло. Для всѣхъ безъ исключенія современныхъ социалистовъ освобожденіе рабочихъ не есть единое социалистическое дѣло, а два дѣла, — до такой степени, что объ этомъ заявляетъ всякій социалистъ, всякое социалистическое произведеніе съ перваго же своего слова, при одномъ произнесеніи собственной клички: «социаль-демократъ», «социалистъ-анархистъ». Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь — не только социалисты, но еще обязательно — или демократы, или анархисты; не только стремятся осуществить социализмъ, но еще добавляют — или выстраиваютъ, кромѣ социализма, идеальное государство, идеальную демократію, или, кромѣ освобожденіа

рабочихъ путемъ социализма, освобождаютъ ихъ еще путемъ упраздненія государства.

При этомъ замѣчательно, что анархисты, тѣ самые, которые будто бы интересуются только экономикой и презираютъ строй демократической, политической свободы, своимъ специфическимъ способомъ раздвоенія социалистическаго дѣла, отстаиваютъ существованіе особой — отъ экономической — области политики, а тѣмъ самымъ и необходимостью особаго, политическаго освобожденія рабочаго класса, еще болѣе твердымъ, еще болѣе грубымъ способомъ, чѣмъ соц.-демократы, умѣющие еще иногда, въ случаѣ нужды сводить все къ экономикѣ и выставлять политику «только средствомъ».

Для полнаго освобожденія надо, по программѣ анархизма упразднить «не только капиталъ, но и государство», «не только частную собственность, но и власть». И не мыслимо иначе, твердить анархисты: вѣдь «капиталъ» и «частная собственность» живутъ себѣ въ своемъ царствѣ экономики, а «власть» и «государство» имѣютъ свое, совершенно особое, царство политики.

Итакъ, всѣ современные социалисты непоколебимо увѣрены въ томъ, что осуществить предстоитъ не одну, а двѣ человѣческихъ свободы — экономическую и политическую.

«Двѣ свободы!» — Экономическое и политическое освобожденіе чловѣка!

Социалистическая наука приобрѣла наконецъ ясность талмуда.

Социализмъ XIX ст., даже въ самые революціонные свои моменты, даже въ лучшихъ своихъ теченіяхъ, не открывалъ никогда сущности вѣковой неволи рабочихъ, организованнаго цивилизаціей грабежа. Съ своимъ развитіемъ онъ теряетъ даже то ощущеніе вѣковой неволи ограбленныхъ, которое у него было въ его лучшіе моменты. Конечно, всѣ социалистическія теченія стараются «раскрывать» эксплуатацію и представляютъ «полное освобожденіе» рабочаго класса, какъ освобожденіе экономическое, «но послѣднее все болѣе начинаютъ истолковывать не какъ уничтоженіе грабежа, — источника неволи, — не какъ захватъ рабочими имущества владѣющаго меньшинства, а какъ экономическое преобразование общества, какъ освобожденіе, по выраженію марксизма, чловѣка вообще изъ подъ власти независимо отъ его воли дѣйствующихъ экономическихъ законовъ, какъ социалистическое строительство свободнаго народа, достигшаго, повидимому, этихъ свободныхъ условій своего творчества, уже предварительно на другомъ пути.

— Сущующее общество — организація грабежа и эксплуатаціи. Свобода для рабочихъ наступаетъ лишь съ экспроприаціей грабителей.

Эти лозунги, въ устахъ социализма прошлаго вѣка, даже въ моменты наиболѣе революціоннаго его настроенія, являются не твердымъ убѣжденіемъ, не конкретнымъ, непоколебимымъ стремленіемъ, а агитационной фразой, которая лишь кокетничаетъ съ рабочими возстаніями.

Этимъ искусствомъ въ наибольшей степени владѣетъ марксизмъ. Онъ объявляетъ единственной своей заботой успѣхъ классовой борьбы

пролетариата, для того, чтобы в действительности ввести классовую борьбу рабочих в русло буржуазного прогресса. Иезуитская наука марксистов стремится вызвать у своих пролетарских последователей доверчивое к себе отношение и глубокую иллюзию, будто она ни на минуту не сходит с классовой точки зрения пролетариата, будто, считая сущностью, «базисом» цивилизованного общества только классовую борьбу, только эту «экономичку», она никогда не забудет и не в состоянии забыть о том, что общество есть организация эксплуатации, что оно состоит лишь из ограбленных и их грабителей?

Между тем, в действительности, марксистское обучение пролетариата преследует с первого своего шага, с непоколебимой твердостью прямо противоположную цель, цель установления основного, всеобъемлющего единения всех классов общества, грабителей и ограбленных. «Экономической базис» классового общества заложен в марксистской философии, как всеопределяющий фундамент для объединения господ и поработанных в единый природный хозяйственный организм. Воспитанники марксистской школы, вместо общеданного понимания общества, как организации грабежа, приобретают в конце своего обучения, твердое познание классового общества, как единого целого, как сотрудничества рабов и рабовладельцев, сотрудничества безсознательного, но тем не менее безпрекословного перед лицом законов природы и исторической необходимости. Словно воспитанники любой церковной или государственной школы, они научились объединять грабителей и ограбленных в единой, «имманентной» общественной цели, в прогрессе промышленности и цивилизации, ведущем к социалистическому раю; в единых, общих как господам, так и поработанным, экономических нуждах национальной промышленности.

Вместе с легализацией социализма в «эксплуатации» уличается лишь «горсть» плутократов, «магнатов капитала», «капиталистических феодалов» и социалистическое понимание эксплуатации уподобляется пониманию гуманитарных демократов осуждающих гнет богачей над бедными гражданами, эксплуатацию кучкою капиталистов *всего общества*. В лагере социалистов исчезает совершенно ощущение того грабежа, который положен в основу самого существования цивилизованного общества, ощущение неволи рабов, ограбленных рабочих масс. Социалисты этой неволи больше не чувствуют, не знают, как и всякий мирный обыватель.

На почве этой неволи рабов, большинства обреченного на пожизненный ручной труд, социалисты завоюют вполне доступные рабам гражданское равноправие с их господами, вполне доступную им *настоящую свободу*, неподдельную политическую свободу.

Но современные социалисты, как известно, не только «единственные» искренние либералы но и «единственные последовательные» демократы. Ограбленных они умывают сделать, не уничтожая неволи, не только свободными и полноправными гражданами, но даже господами и самостоятельными хозяевами в общественной жизни. В Польшу они устраняют грабительский режим чужеземных завоевателей, достигнуть самостоятельности либо автономии страны, и

польский пролетариат вместе со всей польской нацией, делается самостоятельным хозяином в своем собственном доме.

В России социалистические рабочие свергнут иго самодержавия этот «единственный источник всех наших бед» и в виде свободного русского народа станут полными господами своей судьбы.

Для современного социализма, который таким образом является лишь средством удержания всей лжи либерализма и демократических утопий, оказывается совершенно недоступным понимание действительного положения рабочих масс в цивилизованном обществе, понимание всего размаха их вневкового рабства.

Для уяснения смысла и сущности цивилизованного общества и его исторического развития, для определения тем для людей является это общество и его устои, социализм не думал справляться с ощущениями тех миллионов, которые этим обществом поработаны. Он старался гонять лишь взгляды и ощущения строителей этого общества, хозяев и господ поработанных масс.

Возстания рабов древних, средних и новых веков говорят ему, что цивилизованное общество есть тюрьма, организация неволи, как в древних и новых деспотиях, так в древних и новых демократических республиках, что родилось оно и существует до сих пор для поработания людей, что исторический ход есть выражение воли господствующего меньшинства, организующего путем грабежа силу и средства поработания в цивилизованном обществе. Но социалистической науке не подобает внимать голосу невольственных рабов. Она с неудовольствием отворачивается от этой нагой правды, от этого ужасного смысла цивилизации. Она ищет разъяснений у ученых людей, у ученых истолкователей и строителей этого общества, желая быть их достойной наследницей, она ищет их у философов всех времен, которые по ее мнению (марксизм) всегда высказывали доступную их веку истину. Извлеченная таким образом социалистическая правда, как правда объективная стоящая выше мелких классовых ссор и раздоров, бесконечно ближе и приятнее сердцу социалистической науки, и прямо противоположна субъективным ощущениям и настроениям бунтующихся масс.

И среди непрерывно развивающегося озлобления рабов XIX века, среди кровавых усмирений рабочих митей и разгромов, в социалистической церкви раздается тихая пьеса вьры, с которой по силе и характеру влияния может сравниться разве проповедь Христа.

— Общество, по законам которого усмиряются теперь рабочие бунты, находится в состоянии кризиса, который однако сам является гарантией его оздоровления, который обещает близкое возрождение этого общества, ибо оно возникло для совместной борьбы людей с природой, ради общих всем классам нужд и всегда в своем развитии подчинялось нуждам производства, общим потребностям, этим законам исторической необходимости. Законы развития цивилизованного общества суть законы сотрудничества. В

древніе времена, при скудости средств, при грубости нравовъ это сотрудничество не могло выразиться иначе, какъ въ видѣ «принудительнаго» сотрудничества рабовъ и рабовладѣльцевъ. По тѣмъ же историческимъ законамъ челоѣческаго сотрудничества классовое расчлененіе общества и классовое господство существовало и развивалось на протяженіи вѣковъ, вплоть до настоящаго времени. Но въ нашъ счастливый вѣкъ, сами кризисы общества, само вырожденіе и безсиліе правящихъ классовъ, даетъ неопровержимый доводъ ихъ негодности, сами законы историческаго развитія этого общества обрекаютъ ихъ на смерть. Не только нужды рабочихъ, но само дальнѣйшее существованіе общества требуетъ коммунистическаго строя.

Такія сказки въ одинаковой мѣрѣ, хоть и на разные лады, сочиняетъ наука всѣхъ социалистическихъ теченій. Болѣе наивная «индуктивно-дедуктивная» наука анархистовъ исторической ростъ всякой «общественности», хотя бы общественной греческихъ рабовладѣльцевъ и современныхъ капиталистовъ, подводитъ подъ категорію развитія въ челоѣчествѣ принципъ солидарности, по которымъ воздвигается социалистическій рай. Болѣе умная и выдержанная «объективная» наука соц.-дем.-овъ, понимая глубже «соціальныя антагонизмы», указываетъ предпосылки социализма за предѣлами сознанія, за предѣлами сознательныхъ усилій людей, и поэтому принуждена увеличить дозу провиденціализма, по которому даже капиталисты работаютъ безсознательно въ пользу социалистическаго рай и изъ капиталистическаго зла рождаютъ социалистическое благо, изъ капиталистическихъ противорѣчій — коммунистическую гармонию.

Но не смотря на различія и даже официальную вражду, одна и другая социалистическая наука дѣйствуетъ на психологію возстающихъ рабовъ совершенно одинаковымъ образомъ: усыпляетъ ихъ, какъ всякая религіозная проповѣдь, социалистическая наука обуздываетъ ихъ революціонную энергію, ихъ переворотные планы. Она вскармлиываетъ у нихъ вѣру въ помощь силъ существующихъ внѣ ихъ собственныхъ усилій, въ помощь такъ или иначе сочиненной фикціи, вскармлиываетъ надежду на содѣйствіе этой фикціи, надежду влекущую за собой ослабленіе непосредственной, конкретной борьбы.

Если марксистская наука пріобрѣтаетъ тождественность со всѣми религіозными системами своимъ установленіемъ «имманентной цѣлесообразности» въ прошломъ и настоящемъ челоѣческаго общества, въобрѣтеніемъ социалистическаго провидѣнія, то наука анархистовъ, въ своей проповѣди солидарности и вѣры въ эту солидарность какъ залогъ возможнаго и близкаго осуществленія социалистическаго райа, совершенно сближается съ проповѣдью Христа о любви, какъ залогъ «царствія божія» на землѣ. *)

Социалистическая наука распространяется по всему міру и всюду производитъ надлежащее дѣйствіе. При ея помощи бурныя стачки, мятежи и волненія рабочихъ преобразуются въ узаконенную профес-

*) Не даромъ Толстой избралъ для возрожденія христіанства анархистское ученіе, легализацію котораго онъ констатируетъ. Но анархистское протестанство привлекаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по старой памяти и въ виду отсутствія другаго боеваго знамени, — нѣко-

сиональную борьбу тредъ-юніоновъ, а ощущеніе неволи служить лишь пищей для социалистическихъ демонстрацій, праздниковъ и молитвъ.

То обстоятельство, что реальнымъ, «положительнымъ» плодомъ социалистической науки оказывается буржуазный прогрессъ, является совершенно естественнымъ слѣдствіемъ основныхъ положеній «революціоннаго» ученія социализма.

Социалисты не объявляли никогда войны цивилизованному обществу, какъ организациі грабежа, а возстали лишь противъ вырожденія этого общества, вызваннаго господствомъ плутократовъ. Залогомъ ихъ революціи было безсиліе правящихъ классовъ, безпомощность, безвыходность и кризисъ капитализма, неумѣнье капиталистовъ господствовать и управлять дальше промышленностью, «переросшею узкія рамки» современнаго строя.

Какъ ни строго научны аппеляціи социалистовъ къ экономическимъ законамъ, которые живутъ якобы внѣ воли людей и несутъ смерть капиталистамъ, а социалистамъ рай, какъ ни объективны ихъ заклинанія вызывающія, социалистическое провидѣніе, послѣднее ни за что не хочетъ родиться на грѣшной землѣ.

Наоборотъ, вѣрующимъ социалистамъ съ каждымъ годомъ приходится убѣждаться въ томъ, что столь милостивые, казалось, законы экономического развитія чрезвычайно строги. Существующій строй «оказывается жизнеспособнымъ», правящіе классы помолодѣли, капиталистическій способъ производства «оказался способнымъ къ развитію». Очевидно социалистическая революціа далеко еще не созрѣла и затѣвать ее — преступно.

Социалисты провозгласили ниспроверженіе капиталистическаго строя лишь постольку и лишь потому, что они были увѣрены, что паденіе капиталистическаго хозяйства, является очередной фазой въ развитіи тѣхъ же самыхъ «экономическихъ законовъ», «экономической необходимости», которые господствовали на протяженіи всѣхъ истекшихъ вѣковъ.

Хотя въ этомъ расчетѣ оказалась неожиданно основная и очень крупная ошибка, социалисты тѣмъ не менѣе, желая остаться вѣрными своей первоначальной позиціи, желая удержатъ въ чистотѣ первоначальное социалистическое ученіе, должны попрежнему подчиняться тому же историческому ходу, не смотря на то, что онъ обнаруживаетъ теперь не безсиліе, а прогрессъ буржуазнаго строя. Социалисты не могутъ объявить вдругъ бунтъ противъ исторической необходимости и естественнаго историческаго хода, противъ инстанціи, которую они сами объявили безапелляціонной.

которые наиболѣе возмущенные современнымъ гнетомъ элементы. Отъ этого не мѣняется конечно характеръ доктринъ, и наиболѣе революціонные элементы находятъ въ призрачно-непримиримой анархистской доктринѣ лишь наиболѣе сильную для своего революціонизма отраву.

Но социалисты по прежнему подчиняются новому историческому ходу, т. е. буржуазному прогрессу, даже не в ущерб своим интересам, а напротив с очень значительным, почти полным удовлетворением. Вѣдь они объявляли войну капитализму по поводу отсутствия перспективы его развития. Стало быть, совершенно неожиданно наступившее развитие буржуазного строя должно нести и несомненно несут социалистамъ удовлетворение.

Въ самомъ дѣлѣ, буржуазный строй былъ достоинъ низверженія, пока грозитъ передать всѣ богатства уменьшающейся горсти плутократовъ; экспроприровать самихъ имущихъ, уничтожить средние классы и все общество превратить въ поденщиковъ-пауперовъ. Но вѣдь современный капитализмъ ничуть не похожъ на такого тирана.

Онъ не только не уничтожаетъ среднихъ классовъ, но создаетъ цѣлую новую систему приличныхъ доходовъ для среднихъ имущихъ слоевъ общества, создаетъ для нихъ въ своихъ городахъ невиданный при предшествующихъ способахъ производства комфортъ. У бѣдняка онъ вовсе не отнимаетъ надежды «выйти въ люди», войти когда нибудь въ среду благополучно растущаго привилегированнаго общества. Такъ за что же низвергать буржуазный строй? За то, что онъ строй грабежа и эксплуатаціи? Но вѣдь социалистическая наука никогда, даже въ періодъ своей первоначальной, революціонной чистоты, не считала такого мотива достаточнымъ основаніемъ для возгласенія революціи.

Вотъ въ какомъ видѣ окончательно опредѣлилась помощь науки, оказанная рабамъ XIX столѣтія, вотъ къ чему привело стремленіе къ «научному обоснованію» рабочей программы, стремленіе опереть рабочее дѣло не только на «субъективныя» ощущенія и пожеланія класса, но на «объективныя» нужды всего общества, на объективную правду, обязательную для всѣхъ людей, для всего человѣчества.

Въ видѣ социализма истекшаго столѣтія исторія дала еще одинъ примѣръ, какъ стремленіе благотѣльствовать все человѣчеству, чтобы быть послѣдовательнымъ, благотѣльствуетъ и ограбленныхъ и ихъ грабителей, даетъ въ результатъ грабителямъ укрѣпленіе господства, а ограбленнымъ... слово божье и вѣру въ наступленіе рая для будущихъ счастливыхъ поколѣній.

IV

Социализмъ XIX вѣка не сознаетъ, не ощущаетъ того грабежа, который положенъ въ основу цивилизованнаго общества. Естественно, что онъ не знаетъ и средства упраздненія этого грабежа, освобожденія поработенныхъ рабочихъ массъ.

Что касается его социалистической панацеи обобществленія средствъ производства, то какъ указано выше, современный социализмъ, въ лицѣ всѣхъ своихъ теченій, самъ въ ней не увѣренъ, онъ самъ считаетъ ее недостаточной, требующей пополненія анархистской или демократической утопией.

Обобществленіе средствъ производства, говоритъ научный социализмъ, если вздумать произвести такое преобразование немедленно, не только не освободило бы рабочаго класса, но въ большинствѣ случа-

евъ, въ большей части современныхъ государствъ, послужило бы средствомъ укрѣпленія гнета и эксплуатаціи. (Кауцкій) Лишь послѣ достиженія «полной демократической свободы» и послѣ достаточнаго подготовленія рабочаго класса обобществленіе средствъ производства можетъ принести полное освобожденіе.

Съ другой стороны, анархисты точно также доказываютъ недостаточность социалистической панацеи. Если «обобществленіе», говорятъ они, произведетъ соц.-дем.-ія, т. е. государственные социалисты, то вѣковая неволя отъ этого ничуть еще не исчезнетъ. Только послѣ уничтоженія государства, послѣ освобожденія отъ государства и его гнета, освобожденія достигнутаго въ результатъ еще и другой, неэкономической, а специально антигосударственной борьбы, наступитъ прекращеніе вѣковой неволи.

Итакъ, если подъ «обобществленіемъ» понимать прекращеніе эксплуатаціи посредствомъ экспроприаціи грабителей,—а на это вѣдь формула претендуетъ,—то самъ социализмъ всѣми своими современными программами доказываетъ, что въ этомъ отношеніи социалистическая панацея недостаточна. Отсюда вытекаетъ неотклонимый выводъ, что «обобществленіе» можетъ экспроприровать лишь часть эксплуататоровъ, а не всѣхъ, можетъ упразднить лишь одну изъ формъ эксплуатаціи, но не эксплуатацію вообще. Социализмъ нападалъ лишь на одинъ видъ эксплуатаціи и грабежа, а не на саму ихъ вѣковую основу. Социализмъ нападаетъ на грабежъ капиталистовъ, частныхъ предпринимателей, собственниковъ средствъ производства. Формула «обобществленія» гарантируетъ исчезновеніе этого класса. Если теперь, какъ признаютъ сами вѣрующіе въ эту формулу, она сама по себѣ не гарантируетъ освобожденія рабочихъ, прекращенія ихъ эксплуатаціи, стало быть исчезновеніе капиталистовъ не есть еще исчезновеніе грабителей и грабежа вообще. Слѣдовательно не только капиталисты—эксплуататоры, слѣдовательно грабежъ существуетъ еще въ классѣ частныхъ предпринимателей, самостоятельныхъ собственниковъ фабрикъ и земли, существуетъ слѣдовательно, кромѣ капиталистическаго владѣнія средствами производства, еще какая то собственность, пользованіе которой есть результатъ грабежа.

На этотъ неумолимый выводъ социализмъ истекшаго столѣтія наталкивался безконечное число разъ. При критикѣ утопистовъ, искренне стремившихся путемъ обобществленія примирить классы и исцѣлить общество, при критикѣ королевскихъ коммунистическихъ совѣтниковъ, при собственныхъ неудачахъ въ массовыхъ возстаніяхъ, при сѣрыхъ перспективахъ безконечно медленнаго движенія къ идеалу, когда рядомъ, поднимаются крупнѣйшие мятежи рабочихъ массъ противъ строя неволи, при ростѣ грязи и оппортунизма въ социалистической церкви,—во всѣ эти моменты социализмъ стоялъ передъ вышеприведеннымъ выводомъ и съ непоколебимымъ, рѣшеннымъ разъ навсегда упорствомъ, отварачивается отъ него.

Что значить это упорство?

Свою формулу обобществленія социализмъ рѣшилъ сдѣлать откровеніемъ, не подлежащемъ критикѣ. Каждое «іаско» лишь побуждало его напрягать всѣ силы, чтобы спасти эту формулу.

Чѣмъ больше онъ убѣждался въ ея недостаточности, тѣмъ больше научныхъ, объективныхъ доводовъ ея непогрѣшимости изобрѣтали его ученые. И все это имѣло цѣлью, на изношенной формулѣ, которую самимъ имъ приходится безпрестанно штопать, сосредоточить всѣ помыслы, всю вѣру массъ. Этимъ грубымъ приемомъ жрецовъ и поповъ атеистическая, позитивная наука постаралась обезпечить за безпрестанно банкротствующей формулой обобществленія ея всеисцелительность, создать такимъ образомъ тотъ социалистическій крестъ, которымъ любой политической шарлатанъ можетъ осѣнить себя, чтобы подъ щитомъ социалистическаго исповѣданія скрыть свои настоящія цѣли и стремленія.

Выше мы старались показать на примѣрѣ чартистовъ, что социалисты, уже въ этотъ періодъ, принуждены были прибѣгнуть къ самому грубому штопанію своей панацеи.

Если формула обобществленія сама по себѣ не даетъ еще освобожденія пролетариату и полного упраздненія эксплуатаціи, то ее слѣдуетъ дополнить старыми идеалами, идеалами демократизма и анархизма.

Идеалы тѣхъ направленій, которые съ самого своего возникновенія не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія знать что либо объ эксплуатаціи рабочаго класса, которые строятъ свои планы свободы именно на почвѣ непризнанія этой эксплуатаціи, — эти то идеалы должны были обезпечить полное освобожденіе рабочаго класса. И такимъ образомъ, путемъ простого сложения двухъ завѣдомо недостаточныхъ и негодныхъ истинъ, современный социализмъ стремится обезпечить за собой свою абсолютную безошибочность.

Въ такомъ грубо зашлатанномъ видѣ всеисцелительная формула поставлена и въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». — «Первый шагъ въ рабочей революціи есть завоеваніе демократіи», — «возвышеніе пролетариата въ классъ господствующій», — «завоеваніе диктатуры пролетариата».

Пришлось подождать всего нѣсколько мѣсяцевъ и реальная борьба рабовъ общества ниспровергаетъ вновь, казалось, такъ прочно установленную панацею. Идеальная демократія, «соціальная республика» со всѣми абсолютными свободами была дѣйствительно завоевана, но она оказалась не диктатурой пролетариата, какъ обѣщала формула Манифеста, а... диктатурой буржуазіи. Послѣдняя постаралась немедленно показать очень внушительно, что демократическая свобода, — это якобы «возвышеніе пролетариата въ классъ господствующій» — есть свобода буржуазнаго общества, ничуть не ослабляющая неволи для своихъ рабовъ — рабочихъ, съ которыми она умѣетъ справляться, если они вздумаютъ относить свободу на свой счетъ и не подчиняться законамъ своего рабства.

Еслибы социализмъ XIX вѣка былъ дѣйствительно тѣмъ, на что онъ претендуетъ и что въ немъ видятъ вѣрующіе, еслибы онъ былъ настоящимъ стремленіемъ къ упраздненію вѣковой неволи рабочихъ массъ, онъ по крайней мѣрѣ послѣ такого крупнѣйшаго и краснорѣчиваго факта, какъ юнскіе дни призналъ бы свою ошибочность, призналъ бы, что даже наиболѣе дальнзоркая его программа, указан-

ная въ Коммунистическомъ Манифестѣ, разбита въ пухъ и прахъ. Онъ призналъ бы цѣлый рядъ слѣдующихъ фактовъ, въ корнѣ подрывающихъ его основы.

Современное цивилизованное общество, съ тѣхъ поръ какъ низвергло абсолютныхъ деспотовъ и королей не можетъ жаловаться, что у него «руки связаны». Республиканское общество, самолично выражающее свою собственную волю, желающее чтобы весь народъ самъ безпрепятственно опредѣляя свою судьбу, чтобы правительство было его слугою, то демократическое общество, которое не прочь перевести нѣсколько милліоновъ изъ кармановъ богачей въ «общее достояніе націи», ограничить произволъ плутократовъ кое-какимъ фабричнымъ законодательствомъ, — это республиканское, демократическое общество является по отношенію къ современнымъ рабамъ, рабочимъ, тѣмъ же самымъ неумолимымъ господиномъ, какимъ являлись римскіе рабовладѣльцы по отношенію къ своимъ невольникамъ. Когда возникъ вопросъ, можно ли этихъ рабовъ, обреченныхъ на пожизненный ручной трудъ, признать участниками необходимыхъ средствъ жизни хоть въ той мѣрѣ, чтобы во время безработицы выдавать имъ въ «національныхъ мастерскихъ» ихъ рабскій паекъ, можно ли уничтожить голодовки современныхъ рабовъ, этотъ бичъ, гонящій ихъ въ ихъ каторжную работу, — демократія, этотъ самодержавный народъ, дала непоколебимый отвѣтъ въ юнскій рѣзніѣ. Отвѣтъ дали не плутократы, не грубые, городскіе кулаки и лавочники, а образованное общество, «двѣтъ» французской націи, аристократія духа. Усмирителями явились недавніе конспираторы, вызвавшіе рабочихъ на борьбу за «торжество свободы». «Горе юно!» кричала вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, революціонная социалистическая интеллигенція, учащаяся молодежь.

И общество ничуть не заблуждалось во всей этой исторіи, а обнаружило лишь свою сущность. Рабство большинства, обреченнаго до рожденія, на пожизненую каторгу ручного труда нужно самому этому обществу: не кучкѣ лишь плутократовъ, не горсти капиталистовъ, а всѣмъ привилегированнымъ классамъ, и не только собственникамъ земли, фабрикъ и мастерскихъ, но и владѣльцамъ культуры и цивилизаціи, образованному обществу, арміи умственныхъ рабочихъ. Все паразитное существованіе современнаго привилегированнаго образованнаго общества, какъ правителей, хозяевъ и владѣльцевъ растущихъ богатствъ природы и цивилизаціи, обусловлено рабствомъ большинства, пригнореннаго къ пожизненному ручному труду, которому полагается получать лишь рабскій паекъ, а всѣ растущія богатства передавать въ руки капиталистовъ и капиталистическаго государства, этихъ въполномоченныхъ собирателей національной прибыли, на счетъ которой живетъ все буржуазное общество весь господствующій міръ бѣлоручекъ.

Чартистская интеллигенція въ Англии, теряющая моментально, съ наступленіемъ массовыхъ стачекъ, всю свою революціонность, интеллигенція всевозможныхъ французскихъ коммунистическихъ сектъ, предоставившая въ послѣдствіи рабочихъ Кавеньяку, германская социалистическая интеллигенція, отвергающая въ 40-хъ годахъ «западно-

европейскій капитализмъ»—подъ социалистическимъ строительствомъ, для котораго она требовала свободы, понимала собственную свободу быть непосредственнымъ учителемъ, руководителемъ народа и національной жизни, которую, при помощи науки, она обѣщала моментально превратить въ строй равенства и братства. Социализмъ послужилъ ей простымъ средствомъ вовлеченія рабочихъ массъ въ борьбу за тотъ конституціонный и демократическій рай, въ которомъ нынѣ она полонравный хозяйнѣ. Впрочемъ она была искренне социалистична въ томъ смыслѣ, что негодовала по поводу собственного своего превращенія въ наемника кулаковъ и жаждала скорѣйшаго участія въ пользоваіи богатствами, присвоенными горстью плутократовъ.

Коммунистическій Манифестъ былъ наиболѣе глубокой и жизнеспособной формулой этого «демократическаго» социализма новѣйшей европейской интеллигенціи.

Онъ доставилъ этой формулѣ долговѣчность своимъ болѣе глубокимъ пониманіемъ «соціальныхъ антагонизмовъ», своимъ умѣніемъ завладѣть до нѣкоторой степени классовой борьбой рабочихъ и ввести ее въ нужныя ему рамки. Исторія февральской революціи не побудила марксизмъ ни въ малѣйшей мѣрѣ признать какія-либо свои ошибки. Напротивъ, прийдя послѣ 48 года лишь въ болѣе пессимистическое настроеніе онъ объявилъ себя безошибочнымъ откровеніемъ. Этимъ онъ, конечно, не только не предохранилъ рабочій классъ отъ политической эксплуатаціи демократическимъ обществомъ, а напротивъ гарантировалъ радикальной буржуазіи эту эксплуатацію гораздо прочнѣе, чѣмъ другія социалистическія направленія. И въ настоящее время, въ Россіи марксистская партія открыто и съ гордостью сама заявляетъ объ этомъ, ругаясь за благополучное проведеніе либеральной революціи съ помощью воспитанныхъ ею рабочихъ.

Провозглашеніе откровенія, въ исторіи всегда имѣло цѣлью ограниченіе, обузданіе борьбы поработенныхъ. Такую же самую цѣль преслѣдуетъ и социалистическое, и въ частности, марксистское откровеніе. Борьба противъ грабителей никовымъ образомъ не должна идти дальше того предѣла, который назначенъ ей первоначальной формулой социализма. Грабители — только капиталисты, только владѣльцы средствъ производства.

Социалистическая наука не только не раскрываетъ основы вѣковой неволи. Ея откровеніе, съ которымъ соединено грубое суевѣріе массъ, прикрываетъ непроницаемымъ щитомъ всѣ остальные способы паразитнаго существованія, всю новую развивающуюся форму грабежа. Все большая и большая часть буржуазнаго общества получаетъ фондъ для своего паразитнаго существованія, какъ интеллигенція, какъ армія умственныхъ рабочихъ, невладѣющая лично средствами производства, но непрерывно увеличивающая и умножающая свои доходы, которые достаются ей, какъ наследственному владѣльцу всѣхъ знаній, культуры и цивилизаціи. Все это паразитное существованіе современнаго образованнаго общества, результатъ вѣкового грабежа, специальная новѣйшая форма присвоенія меньшинствомъ всего на-

слѣдія вѣковъ, грабежъ обрекающій большинство человечества на положеніе низшей необразованной расы рабовъ, этотъ грабежъ старательно заслоненъ щитомъ социалистическаго ученія, по которому единственные эксплуататоры—владѣльцы фабрикъ и земли, а интеллигенція живетъ собственнымъ трудомъ. Подъ щитомъ социалистической науки произростаетъ безпрепятственно новѣйшая форма грабежа.

Если, какъ показало выше социализмъ XIX ст. никогда не рѣшался низвергать вѣковой неволи, т. е. грабежа, положеннаго въ основу самого существованія цивилизованнаго общества, если онъ не сознаетъ и не опускаетъ той специфической его формы, до которой онъ развился въ новѣйшее время, то неизбѣжна утопичность всѣхъ создававшихся и возникающихъ его плановъ освобожденія рабочаго класса. Последнее для него немислимо представить, какъ единое дѣло, ибо ему недоступно пониманіе единаго источника неволи, изъ котораго произтекаетъ одинъ и тотъ же вѣковой гнетъ господствующихъ надъ поработенными. Социализму непремѣнно нужно распредѣлить господство по меньшей мѣрѣ на два его главныхъ вида (политическій и экономическій) и для каждаго изъ нихъ устанавливать особый источникъ. Современный социализмъ безпрестанно удаляется, и въ видѣ анархизма онъ удался болѣе всего и безповоротно,—отъ нія того, что грабежъ.—служащій исходнымъ пунктомъ и основою цивилизованнаго общества, вручая грабителямъ владѣніе имѣніями богатствами и культурой,—дастъ имъ тѣмъ же самымъ и надъ ограбленными, власть, организующую государство. уничтоженіе государства есть уничтоженіе вѣкового грабежа.

Современный социализмъ нарочито прежде всего выдѣлитъ упраздненіе грабежа, экспроприацію въ особое специальное «экономическое освобожденіе» и главнымъ образомъ превратитъ его изъ акта захвата имущества поработенными, захвата, производимаго заговоромъ, силою и возстаніемъ, въ актъ социалистическаго строительства свободныхъ членовъ общества, освободившихся уже предварительно въ «политической революціи». Прибѣненіе насилія для освобожденія рабочаго класса относится такимъ образомъ преимущественно къ политической революціи (къ захвату власти у соц.-д.-овъ, къ низверженію государства у анархистовъ), экономическое же освобожденіе социализмъ все болѣе старается представить какъ добровольное и свободное социалистическое строительство.

И здѣсь всѣ теченія современнаго социализма строятъ одну и ту же утопію. Она заключается въ ихъ представленіи, будто раньше социалистическаго—по ихъ выраженію—преобразованія общества предстоитъ достигнуть полной свободы дѣйствія, путемъ или соц.-д.-аго преобразованія демократіи въ идеальное выраженіе народной воли или анархическаго упраздненія государства. Этимъ современные социалисты заставляютъ, думать, что ограбленные сдѣлаются свобод-

ными раньше упразднения грабежа, которому они подвергнуты, раньше, чѣмъ сдѣлаются владѣльцами богатствъ и цивилизаціи, имущественно равными людьми. Но это и значить проповѣдывать величайшую утопію, которая притомъ еще, съ прогрессомъ цивилизаціи, самими социалистами, все болѣе удаляется въ безконечность.

Анархизмъ и соц.-дем.-измъ въ одинаковой мѣрѣ исповѣдуютъ эту утопію. И одинъ, и другой гоняются за фикціей обезпечить ограбленнымъ рабамъ свободу раньше завоеванія равнаго со всеми имущественнаго обезпеченія, лишь путемъ одного революціоннаго воздѣйствія на государство въ отграниченной ими чисто политической области. Соц.-дем.-измъ общааетъ поймать эту фикцію предварительнымъ усовершенствованіемъ народнаго представительства, анархизмъ упраздненіемъ централизованнаго государства и раздробленіемъ его на мелкія общины для наиболее полнаго самоуправленія и «прямого народнаго законодательства». Анархизмъ, какъ видно изъ сказаннаго есть лишь крайній пунктъ въ развитіи все того же идеала свободы демократіи. Оба направленія стараются выставить другъ друга противоположностями, но въ дѣйствительности сходятся на одной и той же демократической утопіи, стремленія къ «свободному союзу свободныхъ общинъ», гдѣ правительство является слугою народа, гдѣ народъ править самъ и потому вводитъ для общаго счастья социалистическую ассоціацію. Подъ программой Парижской коммуны, «желающей упразднить государство и не желающей внушать своей воли остальнымъ общинамъ Франціи, подъ этой программой, полной безпомощности передъ силой буржуазіи, подписались одинаково, какъ извѣстно, и Бакунинъ и Марсъ, и Энгельсъ и Кропоткинъ.

Демократическій идеалъ для достиженія всеобщей свободы мываетъ всевозможныя свои изобрѣтенія, какъ подъ видомъ социализма, такъ и подъ видомъ анархизма. Но преподноситъ ли реальное демократическое государство, или идеальную, самостоятельную мелкую общину, все равно — ни въ одномъ, ни въ другой никакая свобода не наступаетъ еще для того, кто рождается немощнымъ, обреченнымъ на ручной трудъ, кто ничего не знаетъ кромѣ своей ручной ручной работы, которой онъ съ дѣтства занятъ, въ то время, какъ другіе, счастливые рождаются владѣльцами цивилизаціи, воспитываются въ образованныхъ, въ правителей. И когда въ такомъ идеальномъ обществѣ средства производства переходятъ въ руки общества въ видѣ грабежъ оказывается совсѣмъ ненарушеннымъ, въ управленіи производствомъ, вся культура и ея плоды остаются въ рукахъ — бѣлоручекъ, а у рабочихъ остается все то же старое счастье быть исполнителями — рабами ученыхъ господъ.

Демократическая свобода все равно — является ли она въ видѣ социализма, или въ видѣ анархистской коммуны, — даетъ лишь свободу образованному обществу, владѣльцу цивилизаціи и знаній.

Свобода для рабочихъ завоевывается совсѣмъ на другомъ пути, — на пути всеобщихъ стачекъ — возстаній, поднятыхъ за участь людей, обреченныхъ на каторгу ручного труда.